

И. БОЛДЫРЕВ

у чужих берегов

И. БОЛДЫРЕВ

*

У чужих берегов

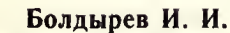

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980

26.89(0)
Б79

Художник Н. Коробейников

Фото автора

Болдырев И. И.

Б79 У чужих берегов. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 128 с., ил. 30 к. 65 000 экз.

Книга рассказывает об увиденном в чужих краях во время дальних рейсов советских судов Латвийского морского пароходства, где автор много лет работает судовым врачом. Читатель не только познакомится с интересной и ответственной работой морского доктора, но и узнает о жизни далеких островов — Мартиники, Тобаго, Кюрасао; о странах Персидского залива, о Японии, Аргентине и других странах. Все очерки написаны на основе личных впечатлений и представляют интерес для широкой читательской аудитории.

Б $\frac{70302-263}{078(02)-80}$ 036—80. 4700000000

ББК 26.89(0)
91п

О КНИГЕ ИВАНА БОЛДЫРЕВА «У ЧУЖИХ БЕРЕГОВ»

(Вместо предисловия)

Автор этой книги Иван Иванович Болдырев, несомненно, бывалый человек. Вот уже два десятка лет в качестве судового врача он совершает ближние и дальние рейсы, объехал, как говорится, весь свет, и ему есть что рассказать читателю.

И все же, мне думается, «У чужих берегов» — не просто путевой дневник, не просто книга путешествий, хотя и такого рода книги интересны, а нечто большее.

Эта книга не столько плод наблюдений автора, вынесенных из путешествий по Японии и Камеруну, Гане, Аргентине, Ираку и Соединенным Штатам, сколько плод его размышлений над увиденным и пережитым. Страны и континенты в этой книге показаны через судьбы конкретных людей. Таким образом, книга эта беллетристична.

Иван Иванович Болдырев живет в Риге. Здесь, на берегу Даугавы и Рижского залива, мы и встречаемся. Здесь, в Риге, вышли первые книги Болдырева. Отсюда он уходит на разных кораблях в плавания. Сюда возвращается.

Пожелаем же новой книге Ивана Болдырева «У чужих берегов» счастливого пути к сердцам читателей.

Сергей БАРУЗДИН

ОГНИ В ОКЕАНЕ

«Как прекрасна жизнь, между прочим и потому, что человек может путешествовать!» — эти слова принадлежат русскому писателю-классику И. А. Гончарову. Написал он их в начале экспедиции на военном фрегате «Паллада». Занимавшие много времени обязанности секретаря начальника экспедиции адмирала Е. В. Путятина, сложные условия плавания, двухлетняя оторванность от Родины — все это оказало влияние на писателя, привело к некоторой переоценке привычных жизненных установок. Но восторженное отношение к жизни, позволяющей человеку увидеть мир, писатель сохранил до конца своих дней.

Я далек от мысли сравнивать свои путевые зарисовки и наблюдения с очерками автора «Фрегата «Паллада». Основываясь на собственной практике, я лишь хочу подтвердить слова, сказанные более столетия назад, — жизнь, дающая человеку возможность путешествовать, прекрасна уже от одного этого. Тем более что сегодня огни в Мировом океане — это не просто огни судов и маяков. Это свет, излучаемый сердцами людей, живущих на далеких меридианах.

Почти двадцать лет я плаваю судовым врачом. Побывал во многих странах, узнал не один моряцкий коллектив. Флот наш непрерывно растет, модернизируется. На смену старым судам пришли контейнеровозы, рефрижераторы, танкеры, газовозы... Все это мощные красавцы, созданные для длительного морского плавания.

Некоторые думают: а зачем брать с собой в море доктора? Не дань ли это старой, укоренившейся традиции, относящейся к временам «Острова сокровищ»?

Мнение глубоко ошибочно. Стоит судну выйти в океан без медика, как непременно что-нибудь случится, кто-то заболеет или получит травму. И полетит в эфир тревожная радиограмма: «Прошу разрешить заход в ближайший порт». А до ближайшего порта трое или четверо суток хода. С врачом на борту люди не болеют еще и потому, что «морской доктор» строит свою работу так, чтобы предупредить возможные заболевания и травмы. Профилактика — альфа и омега деятель-

ности судового врача. Когда доктор на борту, моряки спокойны, настроение у них хорошее. А от этого зависит успешное выполнение рейса.

Несведущие люди порой улыбаются, видя, как судовой врач поднимается по трапу, сгибаясь под тяжестью массивного чемодана: что там у него? А у него в чемодане учебники, книги, справочники. За тысячи миль от Родины бывают такие ситуации, когда без толкового советчика не обойтись. Тут-то и выручают книги.

В открытом море никто не спрашивает, хирург ты или терапевт. Ты должен уметь все. Приведу рядовой пример из жизни судового врача: матрос при швартовке повредил большой палец правой руки. Травма тяжелая, палец едва держится на ниточках сухожилий.

— Режь, док! — мужественно говорит готовый ко всему моряк.

— Отрезать дело нехитрое. Попробуем пришить, — ответил врач.

Вынул из стеклянной баночки шелк. Наложил швы. Укрепил кость гипсовой повязкой. Предписал покой. Затем начался массаж, гимнастика. И вот пришло время, повязку сняли. Только рубец напоминал о том, что случилось. А не будь доктора рядом?

Со дня выхода в рейс до возвращения в родной порт обычно проходит два-три месяца. Моряки скучают по дому, нервничают... И тут «эскулап» незаменим. Каждое утро, нарядившись в спортивный костюм, он появляется на палубе и вызывает моряков на физзарядку.

Сначала выходят немногие. Но вскоре физзарядка увлекает всех. Наступает время, и старпом говорит врачу:

— Хорошее дело делаешь, док! Матросы довольны. Говорят, после зарядки и настроение лучше, и легче работается.

Если нужно, «эскулап» надевает рабочую робу и вместе со всеми спускается на зачистку трюмов. Бывает, берет кисть с ведерком, красит реллинги, подзадоривая матросов. Но свое основное дело не забывает: строго следит за санитарным порядком на судне, каждый день перед раздачей пищи приходит на камбуз, снимает пробу. И если уж он говорит: «Вкусно!» — значит, кок постарался, блюдо приготовлено на славу.

Многое стирается в памяти. Подчиняясь своим зако-

иам, она хранит необязательио самое значнтельиое. Мне помиится, как капитаи теплохода «Рава-Русская» Егоров вызвал меия ночью по виутреииему телефоиу, попросив захватить с собой «лекарство, чтобы не спать». Подиявшись иа мостик, я увидел в руках капитаиа радиограмму с пометкой: «Весьма срочиая». Как сейчас перед глазами текст: «В райоие банки Джоржес промысловые суда ГДР иаходятся аварийиом положеиии связи отсутствием дизтоплива. Следуйте Джоржес выдачи судам ГДР дизтоплива количестве 2500 тоин... Коордиитаты 4150 северной широты и 6900 западной долготы...»

Таикер шел полиым ходом, а впереди, словно в засаде, иас поджидал коварный ураган, зародившийся в Карибском море. Капитаиу было известио, что радиус действия урагаиа 600 миль, скорость ветра в эпицеитре превышает 40 метров в секунду и что танкер обязательио попадет в его обшириую зоиу. Но зиал капитан и то, что в безбрежном океане ждут горючего семнадцать иемецких судов.

Вскоре волиы иачали перекатываться через палубу. Вахтеииый штурмаи объявил по судовому радио: «Ветер одиниадцать баллов. Хождеиие по палубе строго запрещено». Один удар разъяреиной Атлаитики, второй, третий... Когда схлыиула особеиио высокая волна, капитан увидел, что она иатворила иемало бед. На баке погиула фальшборт, искорежила железные реллииги, сорвала с креплеиий парадиый трап и завалила радиопелеигаториую антеииу.

Ох как трудио бороться с ревущим океаном! Вместо двеиадцати узлов танкер едва выжимает два-три. Но с каждой милей мы все ближе к долгожданиой точке. К коицу третьих суток «Рава-Русская» накоиец-то вырвалась из урагаииого плеиа.

Атлаитика постепенно успокаивалась, ветер стихал. Лишь крутая океаиская зыбь чуть-чуть покачивала таикер. Видиы уже дрейфующие суда. Они подходят к иашему судиу. Одно становится заправляться топливом по корме, другое у борта. От мощиых резииовых амортизаторов-краицев первым отвалил БМРТ «Бертольд Брехт». Его смеиил траулер «Фридрих Вольф». Бородатые парии в оранжевых робах высыпали иа палубу. Вначале оии молча стояли у борта, разглядывая советский таикер, потом кто-то улыбиулся, раздался громкий смех,

быстрая немецкая речь, пересыпаемая понятными всем словами: «камрад», «данке», «фройндшафт».

Я давно заметил, что на море люди быстрее сходятся, чем на суше. Заговорили наши моряки, потянулись навстречу. Из верхнего иллюминатора высунулся худой обросший немец. Он протягивал новым друзьям открытки с видами Ростока, а к нему тянулась рука с фотографиями старой Риги и красочным альбомом «Советская Латвия». Крепыш в лыжной шапочке подарил живую пятиконечную морскую звезду и выжженный по дереву рисунок траулера, а в ответ получил снимки космонавтов. Радовался парень, разглядывая наших героев. Он еще не предполагал, что по окончании рейса узнает, что и в его стране появился свой первый космонавт.

Общее оживление захватывает и меня. Я радуюсь общей радостью, участвую в общем разговоре. И вдруг вспоминаю: «А как же капитан? Где он?»

А капитан, который за этот нелегкий переход принял лошадиную дозу «лекарства от сна», спал в своей каюте. Усталость свалила его, как только танкер вошел в район бункеровки.

Еще памятный случай. Уже на другом судне. Колумбийский буксир выводил наш теплоход из бухты. Отдавая нейлоновый конец, матрос-колумбиец не предупредил об этом нашего штурмана, и толстый трос мгновенно, словно удавкой, опутал лопасти винта.

Что делать? Вызывать спасательное судно или попробовать освободиться самим?

К счастью, в нашей команде был опытный водолаз. Его снарядили и экипировали по всем правилам. Отточили, как лезвие бритвы, длинный морской нож и, закрепив моряка двумя страховочными концами, опустили под воду. Она была прозрачной и тихой. Десять опытных страховщиков следили, как их товарищ освобождал винт от мертвой нейлоновой хватки.

И вдруг неведь откуда появилась громадная трехметровая акула, «белая смерть», как ее называют в тех краях. Все громко закричали, но водолаз ничего не слышал, продолжал работать. Тогда десять пар крепких рук рванули страховочные концы и, как пробку, вытащили водолаза из воды вместе со штормтрапом. Выхватили буквально в неуловимую долю секунды! Промахнувшись, «белая смерть» торпедой про-

мелькнула у человека под ногами. Когда ничего не понимающий водолаз узнал о том, что произошло, он, видя вокруг радостные лица, сначала робко улыбнулся, а затем долго, взахлеб начал хохотать. Присмотревшись, я понял: это сильная нервная реакция, своеобразное шоковое состояние. «Нужно немедленно снять», — подумал я и мигом сбегал в амбулаторию.

Полстакана чистого спирта-ректификата оказались надежным средством возвращения водолаза в нормальное состояние. Через минуту, видя, сколь ловко товарищ разделался с «лекарством», уже вся палуба смеялась так, как могут смеяться только люди суровой судьбы — моряки.

Знакомясь с этими эпизодами, некоторые читатели могут спросить: неужели в практике у вас не было ничего более значительного?

Было, все было. И аппендициты, и серьезные простудные заболевания, и травмы. Но мое участие в тех случаях являлось как бы выполнением прямого долга, само собой разумелось. То были трудные будни, без которых, увы, нет жизни на море. Расскажу об одном случае.

Наше судно находилось у берегов Канады. Погода стояла штилевая. К вечеру радист неожиданно принял штормовое предупреждение.

Ветер с каждым часом крепчал и достиг девяти баллов. Из морской пучины поднимались высокие, словно горы, волны. Под их ударами судно то низко оседало, то взбиралось, содрогаясь, на гребень очередного вала. Стоял шум и грохот, неприятно хлопали распахнувшиеся двери, скрипели надстройки. Теплоход пробивался сквозь лютый шторм.

В этот момент, как назло, в машинном отделении произошла авария. Мелкая, но неприятная. Вышла из строя небольшая металлическая деталь. Судовому токарю срочно поручили выточить новую. Да, я не оговорился: в условиях сильной качки нужно было на токарном станке сделать деталь с такими же минимальными, микронными допусками, как если бы дело было в заводском цехе.

Токарь был и опытным моряком, и специалистом своего дела. Работа уже подходила к концу, когда парень неожиданно почувствовал, что ему в глаз попало что-то острое.

Моряки привели токаря в амбулаторию. Уловив краткий момент затишья между ударами волн, я быстро ввел в глаз пострадавшему дикаин. Успел заметить в роговице инородное тело в виде маленькой темной точки.

Я знал своих ребят. Все они мужественные люди. Поэтому сказал прямо:

— В глазу стружка. Будем удалять. Поймаю момент, замри!

Парень меня понял. Сел поудобнее, крепко держась за стул, принайтовленный к палубе по-штормовому. Замер, спокойный и серьезный. Я выждал короткую «мертвую точку». Инструмент у меня в руке. Одно прикосновение — и крошечный кусочек металла лежит на ватке. Глаз спасен!

Главная забота судового врача — здоровье собственного экипажа. Надо сказать, что советские моряки, особенно молодежь, пришедшие из мореходных училищ, народ крепкий, спортивный. Единственное, чего они боятся, — это остаться в госпитале на чужбине, в далеком иностранном порту, без друзей и товарищей, изо дня в день слышать чужую речь, подвергаться идеологической обработке «слуг Христовых», подсылаемых разведкой. А такие случаи бывают.

Но вернусь к рассказу о заботах морского доктора. Стоянки в иноземном порту, как правило, коротки. Все идет строго по распорядку: оформление судовых документов, прием груза, заправка пресной водой и топливом, таможенные формальности. У судового врача тоже много дела на берегу, особенно в портах, небезопасных в отношении таких заболеваний, как холера, желтая лихорадка, натуральная оспа. Во время стоянок в чужеземных портах мне не раз приходилось оказывать помощь местным жителям. Моими пациентами были представители многих стран: гвинейцы, кубинцы, эквадорцы, колумбийцы, аргентинцы. Незачем добавлять, что помощь всегда оказывается бесплатно.

Моряку в дальнем рейсе кажется, что разлук бывает больше, чем встреч. Это ощущение возникает потому, что встречи кратки, а разлуки продолжительны. И сколько бы ты ни старался привыкнуть к разлукам с любимыми, привыкнуть нельзя. Даже если вдалеке от дома ты занят интересным для тебя и важным для страны делом.

Так было и со мной в известном всему миру японском городе Хиросиме. Там находятся верфи компании «Мицубиси». Группа советских моряков приехала в Хиросиму принимать новое судно, первый советский газовоз «Кегумс» *.

Мы жили рядом с верфью, в отеле «Эба хаус». По утрам, проснувшись, я раскрывал широкие, во всю стену, окна и видел, как оживала верфь. К своим рабочим местам спешили мужчины и женщины, молодые и старые. Одни шли, стуча тяжелыми ботинками, другие — быстро щелкая удивительной обувью «гэта», вырезанной из каштанового дерева. Многие несли с собой коробки. Я знал, что в этих коробках «бэто» — их обычный завтрак, состоящий из рыбы и сои. Нехотя трогались с места желтые самосвалы, пробуждались черные трехсоттонные подъемные краны, шли на заправку неуклюжие красные тягачи, зеленые автокары, направлялись за первым грузом пузатые трехколесные тележки.

Я надевал костюм, каску и направлялся по главной магистрали верфи к воде. Там, слегка покачиваясь на голубой зыби хиросимского залива, стоял наш «Кегумс». Ниже названия выведено белыми буквами второе слово — «Рига». Порт приписки. По разным морям и океанам пойдет судно, и везде, куда бы его ни занесла морская судьба, два эти слова, написанные на корме, будут напоминать морякам об оставшейся на Балтике родной латвийской земле.

Новый тип судна — новые условия труда моряков. Как врач я волнуюсь. Каковы они будут, эти условия? Волнуюсь, хотя безопасность была главным, что определяло работу судостроителей. На службу безопасности было поставлено все: и мощные вентиляторы, и постоянная подача в каюты кондиционированного воздуха, и другие специальные устройства.

Настал день испытаний газовоза. Новые волнения: на «Кегумс» подают пропан-бутановые смеси. Сжиженный газ пошел. Напряженные минуты, сосредоточенные лица. Общее молчание. Проверка автоматики, систем... И — разгрузка! Сквозь тишину прорывается гром аплодисментов. Все в порядке.

Радостным был для всех нас вечер того памятного дня. Правда, впереди оставались еще ходовые испыта-

* Кегумс — небольшой город недалеко от Риги. Известен тем, что рядом с ним, на реке Даугаве, находится ГЭС, питающая электроэнергией столицу Советской Латвии.

ния, после которых должен начаться рабочнй рейс газовоза.

В самый разгар скромных торжеств мне прнносят телеграмму нз Рнгн. «Вселнлнсь в новую квартнру. Очень скучаем. Ждем на новоселье».

Когда я прочитал этн строчкн, мне, конечно, захотелось немедленно оказаться дома. Однако мнмолетный, по-детски нанвный порыв быстро прошел. Я прекрасно понимал, что впередн очень ответственное дело. Мне предстояло на основаннн первых эксплуатацнонных рейсов дать обстоятельное медицинское заключенне об особенностях плавання на газовозе с точкн зрения охраны здоровья команды. Ведь мон наблюдення, мой опыт будут включены как однн нз разделов в правнла эксплуатацнн всей сернн новых газовозов. От того, как будет поставлена охрана здоровья на этом необычном судне, в дальнейшем может зависеть жнзнь многих людей. Нн о каком отъезде домой не могло быть н речи. Новоселье прншлось отложнть на полгода.

Пожалуй, нет человека, кто хотя бы раз, находясь вдалеке от любимых, не ощутнл вдруг острого желания оказаться в родном кругу. Со мной в Японнн это случнлось дважды. Второй раз, когда мы былн в Токно. Наш рефрнжератор «Карлнс Знеднньш» работал в японском фрахте. Это означало, что домой вернемся не скоро.

И вдруг раднограмма нз Рнги: у меня роднлся сын. И прнятное дополнение от начальства: главный врач центральной больннцы латвнйского бассейна направляет мне в Токно замену, я могу лететь домой!

Короткое свиданне с женой, день с малышом — и вновь под ногами качается палуба, вновь бегут дни, рабочне дни судового врача...

Февраль семьдесят восьмого. В каюте на столе пачка телеграмм от дочерн. Она уже взрослая, выходнт замуж. Ее нзбранник учится вместе с ней в Первом Московском меднцннском ннстнтуте, он нз Болгарнн. «Неужелн ты не приедешь на свадьбу, папочка?»

Ну как объяснить молодым, что я плыву к берегам Кубы, а вокруг раскннулось море, н в этот раз не голубое, а какое-то чернильное?..

Теперь, когда читатель получнл некоторое представление об особенностях професснн судового врача, мож-

но было бы перейти к рассказам о плавании в разных широтах, об удивительном острове Ямайка с его голубыми склонами гор и таинственным миром карстовых пещер. Рассказать об африканских чернолицых девчоночках, которые важно прогуливаются по берегу в цветных платьях, похожих на яркие конфетные фантики, или о безработных, которые в Абиджанском порту спят на прогретом асфальте, словно на своей постели, подложив вместо подушки под голову булыжник. Или представить читателю экзотические бухты, коралловые атоллы, бирюзовые лагуны — нынешние места стоянок советских сухогрузов, рефрижераторов, танкеров...

Все это когда-то было открытием для меня. И все это имеет свою историю. Историю советского торгового мореходства.

Я пришел на флот, когда в его историю уже были вписаны многие славные страницы. Я не знаю прошлого так хорошо, как, например, один из наиболее уважаемых наших капитанов Юрий Сергеевич Баранников. Он прошел путь от уборщика, матроса, боцмана, штурманского помощника до мастера — так принято называть капитана у моряков всего мира. Юрий Сергеевич отдал морю более тридцати лет жизни.

Беседа с ним состоялась в рейсе. Капитан знал, что я написал несколько книг морских рассказов, и согласился «дать мне интервью» среди океанских просторов.

В капитанской каюте было тепло и тихо. За иллюминатором синяя вода сливалась с лазурью неба. Стука работающих машин мы не замечали.

Закурив сигарету, Юрий Сергеевич сказал:

— По-моему, нужно непременно написать, что сегодня суда под советским флагом перевозят грузы в 1400 зарубежных портов 123 стран мира. Это звучит внушительно, особенно если вспомнить, с чего мы начали. Первым советским пароходом, отправившимся за границу, было судно «Федерация» — прежнее название «Вера». Вышло оно 14 ноября 1918 года из Петроградского порта, имея на борту 88 000 пудов груза: лес, медная и латунная стружка, кустарные изделия из фанеры. Порт назначения — Копенгаген. Вдумайтесь, как это трогательно! «Вера», переименованная в «Федерацию», — как символично — Петроградский порт. А груз? Кустарные изделия из фанеры. Для датчан.

Капитан дымит сигаретой и улыбается. Я гляжу на

него. Да, как все изменилось! Как мы выросли! Взять самого «мастера» — за последние годы куда его судьба только не забрасывала. Плавал на линии Турбо — Антверпен, перевозя колумбийские бананы по фрахту голландского объединения. Ходил на Японию от шведской фирмы «Сален», а затем от английской компании «Блю Стар».

— Расскажите, что вам особенно запомнилось в последних рейсах? — прошу я.

Юрий Сергеевич глядит с некоторым удивлением: только что говорили о первом советском торговом судне, и вдруг последний рейс? Но, решив, что интервьюеры народ особый, даже если в этой роли выступает его собственный судовой врач, отвечает спокойно:

— Как ни странно, запомнилось то, о чем я уже много раз слышал прежде. Потому запомнилось, что увидел. Своими глазами увидел. Однажды зашли мы в Кейптаун. Едва ошвартовались, явился морской агент, мистер Пирсон. Поехали мы с ним по служебным делам в город. На одной из широких магистралей задержались в автомобильной пробке. И я увидел аккуратненькую, чистенькую автобусную остановку с такой же аккуратненькой надписью: «Только для белых». Буквально через несколько десятков метров заметил другую — «Только для черных». Над ней не было даже тента, предохраняющего от сорокаградусной жары. Когда я обо всем этом слышал, было одно. А увидел, поверите, мне стыдно стало. Так стыдно, словно я участвовал в сочинении этих унизительных для всего рода человеческого надписей.

Мы с вами, доктор, много видим. Многое уже примелькалось. Но если даже о том, что примелькалось, рассказать страстно и правдиво, получится потрясающе интересно. Ну, таблички — это одно. А сколько у нас друзей на всей планете, сколько у нас друзей! Непременно напишите и о них. Желаю вам удачи!

С этими напутственными словами одного из опытнейших латвийских капитанов я приступаю к своим рассказам.

> Я нахожу, что мое небольшое знакомство с тропиками удесятерило мое желание еще раз увидеть их. Не будет преувеличением, если скажу, что тот, кто побывал только в более холодных зонах, не может себе представить, как прекрасен мир, в котором мы живем.
>
> ЧАРЛЗ ДАРВИН.
> Путешествие на корабле «Бигль»

СРЕДИ ОСТРОВОВ

НА МАРТИНИКЕ

Подходим к Мартинике, а на языке у меня вертятся слова послевоенной песенки, которую мы распевали в детстве: «Бананы ел, пил кофе на Мартинике...»

Этот остров невелик, его площадь около одной тысячи квадратных километров. Среди Малых Антильских островов он выделяется особой, неповторимой красотой. Разнообразна его природа. Узкие, тесные тропки змейками извиваются над пропастями мимо базальтовых скал, широких расщелин, причудливых растений. Куда ни глянь: бархатом стелется зелень. Поражают могучие деревья, пережившие века. Какое пиршество красок по склонам гор и в просторных долинах! Воздух напоен сладким и сильным запахом. Такова Мартиника — жемчужина Малых Антильских островов.

Гористая Мартиника вулканического происхождения, здесь главенствует действующий вулкан Монтань-Пеле. Высшая точка его уходит в облака. Вулкан как бы разделяет бескрайний морской простор. Справа от Монтань-Пеле голубизной переливается «мар Карибе» — Карибское море, а слева искрится и сверкает Атлантика.

В 1502 году сюда прибыли гонимые сильным пассатом каравеллы Колумба. Был солнечный день — день святого Мартина, и в честь его адмирал приказал назвать остров. Обычно мрачного и нелюдимого Колумба как бы подменили. Он шутил, улыбался и даже вопреки привычкам трезвенника согласился испить поднесенную ему вождем индейцев чарку со сладковатым напитком «кокисой», приготовленным из листьев агавы.

На острове тогда жили трудолюбивые индейцы-карибы. Из сеноте — естественных подземных колодцев — они брали воду, а потерев одну мягкую деревянную палочку — риру — о другую, разжигали костер и жарили рыбу. Они называли свою родину Мадинина — страна цветов. В праздники женщины сплетали гирлянды из ярких бутонов и украшали ими хижины, а красивые девушки собирали ароматные букеты и дарили их самым отважным воинам.

Теперь на острове индейцев нет. На неприступной скале осталось лишь их древнее захоронение и топор, сделанный из обсидиана — темной вулканической породы. Как гласит древняя легенда, с этой скалы горстка бесстрашных воинов-карибов бросилась в штормовой океан. Они предпочли умереть, но не покорились чужестранцам.

Загадочная Мартиника. Здесь в потайных пещерах селились пираты. Завидев на горизонте силуэт корабля, они поднимали «Веселый Роджер» и, догнав добычу на своих быстроходных бригантинах, с ножами в зубах лезли на палубу... Но давно минули времена флибустьеров, островом завладели французы, назвав его своим «заморским департаментом».

В море, как кинжал, вонзается узкий мыс с видавшей виды крепостью-фортом Сен-Луи. От крепости спускаются улочки с коттеджами в мавританском стиле и текут две маленькие речушки с забавными названиями: Мадам и Мосье. Бурлит площадь Саван, где возвышается мраморная статуя. Ее установили в честь Жозефины, жены Наполеона. Жозефина родилась на Мартинике, развалины дома ее родителей — достопримечательность уютного Фор-де-Франса.

Наискосок от площади — автобусная станция со скопищем старых запыленных колымаг, развозящих пассажиров в разные уголки острова. Я сел на первый подвернувшийся автобус, который довез меня до конечной остановки — рыбного рынка. Прилавки были завалены шевелящейся массой: омары, небольшие акулы и лангусты, груды устриц, остро пахнущих морем, и красные креветки, лежащие без движения в желеобразной груде медуз. В прорезиненных бушлатах, с загрубелыми лицами и узловатыми, натруженными руками рыбаки подбегали к нашему автобусу, настойчиво зазывая одиноких покупателей выбрать что-нибудь из их улова.

Они антильцы. Коренные обитатели Мартиники. Они рыбаки, докеры, крестьяне, безработные, которых здесь примерно 70 процентов. На окраине Фор-де-Франса, главного мартиникского города, мне запомнилась худая измученная женщина. У ее ног в ржавой тележке, превращенной в колыбель, дремал годовалый малыш. Из жалкой хижины, сооруженной из горбылей и полосок жести, выглядывало еще двое истощенных детей. Мне не раз доводилось встречать на Мартинике нищету и отчаяние, но всякий раз мне вспоминалось лицо этой женщины и ее малышей.

Белоснежные фруктовозы загружаются на острове классическими «колониальными» товарами: сахаром, ромом, ананасами, бананами. Местные ароматные плоды известны во всем мире. Нежные бананы, тающие во рту, которые, пожалуй, могут соперничать лишь с эквадорскими; янтарный мартиникский ром, который по своим качествам ничуть не уступает знаменитому ямайскому. Шестьдесят заводов на Мартинике производят этот напиток для французского сообщества.

И в то же время на Мартинику импортируют ананасовый сок, приготовленный из фруктов, которые выращены на острове. А с севера Мартиники, где растут кокосовые рощи, вывозят в промышленных целях кокосы, не заботясь о том, что производство копры — ценного сырья — можно организовать на месте и занять сотни безработных.

Чем больше я узнавал об острове, тем мрачнее он представлялся мне. Говорят, временами здесь на горизонте появляются черные клубящиеся тучи — предвестники свирепого урагана. Но стихийные бури, как бы продолжительны они ни были, проходят. И антильцы знают, где укрыться от непогоды. Другое дело — бури житейские. От них никуда не спрячешься, не уйдешь...

Банановая плантация, куда мы приехали, находилась километрах в десяти от Фор-де-Франса. Костлявый человек с худым бледным лицом, как у большинства сборщиков фруктов, укладывал увесистые связки бананов. Он ни на что не жаловался, но его покрасневшие, воспаленные глаза и растрескавшиеся губы выдавали в нем больного человека. Обратиться к врачу он не мог, ибо хорошо знал: хворых на плантациях не держат — увольняют сразу...

Хотите услышать музыку поющего острова, побывать в тропическом раю? Наверное, хотите. А ведь есть такое местечко на земле. Это остров Ямайка. Остров с таинственным миром карстовых пещер, с голубыми склонами гор, которые спускаются к бархатистому пляжу, где сверкают белый прибой и лазурные воды моря.

Когда в 1494 году Христофор Колумб открыл этот остров, он в своем дневнике записал: «Ямайка же прекраснее всего, что человеческие очи до сих пор видели... Ибо в высшей степени прекрасна эта славная земля. Ни сады Валенсии, ни иные места не могут сравниться с ней по красоте. И такова вся эта страна».

В ожидании причала мы стояли напротив чарующего Кингстона — столицы Ямайки, и я, забравшись в рулевую рубку, любовался захватывающим пейзажем. Солнце золотым дождем заливало все вокруг, а воздух был так тих, что даже самые нежные ветви деревьев застыли в безмолвии и отпечатались на фоне неба тончайшим рисунком. В прогалинах многоступенчатых гор, как лезвия шпаг, сверкали ручьи, которые стремительно сбегали с высот к морю.

«Земля горных ручьев...» Так называли когда-то Ямайку коренные жители острова — араваки. Многочисленные ручьи и сегодня, словно серебряными лентами, опоясали горы. Обилие воды на острове объясняется еще и тем, что частые северо-восточные пассаты приносят очень много осадков.

Когда стемнело, побережье Кингстона, похожее на громадную подкову, осветилось яркими огнями. Если посмотреть на город с высоты корабельной мачты, то в воде можно заметить многоцветное отражение набережной; кажется, будто откуда-то из подводного царства излучается этот чарующий, поистине волшебный свет. Через открытый иллюминатор виден экран судового телевизора, который, словно услужливый гид, приглашает на первое свидание с Ямайкой.

Неповторим тропический лес Ямайки. Его покровы занимают пятую часть территории острова. Над заросшей папоротником чащей поднимается вечнозеленое

махагони — красное дерево высотой с семнэтажный дом. Прекрасная древесина махагонн ндет на нзготовленне лучшей в мнре мебелн н паркетов. Не менее ценнтся н эбеновое — черное — дерево.

На Ямайке существует самая крупная в Новом Свете разновндность летучей мышн — вампир с чудовищным размахом крыльев. Есть почти двухметровые зеленые ящерицы нгуаны, встречается редкое млекопитающее ламантин, весьма крупное, своей медлительностью напомннающее тюленя.

Так началось наше свидание с островом. Неожнданно перед глазамн во весь экран замелькалн кадры, отснятые в подвалах Кннгстона, где в потемневшнх дубовых бочках храннтся знаменнтый ямайский ром, который в портовых тавернах пнлн морякн всего мира. «Огненный напнток», как его прозвалн морякн королевского британского флота, в большом почете н сегодня. Торговый представитель Ямайкн, поднявшись на наш теплоход, предложил попробовать этот ром, секрет прнготовления которого два столетня держался в тайне.

Мое представленне о Ямайке как о тнхом н спокойном острове разрушнлось буквально на следующнй день. В полдень сгустнлнсь хмурые тучн, в бухте все забурлило, н пошел сильный дождь с градом. Быстроходный глнссер высаднл к нам на борт молодого полнцейского, который сообщнл капнтану об опасностн. По внутреннему радио раздался голос вахтенного штурмана: «Боцману срочно на бак!» Загромыхала тяжелая якорная цепь.

Бухта безумствовала. Якорь поначалу зацепнлся за грунт, но противостоять разбушевавшейся стнхнн он не смог, н его «поволокло». Теплоход несло к грозному скалнстому берегу. В такнх случаях любая ошнбка вахтенной службы может обойтнсь дорогой ценой. Надо действовать наверняка, без малейшей паннкн и оплошностей. Вот выбран якорь н дан самый полный заднній ход машнне. Судно лнхорадочно содрогнулось и вступнло в поедннок со стнхией. Прошла мннута-другая, н теплоход медленно, метр за метром, стал удаляться от берега.

Через час море успоконлось, н даже не вернлось, что был шторм. Снова стало припекать жаркое тропнческое

солнце, и по заливу как ни в чем не бывало заскользили легкие яхты.

Мы разговорились с полицейским, который оставался у нас на корабле. Он объяснил, что то был обычный шквал, один из тех, которые часто проносятся в здешних местах. Другое дело, когда на остров обрушиваются ураганы торнадо. Об их приближении специальные самолеты-разведчики предупреждают население заранее. Правда, это не всегда удается. Торнадо — яростные карибские ураганы с женскими именами «Клара», «Джоанна», «Флора». Они бесчинствуют на островах Вест-Индии, в Центральной Африке и на юге США. Обычно вихри тропических циклонов проходят мимо Ямайки. Но, например, неистовая «Флора» не пощадила острова. Ураган порушил многие дома, вырвал с корнем деревья, он создавал бешеные водовороты, сметая все на своем пути. И поныне в бухте Кингстона видны скелеты потопленных судов — следы коварного урагана.

— Торнадо, — чуть слышно повторяет наш собеседник, и я вижу, как белки его глаз наливаются кровью.

ПОЛЕЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АКУЛЕ

В детстве, раскрыв географический атлас и дав волю буйному мальчишескому воображению, я совершил немало удивительных путешествий, полных опасностей и приключений: бегал по аргентинской пампе, пробирался через африканские джунгли, охотился на диких зверей.

Фантазия у меня и моего приятеля Толика была богатая. Однажды, наткнувшись в довоенной книжке о морских приключениях на фотографию грозной акулы, Толик воинственно произнес: «Эх, попадись нам акула! Мы бы ей показали...» Предполагаемым орудием расправы с ужасным хищником был... новенький складной перочинный ножик.

С тех пор минуло более тридцати лет. Мне удалось побывать в тех местах, куда заносила нас детская фантазия: в Южной Америке, на островах Вест-Индии, в Соединенных Штатах, Малайзии, Японии, Африке... Волею судьбы я пересек все четыре океана и большинство

морей земного шара. И повсюду мне приходилось не только слышать о коварных акулах, нападающих на человека, но и быть даже очевидцем некоторых трагедий.

Жители прибрежных тропических селений и городов называют акул «тиграми моря». Помню полный драматизма эпизод, происшедший вблизи Берега Слоновой Кости. Мы на катере исследовали бухту Абиджана, когда услышали человеческий крик. Резко развернув катер, мы направились на голос, в сторону Гвинейского залива. При выходе из бухты, возле перевернутой узкой пироги в туче брызг шло единоборство между рыбаком и двухметровой белоперой акулой. Рыбак пытался отбросить акулу веслом, ударить ее по голове, но необыкновенно ловкое и коварное чудовище продолжало атаковать свою жертву. Обезумевшая акула бросалась прямо на рыбака, вероятно, раздраженная яркой расцветкой его рубахи. Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы не подоспели на быстроходном глиссере дежурные спасатели. В критический момент они вытянули из воды пострадавшего, на правом бедре которого зияла глубокая кровоточащая рана.

В Камеруне я познакомился с известным доктором, африканцем Рафаэлем Бегесом. При совместном обходе больных в госпитале Дуалы он показал мне мускулистого парня, у которого акула оторвала левую руку.

Во Флориде, в военно-морской лаборатории, есть необычная картотека. В ней хранится две тысячи досье — подробных описаний случаев нападения акулы на человека.

Человек давно заметил, что нападение акулы зачастую не связано с голодом и порой ничем не спровоцировано. Акула хватает жертву в любую погоду, у многолюдных пляжей или в открытом море.

В спокойной Атлантике наш танкер бункеровал большой морозильный траулер. Я стоял на палубе, наблюдая за игрой дельфинов. Они подпрыгивали вдоль борта судна, плескались и сопели, будто дети, показывая свои лоснящиеся физиономии и гладкие, блестящие черные спины.

Вдруг по корме показалась акула около трех метров в длину. Она осторожно и неторопливо двигалась у ло-

пастей застопоренного винта в надежде ухватить что-нибудь выброшенное с камбуза. Но вода за кормой была чистой, без всяких признаков съестного. Тогда акула решила перейти к более активному способу добывания пищи.

Хищник заметил отбившегося от стаи дельфина и кинулся на него. Юркий дельфин успел отреагировать и вильнул в сторону. Пока акула заходила на новую атаку, дельфин, высунув голову, что-то «пропел». Голос его был похож на плач маленького ребенка. Тотчас неведомо откуда появился четкий строй дельфинов, и они, словно торпеды, дали настоящий бой акуле. Плотным кольцом дельфины выжимали акулу из воды, она в ярости взлетала в воздух, оставляя бурый след. «Экзекуция» продолжалась минут пять. Затем дельфины исчезли. Наказанная акула затихла, а потом круто ускользнула в пучину.

У акул непокорный нрав. Билл Дуплага из калифорнийского города Сан-Диего, человек, сумевший оседлать касатку, на вопрос «Может ли акула стать нашим другом?» ответил категорически: «Нет!»

Моряки, с которыми на протяжении двух десятков лет я прошел сотни тысяч миль, откровенно признавались, что они не так опасались кораблекрушения, как угрозы столкновения с акулой.

Люди, связанные с морем, люто ненавидят акул. То, что я увидел своими глазами в Кингстоне, столице Ямайки, навряд ли можно забыть. Чудесным солнечным днем мы с приятелем прогуливались по набережной города. Наше внимание привлек рыбацкий бот, который, рассекая волны, приближался к порту.

Подгоняемые любопытством, мы поторопились ему навстречу. Весь улов пятерых рыбаков составляла огромная акула, занимавшая почти весь бот. Едва островитяне ее смайнали на землю, как седой рыбак со злыми, искристыми глазами тут же принялся разделывать тушу.

В руках у него был острый, словно бритва, топор, и им он безжалостно четвертовал хищника. Это напоминало древний языческий обряд: сначала отрубают плавники, затем рассекают челюсти, вскрывают брюхо. Седой рыбак все проделывал молча, и лишь перед тем, как окончательно разрубить тушу на куски, он попро-

снял сигарету и снял мокрую от пота майку. На его спине мы увидели грубый шрам, стягивающий кожу от лопатки до поясницы.

— След акулы, — хрипло пояснил рыбак и добавил: — Еле выжил...

Теперь он вершил свой долгожданный суд. Суровый приговор он вынес в те долгие месяцы, когда полуживой валялся на больничной койке. Историю рыбака знали все столпившиеся вокруг. Они подбадривали его криками, и он, насколько хватало сил, сполна рассчитывался с морским дьяволом.

Говорят, акул притягивает кровь. Верно. Как верно и то, что хищник бросается на пловца в тот самый момент, когда он расслабляется и беззаботно плывет по морю. Случай, о котором пойдет речь, произошел рядом с Гаваной. Мой знакомый по имени Франциско как-то демонстрировал подводное ружье уникальной конструкции.

— Работает на сжатом углекислом газе. С могучей убойной силой, — с гордостью объяснил Франциско и вынул из отдельного брезентового чехла увесистую стрелу — гарпун.

Мы сидели на теплом гранитном парапете, и Франциско, попыхивая гаванской сигарой, показывал в сторону маяка Эль-Морро, куда назавтра предстояло отправиться на подводную охоту. Там, если повезет, можно встретить атлантический тарпон-сабало, огромных размеров рыбу, одетую, как средневековый рыцарь, в кольчугу.

Как и договаривались, Франциско, его товарищ, аквалангист Бенито, и я встретились к вечеру следующего дня и, сев в шлюпку, отплыли от набережной Малекон. За маяком Эль-Морро есть неглубокая банка, где, по сведениям Франциско, рыскает тигр Мексиканского залива — сабало.

Подойдя к предполагаемому месту поиска, Франциско прикрепил к ружью длинный нейлоновый конец, а к нему надувной круг — на случай, если раненая рыба попытается уйти в море. Он скрылся в голубоватой воде, следом нырнул Бенито, держа наготове арбалет с тремя парами резиновых тяжей. Я же расположился на корме шлюпки. Время тянулось очень медленно. Как говорили потом Франциско и Бенито, они проверили все

пространство банки, но сабало нигде не отыскали. Они кинули в шлюпку пять или шесть небольших рыбин и на том успокоились. Бенито положил на решетку свой арбалет, решив полежать на тихой воде залива, Франциско же, держась за борт шлюпки, беседовал со мной.

В этот самый момент, когда Франциско принялся отвязывать шнур и убирать ружье, Бенито закричал:

— Акула!

Разинув ужасную пасть, чудовище двигалось на нашего товарища. Встреча произошла неожиданно, но Франциско не растерялся. Мгновение... и прозвучал выстрел. Атомным грибом вырвался газ. Когда он рассеялся, я увидел, что стрела толщиной в палец вонзилась под жабры акулы. Чудовище завертелось, затем повалилось на бок и судорожно забило хвостом...

В КРАЮ РОБИНЗОНА КРУЗО

Занимаясь в публичной библиотеке и Музее истории города Риги и мореходства, я случайно наткнулся на архивные материалы, относящиеся ко второй половине XVII столетия.

В 1652 году курляндский герцог Яков приобрел у английского графа Варвика остров Тобаго. В ту пору герцогу Якову принадлежало шестьдесят торговых судов, часть из которых годилась для морских плаваний. Первые поселенцы отправились за океан на корабле «Герцогиня Курляндии». В общей сложности на Тобаго прибыло около четырех тысяч куршей. Получив на острове землю, они выращивали табак, фрукты, сахарный тростник. Но...

Выгодно расположенному в Карибском море Тобаго не было покоя от морских разбойников. Из скудных источников известно, что остров непрерывно менял хозяев. Его захватывали испанцы, голландцы, французы, англичане... Кровь лилась на земле Тобаго. И предки нынешних латышей, гонимые нуждой и лишениями, возвращались в Курляндию.

Когда я узнал, что мы направляемся к берегам Тобаго, эта весть взбудоражила меня. Я поднялся очень рано, ожидая свидания с этими романтическими места-

ми. Латвийский теплоход медлеиио приближался к острову, приютившемуся у северо-восточиого берега Южиой Америки. Позади остались Гвиаиа, Барбадос. По курсу в сизой дымке уже вырисовывались три гориые вершииы.

Мы плыли по заливу Пария, двигаясь к острову Трииидад, ближайшему соседу Тобаго. Показались приметиые холмы Лаваития, церковь с четырехграииой белой башией, увеичаииой статуей, и широкие бетоииые ворота Порт-оф-Спейиа — крупиейшей гаваии Вест-Иидии.

Деиь выдался жаркий, безветреиный. Я загляиул к себе в каюту, чтобы выпить бокал прохладиого апельсииового сока, и по укореиившейся привычке перевериул листок калеидаря. Был вториик. Имеиио во вторник, 31 июля 1498 года, в здешиих водах плыли каравеллы Колумба. Тогда великий путешествеииик записал в диевиике: «Так быстро иаступила иеимовериая, ии с чем ие сообразиая жара, что ие было иа корабле человека, который бы решился спуститься в подпалубиое простраиство и привести в порядок бочки, где храиились виио и вода. А бочки лопались, разрывая стягивающие их обручи. Зерио раскалялось, как металл...»

Измучениые тропическим зиоем, моряки испытывали острый иедостаток пресиой воды, и адмирал прииял решеиие взять курс иа север, чтобы приблизиться к суше, которая сама по себе иесет свежесть. Ровио в полдеиь, когда солице палило особеиио иемилосердио, матрос по имеии Алонсо Перес подиялся иа габию-марс и оттуда радостио воскликиул: «Земля!»

Колумб посмотрел в подзориую трубу. То, что он увидел, — стоящие рядом три горы, обозримые одиим взглядом, — Колумб иазвал Трииидад, то есть Троица. По заведеииому обычаю, моряки торжествеиио пропели молитву, возиеся благодариость святой троице.

Матросы спустили шлюпки и измерили залив, который в самом мелком месте имел глубииу до семи локтей. Зачерпиув воду, моряки обиаружили, что оиа пресиая. Оказывается, сюда впадает река Ориноко.

Шлюпки пришвартовались к берегу. По склоиам простирались возделаниые поля и безмолвные селеиия. Около хижии видиелись следы людей, орудия для лов-

ли рыбы, остатки пищи. Вдоль тропок гнулись от плодов ветви. Свисали кисти налитого винограда и круглые, как шары, яблоки, апельсины. В долинах росло много алоэ и ароматных цветов.

После полудня к шлюпкам приблизились двое старейшин со своими людьми. Они принесли хлеб, различные плоды и растение, что дает колос, подобный пшеничному. В своем дневнике Колумб так описал встречу с индейцами: «Народу здесь много, все хорошие на вид... красиво сложены, высокого роста, изящны в движениях, волосы у них длинные и мягкие, а головы повязаны красивыми шарфами, которые похожи на шелковые альмайсары...»

Времени было мало. Колумб использовал его для расспросов. Когда все вернулись на корабль, адмирал приказал поднять якоря. Его каравеллы обогнули северо-западную оконечность Тринидада и вошли в пролив, который Колумб назвал Пастью Дракона. Минуя его, моряки приметили остров Тобаго, над которым, подобно бабочкам, порхали крошечные птички колибри...

Истинные хозяева гористого Тобаго, индейцы аруака, называли его Иеру — страна колибри. Минули века, но крохотная колибри жива и поныне. Вот она перед нами — красно-зеленая птичка, с прозрачными крылышками. Здесь издан специальный указ, охраняющий этих нежных птиц.

— Смотрите! — воскликнул мой спутник Айвар, и мы заметили яркий профиль распластавшейся в полете птички колибри, который нарисован на фюзеляже небольшого юркого самолета, принадлежащего местной авиакомпании. Самолет совершает рейсы из Тринидада в Тобаго. Собственно, и Тринидад и Тобаго — одно государство с территорией, равной нашему Крыму, и населением чуть больше миллиона человек.

Айвару, как и мне, все интересно. Хотя по возрасту он вдвое моложе меня, но в попутчики я выбрал его не случайно. Айвар — будущий штурман, потомственный моряк, не раз бороздивший Рижский залив и ходивший по нижнему течению Даугавы — по тем древним местам, которые в былые времена были заселены племенами куршей. Айвар удивил меня знанием местной музыки «калипсо», от него же я узнал, что именно здесь, в этих

тихих лагунах, родились «стилбэнд» — джазовые оркестры, использующие в качестве музыкальных инструментов бочки из-под нефти и бензина.

С гидом нам повезло. Им оказался пятидесятилетний Месос — служащий туристической конторы Порт-оф-Спейна. Месос родился и вырос на Тобаго, унаследовав от своих предков типично индейскую внешность. Высокий, с крупными чертами лица и длинными донкихотскими усами, он как-то сразу к себе расположил.

На голове Месоса возвышалась шляпа котелком с надписью «Тобаго», и я почему-то подумал, что он начнет рассказ с этого острова. Но я ошибся.

— Наш главный остров Тринидад. Он значительно больше по размерам своего собрата — Тобаго, — пояснил Месос и показал нам старинную карту. — Тринидад издавна принадлежал индейцам. Люди селились в разбросанной по всему побережью деревне Коикербиа. Они ловили рыбу, занимались охотой. Индейцы выращивали хлеб и маис, разводили скот и птицу, собирали всевозможные травы и плоды. По специальному рецепту готовили вино: молодое — молочно-белое и старое — зеленое, крепкое. Индейцы были свободны и независимы. Разве могли они предположить, что с высадкой на остров белых пришельцев — искателей золота — придут несчастья?

Почти сто лет хозяйничали на Тринидаде и Тобаго испанские завоеватели. Они учиняли побоища среди индейцев и творили чудовищные жестокости. Они отрывали младенцев от материнской груди и ударом о камни разбивали им головы. Индейцам отсекали руки, их вешали вниз головой или натравливали на них собак. Иных обертывали сухой соломой и, подпалив ее, сжигали заживо. Так были уничтожены жители Коикербиа, а само селение сровнено с землей...

Долго пришлось залечивать раны и рубцы многострадальной земле. Минули десятилетия. Родились новые поколения, которые стали выращивать богатый урожай сахарного тростника. К островам, словно пауки, поползли новые «хозяева». Ими оказались англичане (случилось это в конце XVIII века). Господство пришельцев из Британии было долгим, и в 1899 году английская колониальная администрация образовала из двух

островов — Тринидада и Тобаго — отдельное государство.

Какие тут плодороднейшие земли! Круглый год щедрое лето и обилие влаги: осадков до 3800 миллиметров. Чудесные условия для выращивания сахарного тростника. Правда, для широкого производства не хватало плантаций. Потребовался гигантский труд, чтобы очистить от буйной тропической растительности огромные площади.

Поначалу всю черную работу выполняли негры-рабы. В Африке раб стоил два фунта, а в Тобаго и Тринидаде владельцы кораблей — перевозчики живого товара — получали в пять-шесть раз больше. Позже сюда пустили голодных и безземельных индусов. Все они были превращены в «рабов сахара». В адову жару трудились негры, метисы, выходцы из Китая, Сирии, Ливана... Больше всего было индийцев. Они потомки законтрактованных рабочих, которых привезли из Индии после отмены в Латинской Америке рабства.

Куда бы вы ни поехали в Тринидаде или Тобаго, всюду зеленые стены сахарного тростника. Они вплотную примыкают к шоссе, к взлетным площадкам, к портовым докам. На протяжении трех с половиной веков сахар являлся основной культурой местного хозяйства.

Совсем недавно «сахарный бум» утих. Из «антильской сахарницы» Тринидад и Тобаго превратились в страну «черного золота». Найдены богатые залежи нефти, по уровню добычи которой среди стран Латинской Америки Тринидад занимает шестое место. Нефть и ее продукты составляют почти восемьдесят процентов экспорта страны. На островах обнаружены также богатые месторождения природного газа.

Гостеприимный Месос решил показать мне и Айвару большое асфальтовое озеро Пич-Лейк. На близком расстоянии видно, как колышется и пучится его громадная поверхность. Заметив наш интерес к озеру, Месос рассказал старинную индейскую легенду.

Когда-то на месте теперешнего Пич-Лейка пировавшие индейцы убили нескольких колибри. По местному преданию, колибри являются душами умерших, и «великий дух» наказал разгулявшихся индейцев. В одно мгновение разверзлась бездна и поглотила пирующих. С тех времен это место колышется и «вздыхает».

Есть и научное объяснение природы асфальтового озера. Оно прозаично: «булькающие» грязевые вулканы являются порождением колоссальных скоплений газа и нефти.

Повышенный интерес к островам проявляют английские и американские компании. Много лет английская фруктовая компания «Тейт энд Лайл», американская — «Тринидад лэйк асфалт», нефтяные монополии США и Великобритании получали большие барыши за счет местного населения.

В Порт-оф-Спейне — столице Тринидада и Тобаго, если идти по Шерлотт-стрит и Клер-авеню, непременно увидишь грязные мелкие лавчонки, за которыми скопище ветхих хижин: вбитые в песок рогатины, покрытые пальмовыми листьями. В таких жилищах ютится восемьдесят процентов населения города.

Я разговаривал с доктором Геддсом — коренным тринидадцем. Он сообщил, что в стране тысячи людей ежегодно умирают от малярии, туберкулеза, кишечных заболеваний. Неотложных проблем много, но самой острой является безработица.

Патриоты Тринидада и Тобаго долгие годы боролись за свободу своей родины. И народ победил, завоевав политическую независимость. Государство Тринидад и Тобаго объявлено республикой.

Многие банки, промышленные, торговые компании перешли в собственность государства. Правительство республики держит курс на развитие торгово-экономических связей с социалистическими странами. Установлены дипломатические отношения с Советским Союзом.

* * *

...Месос, Айвар и я стоим у пенящегося нежно-белого пляжа. Мы только что вернулись из Скарборо — главного города острова и полны впечатлений... Особенно поразила нас главная улица, вдоль которой высятся буддийские храмы, мечети, католические церкви, пагоды.

Каждый, кто побывал на острове, непременно станет рассказывать, что Тобаго был приютом Робинзона Крузо. Известно, что история Робинзона не выдумана Даниэлем Дефо. Действительно, в Карибском море, при-

близительно в тех географических координатах, где находится Тобаго, был оставлен на маленьком острове шотландский моряк Александр Селкирк. Он повздорил со своим капитаном, и тот высадил его на пустынный берег.

Некоторое время спустя двое английских судовладельцев снарядили суда для нападения на испанские каравеллы и грабежа их у берегов Южной Америки. В дальний путь отправились корабли «Герцог» и «Герцогиня» под командованием капитанов Роджера Вутса и Кортни.

1 февраля 1709 года они оказались вблизи небольшого острова. Заметив на берегу костер, Роджер Вутс приказал спустить шлюпку. Высадившиеся на остров моряки обнаружили одичавшего человека, одетого в козьи шкуры.

Селкирк из стволов перечного дерева построил две хижины на значительном расстоянии друг от друга. Огонь он добывал путем трения двух кусков перечного дерева. Селкирк ловил животных на бегу и от постоянных упражнений сам стал проворным и быстрым, подобно зверю. Однажды он с таким пылом преследовал козу, что свалился с нею в пропасть. Когда Селкирк очнулся, то обнаружил под собой мертвое животное.

Брюква, посеянная некогда моряками, пальмовая капуста, индийский и ямайский перец служили отшельнику приправой к пище. Когда его башмаки и одежда износились, он пошил из козьих шкур новые, пользуясь вместо иголки гвоздем. Бесстрашный и трудолюбивый, Селкирк не пасовал ни перед какими трудностями, прожив на острове целых четыре года.

Коренные жители ценят в образе Робинзона его веру в человеческий труд, настойчивость, храбрость и сильную волю. Эти качества очень дороги, близки и понятны островитянам. Недаром в аэропорту Скарборо воздвигнут памятник любимому литературному герою и его прообразу.

Мы прощались с Тобаго. Прощались с бородатым Оскаром — капитаном старого парохода, который возил нас на остров. Он стоял на крыле мостика с обгоревшей трубкой в руке, дальний потомок жителей острова времен Колумба, из-за трубок которых остров и получил название — Тобако, позже — Тобаго.

Кюрасао — небольшой остров в Карибском море. Сверху он напоминает профиль бородатого мужчины.

Море в день нашей встречи с островом не иа шутку разбушевалось. Рыбачьи шхуны, укрывшись в бухте Каракас, жалобно поскрипывали и бились друг о друга крутыми бокамн. Разбойничий юго-западный ветер, родившийся вдали от берегов, с шумом несся по зубчатому двухсотметровому холму Санта-Барбара, поднимая грязно-серые тучи пыли. Бегущие по небу облака заслоннли солнце, но оно неожиданно выглянуло и, подобно мощному прожектору, ненадолго осветило камеиную вершину древней крепости. За холодными, почерневшими от времени стенами было неправдоподобно тихо. Тншина настораживала. Инстинктивно я обернулся и буквально в двух шагах от себя заметил головокружительный обрыв и скалистые берега, о которые разбивалось мириадами осколков море.

По стертым ступеням винтовой лестницы, прнжатой к краю обрыва, я добрался до старинной башни с бойницами и квадратной площадкой, заставленной ржавеющими пушками. Узкнй проход вел к воде. В застоявшейся вековой сырости — скользкий налет плесенн. Заросли мхом и жесткой горной травой — кевиньей — выбоины от ядер, и до сих пор осыпаются известью следы пуль у кованых ворот в осадном дворе. Здесь, не умолкая, гремели выстрелы, лилась кровь, в тяжелых муках умирали раненые, которых не хоронили в земле, а бросали иочью в море. Какой летописец поведает потомкам, сколько тысяч людей погибло в здешних местах?..

...Если следовать традицнонным канонам и начинать с самого начала, то есть с истории открытия Кюрасао, то следует назвать имя Алонсо де Охеда, принадлежащее испанскому мореплавателю, который нанес на карту очертания острова в 1499 году. В 1634 году Кюрасао захватили голландцы и превратили его в крупнейший торговый центр в районе Антильских островов. Он вошел в состав Нидерландской Вест-Индин. Проще говоря, стал собственностью Голландии. Официальный язык — голландский, денежная единица — нидерландский антильский гульден. Лишь в шестидесятых годах XX века Кюрасао обрел некоторые права самоуправления и се-

годия считается не колонией, а заморской частью Нидерландов. По существу же, ничего не изменилось. Как и раньше, вся территория острова управляется голландским губернатором, который практически является главой всей исполнительной власти...

Из-за своего удобного географического положения Кюрасао стал островом с трагической судьбой. До 1863 года это центр работорговли. Через тропический Кюрасао со средней температурой самого холодного месяца плюс двадцать один градус шла бойкая торговля рабами-неграми, вывозимыми из Африки.

Один европеец, поселившийся на острове, подсчитал, что платить белому рабочему на плантации в течение десяти лет обходится дороже, нежели купить черного раба. Алчное чувство наживы сыграло решающую роль. Число жителей резко увеличилось за счет невольников. И сегодня в Кюрасао свыше восьмидесяти процентов населения — негры и мулаты.

Бесправные, униженные, подгоняемые плеткой, рабы выполняли все: выращивали отборную кукурузу «манка патчи», разводили сахарные культуры сорго, собирали урожай ароматного индийского перца — килькими, пасли скот, долбили скалы, возводили крепостные стены, рабовладельческие форты. Если невольники роптали, непокорных били хлыстом и таскали волоком по улицам для устрашения других.

Негров колонизаторы отбирали из разных племен, говоривших на разных африканских диалектах, чтобы те не понимали друг друга и не могли объединиться. Прошли десятилетия, прежде чем у поселенцев появился общий язык, вернее, диалект «папьяменто», сложившийся вследствие смешения испанского, португальского, голландского и других языков...

В главную бухту Синт-Анна, обрамленную плавным полукружьем горного массива Дри-Гебрудерс, пришел пассажирский лайнер «Аполло» с туристами из Соединенных Штатов. У подножия хребта, отделенного от моря песчаной косой, приютился живописный Виллемстад — центр Кюрасао. В немом восторге застыли путешественники. Они смотрели на склон горы, где переливались красками кусты можжевельника, олеандры и агавы, чей желто-медовый цветок на прямой ножке распускался раз в десять лет, а затем взоры их устремлялись на вымытую швабрами чистейшую набережную

с типичными голландскими домиками из красного кирпича и с черепичными крышами. Глядя на идиллическую «страну тюльпанов», пожилая американка громко воскликнула:

— Ах, прелесть Кюрасао!

Восточный мудрец сказал: «Каждый видит то, что хочет видеть».

Что увидел я?.. На «шевроле» мы исколесили весь остров. Я приобрел красочный туристский проспект «Вива, Кюрасао!» — толстый иллюстрированный альбом-справочник. Исчерпывающая информация о воздушных и морских сообщениях, о традиционном карнавале, о прогулках на реактивных яхтах к бирюзовым лагунам, мимо рощ кактусов в полтора-два человеческих роста, неприступных, ощетинившихся колючками. На машине можно свернуть в сторону от шоссе к изумрудно-зеленому озеру, запрятанному в глубине пещеры, а затем посетить экзотический ресторан «Индонезия» или знаменитый голландский клуб, где обслуживают по-голландски и где обязательно подают голландский сыр. Если позволит кошелек, вы сможете посетить отель «Сан-Марко» или комфортабельные номера «Хилтора» с шикарным ночным казино.

Вива, Кюрасао! Всеми цветами радуги переливается проспект. Глянцевый переплет выдержан строго в двух цветах: золотом и синем, символизирующих могущество и верность. Более трех веков обогащает Нидерланды монопольное обладание богатствами острова.

На пути в Виллемстад я заметил на пологом холме обработанные участки земли, крохотные, будто носовые платки. Испещренные извилистыми бороздами, они свидетельствовали об упорном крестьянском труде.

Баснословно вздорожала земля Кюрасао с того момента, когда Нидерланды были вынуждены «открыть двери» англичанам и американцам. Гул насосов и машин для смешивания цемента слился в сплошной грохот. На острове началось бурное строительство нефтеперегонных заводов.

Мне удалось побывать в Схоттегате — царстве «черного золота» Кюрасао. Его ажурные конструкции парят на фоне черных облаков. Резервуары, покрытые серебристой краской, светящиеся и безучастные, стоят здесь как чужеродные наросты. Они напоминают исполинские

чаши с желтой, точно клеймо, надписью: «Шелл». Каждая чаша отделена от другой глубокими выемками и земляными валами, за которыми разветвляются бесчисленные артерии — трубы нефтепроводов. Едко дымят и горят огненными факелами выводные конусные башни нефтеперегонных и химических заводов с эмблемой «Шелл» — желтой ракушкой на пятиметровых рекламных щитах. Промышленный Схоттегат — главный поставщик в Европу и Соединенные Штаты автомобильного и авиационного бензина, дизельного топлива, бутадиона, пропилена, толуола...

Окутанный облаком смога, Схоттегат спрятался вдали от пляжей, увеселительных заведений, прогулочных маршрутов. Он защищен скалами, и сюда не наведываются туристы: опасная зона. «Белые воротнички» — служащие компании «Шелл» — чуть что надевают специальные маски. Только негры и мулаты, выполняющие черную работу, ничем не предохраняются от отравленного воздуха.

Едкие токсические туманы разъедают слизистые оболочки глаз, верхних дыхательных путей. Более семидесяти процентов «шелловских» рабочих страдают неизлечимой формой туберкулеза. Нефтяники ютятся в бараках, где крыши зияют дырами. Условия чудовищные. Основная пища взрослых — маисовая каша или с детскую ладошку порция «квака» — смеси кукурузной муки и растертой сушеной рыбы.

Охвативший Кюрасао нефтяной ажиотаж отрицательно сказался на всей экономике острова. Сельское хозяйство пришло в полный упадок. Пригодные для посева земли отданы под концессии всемогущим нефтяным концернам. Жестоко эксплуатирует и грабит трудящихся англо-голландская сверхмонополия «Ройял датч-Шелл». Под ее маркой совершает рейсы крупнейший в мире танкерный флот грузоподъемностью более 15 миллионов тонн.

В глубоководном порту Бюллен наполнялась «черным золотом» китообразная туша танкера-пятисоттысячника с изображением желтой ракушки на трубе. Такого же цвета ракушка на форменных фуражках специальных «шелловских» отрядов полицейских, вооруженных до зубов. В их арсенале дубинки, кольты, защитные маски, щиты, водометы, баллоны со слезоточивым газом. Полный набор средств для разгона демонстран-

тов. Во внутренних гаванях дежурят военные корабли с развевающимися трехцветными голландскими флагами...

В Кюрасао сохранились потомки индейского племени оямпи — истинных хозяев «крыши Южной Америки». По древнему обычаю, в канун Нового года мужчины племени устраивали шествие с травяными фигурами старого года Гоппо. У хижин их ожидали хозяйки и прикрепляли к чучелу тряпочку с черпаком от разбитого горшка. Так семья избавлялась от старых бед и несчастий.

Ныне потомки племени оямпи, живущие в Кюрасао, не верят в чудеса, которые избавят их от постоянной нужды и безработицы.

Я был свидетелем, как в канун Нового года они сплоченными рядами направлялись к резиденции губернатора, в форт Амстердам. Не остановили их ни выставленные у входа пушки, ни воинственно настроенные часовые в белых касках и с карабинами в руках. Демонстранты двигались плечом к плечу, скандируя:

— «Шелл» — ноу! Янки, гоу хоум!

ЧЕРЕЗ ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН

ДВУКРЫЛАЯ МАЛАЙЗИЯ

...Серебристые деревья на каучуковой плантации росли в строгом порядке по обе стороны дороги. Обогнув плантацию, мы вышли на небольшую равнину, где протекала мелководная речушка. На зеленом берегу, словно избушки на курьих ножках, ютились хижины. Перед нами — малайская деревня-кампунг, состоящая из прямоугольных строений на сваях, с высокими тростниковыми крышами. Окон у построек нет. Дверные проемы и щели между неровными бамбуковыми жердями пропускают достаточно света.

Над входом в одну из хижин висела подкова — от злых духов. Во дворе, возле дымящего очага, хлопотала женщина в ярком сарафане. На дереве, к которому был прислонен велосипед с подвесным моторчиком, сушились соломенные циновки. Во двор въехала повозка, доверху наполненная бамбуковыми шестами. Мужчина

средиих лет ладонью вытер пот со лба и прииялся распрягать волов. Он был одет в длниную фнолетовую рубаху с узкими рукавами, иа босых иогах — пластмассовые сандалнн. По тому, как засуетилась женщнна у очага, притнхли дети, чувствовалось — приехал хозянн.

...Экзотическая Малайзия. На сотнн километров в Индийском океаие вытянулся полуостров Малакка, который с давних пор был перевалочным пунктом торговли между Иидией, Китаем н островами Индоиезнйского архнпелага. Со временем на побережье Малаккского пролнва выросли богатые торговые города. Удобное географнческое положенне полуострова привлекло европейскнх колоинзаторов.

В 1511 году португальцы захватилн этот полуостров н сосредоточилн в своих руках монопольную торговлю пряностямн и другнми товарамн. Португальцев сменнлн голландцы, которые, в свою очередь, былн вытесиеиы англичанамн. С XX века началось бурное проникновение аиглнйского капитала. Однн, другне и третьн так называемые «хозяева» жестоко эксплуатнровали кореииое населенне острова. Разве моглн с этнм смнрнться малайцы? Все чаще н чаще вспыхивалн стихнйные восстання против угиетателей, ширилась освободнтельиая борьба. Но прошлн столетня, прежде чем борьба за свободу н незавнсимость увенчалась успехом. В 1957 году колоннзаторы были вынуждены предоставнть Малайзин незавнснмость. Так в Юго-Восточной Азнн появилось молодое государство Малайзия.

Малайзия является крупнейшим производнтелем иатурального каучука во всем мнре. Каучук — важнейшая культура страны. В стране 500 тысяч каучуковых плантацнй, на которых обычно работают целымн семьями. Только старикн да малые дети остаются в деревнях. Вблнзн столицы Куала-Лумпур, назваине которой в переводе с малайского языка означает «грязиое устье», тянутся иа десятки, сотин километров сплошиые каучуковые плантацни.

Но, пожалуй, больше всего на полуострове бамбука. Из бамбука строят дома, делают бумагу, водопроводные трубы, посуду. Я вндел нацнональиые музыкальные ннструменты, которые тоже сделаны из бамбука.

Малайзня очень богата. Кроме каучука, бамбука, ко-

косовых пальм, редких и ценных пород тропических деревьев, ее земля таит в недрах громадные запасы бокситов, железа. Страна дает около 40 процентов мировой добычи олова. Олово не только важнейшая статья экспорта, но и сырье для изготовления различных предметов домашнего обихода, в том числе изящных малайских кувшинов.

Сейчас в стране осуществляется грандиозная программа по выполнению плана экономического развития страны. Этот план рассчитан на двадцать лет — 1970—1990 годы. Он предусматривает увеличение темпов промышленного и сельскохозяйственного производства, повышение роли государственного сектора в экономике, сокращение безработицы.

С установлением независимости в Малайзии многое изменилось. Появились новые дома, школы, больницы. Среди населения значительно снизилась заболеваемость туберкулезом, малярией, которые были настоящим бичом этой страны.

Хотя малайзийское правительство проводит некоторые мероприятия для достижения экономической независимости, до сих пор иностранные капиталовложения в экономику страны составляют около шестидесяти процентов общего объема. Малайзия получает многие товары из Австралии, США, Японии и других стран.

В Малайзии вы можете увидеть древний храм синто с торжественно горящими свечами у входа и многочисленными лотками, заполненными деревянными идолами для устрашения врагов и злых духов. А чуть в сторонке продают малайские ножи «керис» с извилистым клинком, дымят жаровни, где подают пиалы с «шаомянть» — излюбленным местным блюдом из риса, яиц, креветок. И на этой же улице роскошные особняки, современные здания из стекла и бетона с установками искусственного микроклимата; здесь же, рядом с «мерседесом», — жилистый рикша. В сорокаградусную жару, которая привычна в Малайзии, «рысцой» перевозят не только пассажиров, но и тяжелые грузы. Лишь изредка рикши на минутку останавливаются около какой-нибудь уличной лавчонки, чтобы выпить стакан воды и съесть порцию крохотных рыбных тефтелей.

Малайзию называют «двукрылой» потому, что федерация, образованная в 1963 году, состоит из двух частей, разделенных водами Южно-Китайского мо-

ря. Одна из них, Малайя, расположена на Малаккском полуострове, другая — на севере острова Калимантан.

Перед Малайзией стоит еще много проблем и нерешенных вопросов. До сих пор в стране слабо развито животноводство. Скот преимущественно используется как тягловая сила. Обработка земли ведется примитивными средствами. Урожай риса удовлетворяет только одну треть потребности населения. И правительство закупает рис в Таиланде, Бирме... Но в стране открыли новые богатства: разведаны запасы нефти, которые составляют 160 миллионов тонн. И есть у двукрылой Малайзии будущее, в которое верят и сами малайцы, и ее друзья...

РИКША

Утреннее солнце уже поднялось, а пассажиров еще не было. Вспомнив, что он сегодня не завтракал, рикша купил у уличного торговца чашечку риса и, присев на пустой ящик, принялся за еду. Ел быстро и жадно — спешил.

По другую сторону улицы высилось роскошное здание банка с белокаменными колоннами. Рикша приметил, как туда через вертящуюся дверь вошли двое праздных верзил с болтающимися на груди фотоаппаратами. «Туристы», — определил он.

Опыт у рикши был немалый, и он подумал, что сейчас самое время подъехать к банку. Утолив голод, он развернул коляску и подкатил к выходу.

Ждать пришлось недолго. Едва иностранцы вступили на залитый солнцем асфальт, он встретил их поклоном и, расплываясь в улыбке, пригласил в коляску...

Довольный рикша несся навстречу освежающему ветру. Туристы решили ехать до самого дальнего парка, и он теперь думал о хороших чаевых и о том, что, пожалуй, сегодня можно пораньше вернуться домой.

Жил рикша за городом, в деревне, где эпидемия холеры свела в могилу добрую половину населения. Тогда и рикша Тун схоронил жену и двух малышей. Тун, как и большинство малайцев, верил в приметы и после

случившегося принес домой старую подкову н прнколотнл ее к дряхлой балке.

Весной Туну исполннлось сорок лет — возраст преклонный для рнкшн. Сухой, жнлнстый, в белоснежной куртке н сннних штанах, он ловко лавнровал с коляской средн бешеиого потока машии, умело торговался с клнентами, чем вызывал завнсть у другнх рнкш. Но в последнее время Туиа одолевала иевыносимая, жгучая тоска. Однажды он оставнл коляску у первой попавшейся «забегаловкн» и пропнл всю дневную выручку до последнего медяка. В темноте Тун кое-как добрался до своей лачуги н, ие раздеваясь, свалился на ннзкую лежанку.

На другой деиь, как обычно, ои проснулся раио. Подкачал камеры, метелочкой почистил сиденье, смазал колеса и выехал в город. На спнртное Тун смотрел с отвращеннем н иа стоянке неожндаино для всех рикш отказался от партни в мацзян — любимой нгры в кости...

Около полудня к нему в коляску селн два америкканских военных моряка с авнаносца, что стоял иа рейде. Было жарко, н ои, задыхаясь в душном воздухе, нзо всех снл нажимал на педалн. Он чувствовал, как рубаха липнет к спине н соленый пот струйками стекает на глаза. Тун на какое-то мгновеиие прностановнл коляску, чтобы вытереть пот, ио тут же получнл пинок в спнну. От боли перекосилось лнцо, ои промолчал н, собрав последние силы, проехал еще кнлометров шесть.

На развнлке дорог в тени ветвнстых деревьев янки увндели прндорожный кабачок с размалеванной девнцей у входа. Повелнтельным окрнком «Финнш!» онн остановнли рикшу н, бросив на снденье зеленую долларовую бумажку, скрылнсь за раздвижиой бамбуковой дверью, откуда доносилнсь звукн музыкн.

Жара стала нестерпнмой. Тун понял, что уже совсем обессилел. По крутой, едва заметной тропке он спустнлся к шумящей реке. Вода была прохладной, и, обмывшись до пояса, он прилег в тенн деревьев. Тун неподвижно смотрел на спотыкающуюся о подводные камни реку, н ему казалось, что эта бегущая река чем-то напоминала его жизнь, похожую на один непрерывный долгий день — в нужде и заботах. Все было противно: н пыль, н жаркое солнце, н бесконечная дорога.

Рикша снял стоптанные башмаки и принялся растирать отекшие ноги, которые без малого четверть века служили ему верой и правдой. Бывало, по десять-двенадцать часов в сутки они крутили педали, а теперь вот стали сдавать. Он ощупал икры с синими, набухшими венами, и им овладело чувство обреченности. «Путь рикши — это бег к смерти», — промелькнули в его сознании слова, не раз слышанные им от седых, измученных непосильным трудом возниц.

Силы постепенно возвратились к Туну, и он, рассердившись, что засиделся на берегу, вернулся к коляске и помчался в город. Зеленовато-желтое солнце умерило свой пыл, ехать стало легче. Ослепительно блестевшая белым лаком коляска привлекала внимание прохожих, и вскоре невдалеке от буддийского храма какая-то дама с пуделем в руках остановила рикшу. Дама прилетела из Лондона, и Тун возил ее часа три по магазинам с красочными малайскими сувенирами, пока она не сделала нужные покупки.

Малайский остров Пинанг, где вырос Тун, славится народными умельцами. В погоне за экзотикой сюда наезжают богатые туристы. Тун знал праздные вкусы таких пассажиров и поэтому сначала показывал им знаменитый базар, где торговали высокие, статные, в белых одеждах индусы, а затем предлагал им совершить путешествие в малайскую деревню и посмотреть уникальное зрелище. Там у него был приятель, замечательный стрелок, который из-за ревматизма не мог теперь охотиться в джунглях и перебивался тем, что развлекал туристов. У охотника было старинное духовое двухметровое ружье-сумпитан. В набедренной повязке он не спеша выходил на полянку, медленно вставлял в ружье стрелу с оперением и, набрав в легкие воздух, с силой выдувал стрелу. Стрела врезалась в крошечную, с ноготь, мишень, неизменно приводя в восторг гостей. Закончив представление, стрелок честно предлагал поделить скудный заработок, но Тун всегда отказывался от своей половины, зная, как трудно тому живется.

У Туна появились знакомые и среди морских даяков. Но к ним рикша ездил без пассажиров. Он сразу полюбил этих отчаянных свободолюбивых людей. Всю свою жизнь даяки проводят на море, кочуя с острова на остров. Как и все рыбаки, познавшие нелегкий морской

труд, они немногословны. Но всякий раз, прибывая на Пинанг, они находят время для веселой шутки, задорной песни, радуясь, что их улов хорошо раскупается жителями острова.

Усевшись полукругом на долбленых лодках, даяки ели вяленую рыбу, уху и угощали Туна. Рикша искренне завидовал им и часто задумывался над тем, что, если скинуть десяток годков, он не стал бы поливать потом мостовые, а уговорил даяков взять его в море. Всякий раз, расставаясь с ними, Тун испытывал щемящую грусть...

Отвезя англичанку к гостинице, рикша взобрался на вершину невысокого холма, где от выжженной солнцем травы исходил сухой и пряный запах. Сейчас запаха он не чувствовал. Он смотрел на коляску с потускневшим в некоторых местах лаком. «Как и я, стареет моя кормилица», — подумал он и вдруг совсем рядом услышал пьяные голоса.

Их было трое, разгулявшихся толстяков. Они не помнили, как забрели на холм, и, едва заметив рикшу, плюхнулись в коляску. Тун попробовал объяснить, что может везти только двух пассажиров. В ответ он услышал смех и ругательства. Пришлось подчиниться.

Сумерки уже спустились. Мелькали рекламы — мазки света в темноте. Голова его кружилась, и, когда Тун, изнемогая, все-таки довез толстяков до ночного клуба, он едва не потерял сознание.

Этот рассказ о несчастном рикше-малайце не придуман мной. Я поведал об одном из тех, кто каждый свой рабочий день начинал в порту, на стоянке рикш невдалеке от нашего теплохода. Рикша Тун вступал со мной в беседу не потому, что от природы был словоохотлив: просто он знал, что я с советского судна, а простые люди самых разных широт поверяют нашим морякам свои проблемы, невзгоды, свою душу.

Но, возможно, я не стал бы о нем писать, если бы однажды утром не увидел, что на обычном месте моего знакомого рикши нет.

Я спросил других рикш об их товарище, и они сообщили, что накануне вечером Тун умер.

— Он устал, — добавили они.

Теплый, с серебристой зыбью Индийский океан скрылся за кормой. Пройдя всю северо-западную часть Аравийского моря и Оманский залив, мы свернули в узкое горло Ормузского пролива. Воскрешая в памяти старые времена, неслись подгоняемые ветром джальбуты — арабские парусники дальнего следования, которые ничем, по крайней мере своим внешним видом, не отличались от музейных средневековых судов.

Остроносые деревянные джальбуты с небольшой осадкой словно разгуливали меж разбросанных крохотных островков. Где уж состязаться с ними современному двухсотметровому океанскому лайнеру, привыкшему ходить по большим глубинам, а в узкостях строго держаться обозначенного на крупномасштабных картах фарватера.

Ветры в заливе особые, неожиданные. Они меняются при приближении циклона, и тогда на два-три дня небо заволакивает набухшими тучами и непрерывно льют дожди. Такому затяжному ветру местные жители дали двойное имя: «каус шерки». Встречаются и другие, быстропроходящие ветры: грозовые — «сухаили», прибрежные, порывистые — «наши» и короткие пятнадцати-двадцатиминутные шквалистые «лахемары», после которых обычно устанавливается очень хорошая погода.

Непрерывный сухой пыльный ветер — «шемаль», подняв клубы песка, утихал. Казалось, он решил передохнуть, чтобы набраться свежих сил. Чуть ли не в центре залива замерла джальбута с повисшим парусом, похожим на крыло подбитой птицы. Штиль будто парализовал шхуну. Матросы на шхуне неожиданно громко заговорили, размахивая руками и показывая в сторону отмелей острова Бахрейн.

Упав на колени, люди молились аллаху. Словно услышав их жалобный зов, ветер вновь зарябил воду, выгибаясь, натянулся парус, средневековая ладья круто развернулась и, легко скользя, устремилась к Большой жемчужной банке. Начинался Хауз-аль-Кабир, или великий сезон, — сбор урожая моря.

Жемчуг. Шарообразные образования правильной формы с удивительным блеском. Они развиваются в раковинах редких моллюсков. Белые, розоватые или жел-

товатые, иногда черные, часто с серебристым оттенком. Одну такую горошину я видел в роскошном ювелирном магазине Манхаттана в Нью-Йорке. Под жемчужиной была приколота табличка с пояснением: «Выловлена в Персидском заливе. Остров Бахрейн», — ниже баснословная цена: пятьсот тысяч долларов.

Об уникальных жемчужинах Бахрейна писали древние греки и римляне, ученые, купцы и, конечно, путешественники. И поныне отмели острова являются центром жемчужного промысла. Методы лова остались теми же, какими были много веков назад. Снаряжение у ловца нехитрое: набедренная повязка, кожаные напальчники, тростниковый зажим для носа и кусочек воска, которым залепляют уши. Местные власти наложили строжайший запрет на пользование скафандрами или иными приспособлениями для ныряния.

Тридцать-сорок раз в день здоровые парни погружаются на дно, отрывая плоские раковины. Одна на каждые четыре-пять тысяч содержит жемчужину. Нелегка и опасна работа искателей жемчуга. В Персидском заливе водятся безобидные на вид медузы с кроваво-красным гребнем, от прикосновения к которым человек получает сильный ожог и может погибнуть, если ему своевременно не оказать медицинскую помощь. Медузы, акулы, рыба-пила, морские ежи непрерывно встречаются на пути ловцов. Не случайно островитяне называют жемчуг «слезами моря»...

За последние десятилетия на берегах Персидского залива произошли значительные перемены. Основные прежде отрасли хозяйства — рыболовство и жемчужный промысел — отошли на второй план. Под бесплодными песками Аравии обнаружили богатейшие месторождения нефти. Все сказочные сокровища «Тысячи и одной ночи» выглядят жалко и убого по сравнению с открытыми природными кладовыми «черного золота». Подземный океан нефти!

Нефть — кровь современной промышленности. Нет бизнеса более доходного, чем нефтяной. В знойной пустыне поднялись буровые вышки. Добыча «черного золота» обходится баснословно дешево; каждая скважина дает в 200 раз больше нефти, чем в Соединенных Штатах.

Английская «Бритиш петролеум», американская «Стандард ойл», англо-голландская «Ройял датч-

Шелл» и другие выкачивают аравийскую сокровищницу. В отличие от разбойников Али-Бабы они не произносили магического заклинания: «Сезам, открой дверь», а пускали в ход вполне современные отмычки: пушки, дворцовые интриги, заговоры. Так, в нефтяном Эльдорадо — всемирно известном княжестве Абу-Даби — двенадцать правителей поочередно были отправлены в мир иной с помощью яда или кинжала.

Бросается в глаза и непередаваемая роскошь нефтяных магнатов, и убогая нищета простого люда, живущего в полутемных хижинах-мазанках. Трахома, малярия, туберкулез, венерические болезни — вот неполный перечень самых распространенных заболеваний. Врачей ничтожно мало, и страдающие всяческими недугами вынуждены обращаться к знахарям, которые «лечат» заклинаниями. Детская смертность одна из самых высоких в мире.

Но времена меняются. Первое доказательство тому — национализация месторождений жидкого топлива. Это решение большинства стран Ближнего Востока нанесло сильнейший удар по прибылям иностранных компаний и существенно увеличило национальный доход.

...Почти на девятьсот километров вдается в сушу Персидский залив. На латвийском теплоходе я прошел его весь: от начала до конца. Я видел выходящие прямо в залив легкие конструкции причалов с мощными пульсирующими насосами. Осевшие в воду неуклюжие туши танкеров водоизмещением в двести, триста, пятьсот тысяч тонн жадно всасывали в свои необъятные чрева нефть. В небе неусыпно кружили самолеты гражданской авиации, следившие за тем, чтобы черная маслянистая жидкость не загрязняла воду.

Персидский залив. Трудно забыть жемчужное небо над ним, похожее на морскую раковину. Помню, как садилось солнце, освещая белые скалы красно-золотыми лучами, зажигая жаркий огонь в прибрежных грудах песка, и каждая песчинка как-то особенно сверкала и искрилась. Затем на горизонте показалась желтая луна. Она напоминала спелый персик. Казалось, луна была единственным светильником ночи, но неожиданно за поворотом вспыхнул факел — горели нефтяные отходы. Длинных языков пламени станови-

лось все больше. Незабываемый огненный фейерверк провожал нас до самого выхода из Персидского залива.

«ФАБРИКА ФИНИКОВ»

Нет такого места на юге Ирака, где бы вы не увидели финиковых пальм.

Финиковая пальма неприхотлива, растет на глинистых и песчаных почвах, она соле- и засухоустойчива, но во время созревания плодов ее следует щедро поливать. И тогда не останется в долгу перед людьми пальма. Она хлеб насущный, опора жизни. Обычно финиковая пальма начинает плодоносить с семи лет, но особенно щедрой бывает в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет. Каждое дерево дает ежегодно до пятисот литров сока и более центнера плодов.

Плоды сладкие, по вкусу напоминают приятные мягкие конфеты, но только без начинки, а с косточкой. Финики очень любят иракские дети. В дни сбора богатого урожая ребята непрерывно их едят, словно семечки щелкают.

Плоды финиковой пальмы употребляют в пищу в свежем, вареном и вяленом виде. Местные жители варят из фиников сахар, по особому рецепту приготовляют вино, настойки. А туареги — лучшие в мире погонщики верблюдов — во время привалов кипятят с финиками приторно-сладкий чай, который утоляет жажду и восстанавливает силы. Без этого напитка туарег теряет обычное добродушие и не рискнет пойти с караваном далеко в пустыню. Перепадает горсть-другая фиников и белым верблюдам, которые, мусоля руку погонщика, медленно, словно гурманы, наслаждаются плодами.

Я шел не спеша берегом реки Шатт-эль-Араб, что течет мимо южных иракских селений. «Вода — это жизнь», — гласит старая арабская поговорка. У реки, где веяло успокаивающей прохладой, отдыхал, покуривая деревянный кальян, старец в полосатом халате. У его ног на циновках сушились финики. К воде желто-коричневой массой спускались домики, окруженные фруктовыми деревьями и финиковыми пальмами. Пальмы возвышались над крышами, и до их пышных вершин не могли дотянуться ни телеви-

зионные антенны, ни струйки дыма из каменных труб.

Я поднялся на земляной вал. Все громадное пространство до горизонта утопало в финиковых пальмах. На солнце блестели их перистые листья, как бы покрытые лаком. Поистине незабываемую картину представляет собой зеленая пальмовая роща, возникшая передо мной. Толстые, в метр диаметром, выстроились пальмы, похожие на высокие колонны у входа в сказочный дворец изобилия. Именно изобилия! Пальма щедра не только финиками. Пальмовыми листьями кроют амбары, из черенков листьев делают вместительные корзины, в которых хранят запасы еды и фиников, а из крепких волокон ствола плетут необыкновенной прочности канаты и сети.

Однажды на Шатт-эль-Араб мы с лоцманом из Басры любовались парусником, который легко и изящно скользил по реке. Лоцман объяснил, что парусник сделан из финиковой пальмы, как и рыбацкие лодки, виднеющиеся вдали. От него я узнал о необыкновенных свойствах древесины финиковой пальмы, из которой строят суда, изготовляют красивую мебель и различную домашнюю утварь...

Проходя меж тенистых деревьев, я наткнулся на пожилого араба в тюбетейке. Пышная седая борода, пронзительный взгляд больших карих глаз делали его похожим на библейского пророка. Он готовился к вечерней трапезе: разложил на циновке крупные прозрачные помидоры, сочные, мясистые персики, высыпал пригоршню спелых фиников. В руках он держал деревянную пиалу, и я подумал, что восточная чаша наверняка также сделана из ствола пальмы.

День клонился к закату. Крестьяне, трудившиеся на финиковой плантации, давно разошлись по домам. Наступившую тишину нарушали лишь возбужденные голоса двух немолодых игроков в нарды да звонкие удары бубна, доносящиеся с реки.

Среди пальм уже сгустились сумерки, и я направился в центр Фао, где на шумной заасфальтированной площади зажигались люминесцентные лампы. Будто по мановению дирижерской палочки заиграл оркестр вечерних звуков — сирены, свистки, цоканье подков, льющаяся из раскрытых окон музыка, крики продавцов,

торгующих прессованными финиками в целлофане. Люди радовались хорошему урожаю.

Ох и трудно всегда доставались крестьянину финики, и чего только он не придумывал, лишь бы отогнать страшную беду — неурожай. В ходу были обряды, перешедшие от предков, молитвенные заклинания, всевозможные приметы: по звездам, облакам, солнцу. Но ныне произошел коренной поворот в жизни иракской деревни. Созданы крупные коллективные хозяйства, построены ирригационные системы, на плантациях повсеместно применяются химические удобрения.

«Фабрика фиников» — так говорят об Ираке. И говорят справедливо. 30 миллионов деревьев дают 350 тысяч тонн плодов. Ирак — крупнейший производитель этого продукта в мире. Экспорт фиников стоит на втором месте во внешней торговле страны после нефти.

Плантации обрамляли берег Шатт-эль-Араб радующим глаз зеленым убором. Многоводная река разветвлялась на тысячи боковых каналов, по обеим сторонам которых росли плодоносящие пальмы. Оттуда медленной чередой тянулись груженые машины.

«Фабрика фиников» работала на полную мощность.

250
job!
1000.

ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ДНЕВНИКА

«ДЕНЬГИ РАЗГОВАРИВАЮТ»

У американцев можно услышать поговорку: «Деньги разговаривают».

Это выражение жители Штатов поясняют следующим образом: «Есть деньги — есть разговор, нет денег — нет разговора».

Если человек попал в госпиталь, то на него не заполняют обширных анкет. При поступлении больного задают один-единственный вопрос: «Кто будет платить?» Стоит показать чековую книжку, как врач доброжелательно улыбнется и произнесет: «О'кэй!» Значит, человек платежеспособен, и ему можно оказывать помощь.

...Это произошло в городе Сиэтле, одном из крупнейших городов в штате Вашингтон. Вблизи современного госпиталя истекал кровью молодой мужчина. Его можно было спасти, но врачи госпиталя не оказали помощи умирающему. Причина была в том, что тот не мог гарантировать оплату лечения.

По такому же поводу ясно высказалась медицинская сестра, работающая в больнице города Сент-Луис, штат Миссури. Она отказалась принять пострадавшую и приветливо пояснила: «Нам не разрешают даже говорить о принятии пациента до тех пор, пока мы не узнаем, чем и когда будет оплачен счет».

— Клятва Гиппократа — это пустой звук, — заявил мне некий хирург Смит. — Медицина — такой же бизнес, как и любой другой. Тут не должно быть никаких иллюзий...

Смит говорил быстро, взволнованно. В его кармане лежал крошечный транзисторный приемник. Во время нашего разговора послышался электронный писк. Медицинская сестра сообщала ему, что привезли больного с травмой, и он, извинившись, направился в операционную. Значит, привезли платежеспособного пациента.

В США есть много квалифицированных врачей, современных больниц, и ученые добились значительных успехов в медицинской науке. Но трагедия заключается в том, что медицинское обслуживание становится все более недоступным американскому населению — белым и черным людям со средним доходом, а особенно беднякам и людям преклонного возраста.

Во время нашего пребывания в США я узнал, что в одном из институтов стоматологии применяется лазер для профилактики зубных болезней. А в Лос-Аламосе, центре атомных исследований, для облучения злокачественных опухолей используется ускоритель элементарных частиц, который стоит около 50 миллионов долларов. Я ходил по районам Нью-Йорка, где на 12 тысяч человек приходится лишь один врач, и читал сообщение Национального комитета просвещения в области здравоохранения, который установил, что в 134 районах страны с населением в 500 тысяч человек нет ни одного врача.

В адрес американского конгресса приходит много писем. В них крик души: «Помогите больным!» «В семь часов утра у моего мужа начался приступ стенокардии, — писала молодая женщина. — Прежде чем что-то удалось сделать, он умер. Я знаю, если бы у нас в городе Уолкотт был врач, мой муж остался бы жив. Ему было всего 39 лет...»

В каменных трущобах американских городов и развалившихся негритянских хижинах на Юге встречаются болезни, которые, как утверждают эксперты, характерны лишь для слаборазвитых и отсталых стран. Голод, антисанитарные условия — вечные спутники большого числа американского населения, причина многочисленных болезней, обрекающих людей на инвалидность и преждевременную смерть.

С самого рождения дети американских бедняков попадают в замкнутый круг нищеты и болезней, из которого не могут вырваться до самой смерти. В Чикаго есть район, внесенный в список 24 районов «сплошной бедности». В нем живет 25 тысяч человек: из них 90 процентов негров.

В этом районе гниющих жилищ и голодающих детей детская смертность на 60 процентов выше, чем в среднем по Чикаго, а заболеваемость туберкулезом выше на 200 процентов.

Настоящей катастрофой для американцев является серьезное заболевание. «Не болейте в Америке» — так называется книга Дэниела Шорра, изданная в Нью-Йорке.

Автор пишет: «Миллионы американцев не могут получить медицинскую помощь либо потому, что не в состоянии заплатить за нее, либо потому, что она просто отсутствует...»

Болеть в Соединенных Штатах — трагедия. По нью-йоркскому телевидению я видел старческое лицо сорокалетней женщины. Она умерла от сердечного приступа, умерла потому, что не в состоянии была заплатить за лечение. И по этой же программе показывали холеное лицо другой женщины, которая за 300 тысяч долларов приобрела роскошные апартаменты на Пятой авеню.

Действительно, «деньги разговаривают».

ПРЕЙСКУРАНТ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Нам кажется странным наличие специального прейскуранта медицинских услуг. Но в Америке он такая же повседневность, как меню в ресторане. Блестящий, в глянцевой обложке, с аккуратными столбиками цифр. На все — твердые цены. Общий анализ крови — 25 долларов, осмотр терапевта — 50 долларов, удаление зуба — 50 долларов. Один американец показал мне счет на 1200 долларов за удаление обычного аппендикса. Наш гид-переводчик Катя, которая сопровождала нас по Манхаттану, рассказала, что она заплатила 930 долларов за два дня нахождения в госпитале.

В 700 долларов оценивается принятие родов. Правда, и здесь можно родить бесплатно. Надо только женщине выйти на оживленную часть улицы, и тогда роды может принять полицейский. Полицейских обучают этому, как обучают владеть дубинкой и застегивать наручники на руках демонстранта.

Очень часто, когда рядовому американцу плохо, он вызывает не «Скорую помощь», а полицейского. Полицейский может сделать укол, а главное, не возьмет за это ни цента.

В 1978 году средняя стоимость одного койко-дня по Нью-Йорку составляла около двухсот долларов.

В 1980 году эта цифра для больших городов достигла 1000 долларов.

Алекс Фридман лег в больницу Сан-Францнско. Ему предстояло перенести операцию — простую, с хирургической точки зреиия, и сложиую — с финансовой. Первый день пребывання в больнице обошелся ему в 302,60 доллара. Он пользовался меднциискнми «услугами» пять дней, и это стоило Алексу более тысячи долларов.

У Джона Санде нашли заболеванне почек. Он прошел курс лечеиия в медицинском цеитре Лос-Анджелеса и после этого продал дом, чтобы оплатнть госпитальный счет в 22 тысячи долларов.

В Калифорнии врачи «продают» своих пациентов владельцам частиых больниц. Существует даже такса: от 50 до 100 долларов за голову в завнснмости от диагиоза.

По другой снстеме врач, который уговорит своего больного лечь в больницу, получает 10 процеитов от той суммы, которую уплатит пациент.

Один из администраторов частиой больннцы цииично заявил: «Уж еслн мы купили больиого, мы его ие выпустим, как бы ои ии брыкался, пока не иакрутим ему счет по крайией мере иа тысячу долларов. Но и после этого мы будем находить у него все новые и новые болячки. Наша цель — вытрясти из него не менее 3 тысяч долларов».

Одиажды я посетил известиого в Техасе даитиста Джона Вильямсоиа во время приема им больиых. Прежде чем попасть к доктору, пациеит ожидает в просторном холле. Не нз-за очереди. Просто больиой проходит «психологическую обработку». Пусть почитает журналы, оглядится. Стеиы увешаны разиообразиымн дипломами, удостовереииями. Они должиы поразить пациента и убедить его, что ои правильио выбрал имеиио этого врача, а не другого. Хотя, если говорнть откровеиио, все дипломы и удостовереиия — чнстейшая липа: оии выдаиы таким же рядовым дантистам, как Джон Вильямсон, и являются «неофнциальными докумеитами», но иа больиого оказывают волшебиое воздействие.

Обычио после такой получасовой «обработки» сестра-секретарша в белосиежном халате приглашает пациеита. Оиа мнло улыбается и передает его в руки другой, тоже улыбающейся сестры-реитгенотехиика. Па-

циента усаживают в мягкое вертящееся кресло, спрашивают:

— Удобно ли? — и делают прицельный рентгеновский снимок.

Потом появляется доктор Джон Вильямсон. Он в накрахмаленном халате, сама любезность и внимание. Он просит открыть рот и блестящим пинцетом осторожно постукивает по почерневшему корешку зуба.

— М-да, — мычит он и с важным видом набирает в шприц новокаин.

Проводя обезболивание, доктор заверяет пациента, что «всегда готов помочь». Он удаляет шатающийся корешок зуба, промокает кровоточащую полость бумажными салфетками и заявляет тоном учителя:

— Зубы надо беречь...

Сестра приносит рентгеновский снимок, который, кстати сказать, в данном случае можно было и не делать. Но доктор забывает даже взглянуть на него. Он занят счетом. За визит — удаление зуба, рентгенограмму и рекомендации — больной должен заплатить 165 долларов.

Но я уже не удивлялся этому. Не удивился и тогда, когда Джон Вильямсон в «порыве откровенности» сказал, что зарабатывает в год до ста тысяч долларов. Что там каких-то 165 за удаление корешка зуба! Я видел счета расходов на лечение, в которых итоговая сумма, подлежащая уплате врачам, выражалась четырехзначными и даже пятизначными цифрами.

Существуют в США и бесплатные лечебницы, так называемые районные пункты здравоохранения. Их в Америке около пятидесяти, и обслуживают они всего 1 миллион человек, в то время как десятки миллионов людей нуждаются в помощи.

Я разговаривал в Нью-Йорке с одним молодым докером. Пять лет назад он приехал из Лос-Анджелеса, где схоронил отца. В Лос-Анджелесе они жили в районе трущоб Уотса. Как-то отец занемог и поехал в ближайший бесплатный медицинский пункт. Ехал он три часа и сменил два автобуса. Обратный путь в трясущемся автобусе отец выдержать не смог и в дороге скончался...

В Соединенных Штатах я научился ничему не удивляться. Я не удивился, когда узнал о «благородном» мис-

тере Фостере — директоре похороиной коиторы. Его катафалк — это одновременно и карета «Скорой помощи». Он «помогал» не только мертвым, но и живым. И я больше ие удивлялся, когда слишком приветливая медицинская сестра в безупречно отутюженном халате предлагала очередному пациенту прейскурант медицинских услуг, яркую книжечку в глянцевой обложке.

На одной пресс-конференции в Москве известный советский хирург академик Б. В. Петровский упомянул о таких операциях в своей клинике, в которых принимает участие до 14 высококвалифицированных специалистов. Несомненно, это дорого стоит.

Но сколько?

На этот вопрос в клинике Научно-исследовательского института клинической и экспериментальной хирургии, которым руководит академик Б. В. Петровский, ответ нельзя получить сразу. Для любого советского человека врачи сделают все, что нужно, сколько бы это ни стоило. Никаких счетов больным не предъявляют, потому что забота о медицинской помощи — дело государства.

И все-таки, сколько стоит одна операция?

Больной Владимир Сорокин, двадцатилетний рабочий Серпуховской швейной фабрики. Диагноз: ревматический митральиый порок сердца 2—3-й группы, 4-я стадия иарушения кровообращеиия.

Больной провел в клинике 64 койко-дня. Лечение его в стационаре обошлось в 1492 рубля 35 копеек. Кроме того, оплачеио по больничному листу 223 рубля 30 копеек. Всего затрат на рабочего Серпуховской швейной фабрики Владимира Сорокина — 1715 рублей 65 копеек.

Этот иеобычный счет был опубликоваи в журиале «Советский Союз». Как известио, этот журнал получают и американские читатели. И вот в Нью-Йорке ко мие обратился старичок, отрекомендовавшись мистером Уитменом. Подслеповато щурясь, ои достал из портфеля целлофановую папку, в которой храиился больничный лист В. Сорокина, вырезаиный из журнала «Советский Союз».

— Просто ие верится, что такое возможно, — волнуясь, поясиил он и выиул из той же целлофановой папки еще один листок.

— Взгляните, — сказал он и протянул мне синенькую бумажку с цифрой 3015 долларов 44 цента. Столько мистеру Уитмену пришлось заплатить врачам, когда он лечился по поводу инфаркта миокарда.

Я мог бы сообщить мистеру Уитмену, что у нас в Советском Союзе не только бесплатно лечат это заболевание. Недавно врачи получили надежного помощника — специализированный электронно-вычислительный аппарат, классификатор электрокардиограмм. Этот аппарат способен в течение шести минут выявить синдром инфаркта миокарда. Но я не решился говорить об этом мистеру Уитмену, потому что он бы наверняка расстроился. А ведь у него больное сердце.

НА СОЛНЕЧНОМ ЮГЕ

Поначалу на юг Америки мы предполагали отправиться по реке Миссисипи, но потом фирма «Пан америкэн фрут компани», у которой наше судно находилось в аренде, изменила свое решение, и в Техас нам довелось попасть со стороны Мексиканского залива, минуя каменные молы, низкие песчаные берега и вытянутые отмели, расположенные в красивой бухте Галвестона.

Неправдоподобно большое красное солнце освещало два флагштока: на первом — звездно-полосатый флаг Соединенных Штатов, на другом — однозвездное полотнище Техаса. Палящее светило обжигало лицо, и я невольно вспомнил Нью-Йорк. Всего неделю назад мы были в Нью-Йорке, где стояла лютая зима. Над обледенелым Гудзоном завывал холодный пронизывающий ветер. Я хотел пофотографировать город и чуть не отморозил пальцы.

Теперь же, на юге Америки, контрастно открывалась теплая зеркальная гладь бухты, размашистые веера пальм вдоль широкой автомагистрали, по которой неслись вытянутые, словно сигары, машины техасцев. Чуть в стороне медленно тащилась одинокая повозка, крытая брезентом. Какое-то время она держалась кромки дороги, а потом свернула в сторону видневшихся вдали ярко-зеленых лугов.

Многоступенчатый белокаменный Галвестон раскинулся во всю ширину северо-восточной части острова,

к которому швартовалнсь океаискне суда. Видны были установкн для прессоваиня хлопка, трн серых башениых элеватора и шеренга бетонных прнчалов. Слева, на темном корпусе здания, электрические цифры показывали сначала время — 15,31, затем температуру воздуха +29°.

Галвестон — это земля Техаса.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ТЕХАС

Старый алькальд Ораи Роберт был правнтелем Техаса. В 1880 году он назначнл Комнтет для исследования возможиых ресурсов нефти, мннералов н артезианской воды в этом большом штате. Полгода работал комнтет н прншел к категорическому выводу: никаких перспектив обнаружения вышеуказанных ресурсов во всем Техасе нет.

Когда доложили об этом старому алькальду, то он очень расстроился. Оран Роберт распустнл комитет и возмущенно заявил: «Я хочу сказать, что каждое слово в докладе комитета — ложь. Я повторяю — ложь. Неужелн вы думаете, что всемогущий бог создал бы такую большую страиу и ие позаботился о ией?..»

Логику старого алькальда можно поставнть под сомиеиие, но приговор его оказался верен. Нефть обиаружнли двумя десятилетиямн позже в районе Спиидолтоп, и по сегодияшний день исследователи находят залежи «черного золота» в земле Техаса. Сегодня этот штат занимает первое место в страие по добыче нефти. Ои дает около двух пятых общего количества.

Блнз Галвестона н Хьюстоиа, у самой дороги, стоят мощиые насосы, качающне иефть. Каждый выбрасывает наверх десяткн тоии «чериого золота». Правда, чуть вдалн от дороги можно встретить и друrне «достопримечательиостн» — двухметровые обвалы земли. Они образовались потому, что вода вместо выкачаниой иефтн была залита с опоздаиием.

Техас дает Амернке нефть, газ, хлопок н «соль земли» — мнллнонеров «из народа».

Типичный техасец — это спокойный, уравновешен-

ный человек, умереиио леиивый и склоииый к шутке. Без теии улыбки иа лице ои сообщит вам, что в Техасе семь с половииой красавиц иа квадратиый фут территории; апельсииы так велики, что девять штук составляют дюжииу; что в штате иосят самые большие шляпы в мире; каиарейки поют басом и что звои техасских колоколов слышеи даже иа Аляске, где эскимосы проверяют по иим время.

Вот фраза из местиого путеводителя: «Техас заиимает весь Североамерикаиский коитииеит, если ие считать малеиькой доли, отведеииой Соедииеииым Штатам, Каиаде и Мексике...»

Но если говорить серьезио, то простым людям этого штата редко приходится смеяться. В глубиие Техаса раскииулись просторы хлопчатиика, протянувшиеся иа пять миллиоиов гектаров, и бескоиечиые квадраты кукурузиых и пшеиичиых полей. Техас — один из главиых сельскохозяйствеииых штатов США, где до сих пор используется иаемиый труд.

Одиажды мы задержались около вспахаииого поля. Около последией закоичеииой борозды сидел в седле иа мустаиге кореиастый фермер. Его окружили трое иегров, вытиравшие пот с лица. Фермер отсчитал каждому из них по иескольку долларовых бумажек и ускакал.

Я ие зиаю, как долго пахали поле эти парии. Но я видел иевдалеке три плуга и три лошади. Когда фермер скрылся в высокой траве, парии попросили у меия сигарет. Пока они закуривали, я обратил виимаиие на их руки: грубые, мозолистые, словио скрючеииые кориевища.

По последией переписи иаселеиия, в Техасе — миллиои 400 тысяч иегров. Людям с чериой кожей живется здесь очеиь трудио. Когда-то иегр, имея иебольшой участок земли, лошадь или мула и иесколько коров, вполие мог прокормить себя и свою семью. Теперь все измеиилось. Фермер должеи иметь в несколько раз больше земли и мииимум десять железиых «мулов» — тракторов.

За последиие годы около 70 процеитов иегритяиских ферм обаикротилось. Лишившись земли, люди превратились в дешевую рабочую силу, кочующую в поисках куска хлеба.

Издавиа территорию Техаса заселяли иидейцы.

В начале XIX века сюда стали переезжать плантаторы из США и вводить рабство. В 1845 году Техас включили в состав США в качестве рабовладельческого штата. Индейцы были изгнаны, плантаторы захватили лучшие земли.

В Техасе вы можете купить книгу, почти историческую, с цветными рисунками. На обложке ее изображен американец в ковбойской шляпе с ружьем. Он стоит на холме в окружении индейцев. При желании вам предложат книгу американского писателя Клода Брауна, который писал, в частности, следующее: «В период юношества нашей нации звуки ружейных выстрелов были музыкой нашей мужественности. Мы вырвали краснокожих с их земли и уничтожили их расу. И это звучало как музыка. Мы поработили чернокожих, лишили их прав на труд и собственное достоинство. И это звучало как музыка...»

В приморском Галвестоне я читал объявление о том, что сдаются меблированные комнаты с видом на море... только для белых. От местного жителя я слышал, как однажды он ездил на техасское негритянское кладбище. Там он видел могильную плиту с надписью: «Тут похоронен Смит. Повешен по ошибке».

Под тенью пальмы сидел семидесятилетний техасец. Скорее с чувством сожаления, чем с осуждением, он вспоминал те «добрые» времена, когда в любом уголке «легендарного Техаса» без всякого суда и следствия могли линчевать человека лишь за то, что у него черная кожа.

Я был в гостях у техасского художника Митчела Треки. Когда мы заговорили об оружии, он сказал, что пистолет в местных краях во все времена пользовался большим уважением, а мужчина без пистолета считался не мужчиной.

Митчел открыл ночной столик и вынул оттуда заряженный кольт.

— Эту штуку я держу на всякий случай — так мне спокойнее спать, — сказал он.

В Галвестоне я любил прогуливаться по живописной набережной. Она подковой врезается в Мексиканский залив.

Сюда приезжают послушать шум прибоя техасцы. Они приезжают еще и потому, что у самого выхода в залив построен оригинальный аквариум, в котором

в теплую солнечную погоду показывают интересное представление с участием дрессированных дельфинов. Но пока судно стояло в порту, погода испортилась. Дул прохладный норд-вест, и я решил пройтись по богатому району, мимо вилл «настоящих» техасцев. Неожиданно мое внимание привлекла группа подростков. Четверо ребят привязали к стволу пальмы своего сверстника и «расстреливали» его из детских кольтов, заряженных пластмассовыми пулями.

— Он индеец, — ответил на мой вопрос воинственного вида мальчик лет двенадцати, — его надо убить.

— Убить? Почему?

— Он индеец...

КОВБОИ, КОВБОИ...

Помню, как еще мальчишкой я зачарованно смотрел первый в своей жизни ковбойский фильм. На экране я видел смелого парня в ярко-красном платке на шее, с двумя пистолетами на бедрах, в сапогах с высокими каблуками. Он лихо вскакивал на гнедого мустанга и беспрерывно стрелял. Он преследовал бандитов, которые похитили бедную красивую девушку и спрятали ее в горах Чисос — на крыше Техаса; но бесстрашный ковбой проник в логово бандитов и под покровом ночи увез в седле потерявшую сознание девушку. В конце фильма она, конечно, пришла в себя.

На другой фильм, тоже ковбойский, мы пошли всем классом и, затаив дыхание, смотрели на экран. Потом, став взрослым, я видел подобные ленты много раз. Они были похожи одна на другую, как близнецы. И в них обязательно участвовал лихой экранный ковбой. Он скакал на лошади, кидал лассо, похищал, догонял, убивал... Все фильмы так перемешались, что я теперь с точностью не могу сказать, какие сцены были в той или другой ковбойской картине.

И все-таки то первое, незабываемое, мальчишеское впечатление настолько глубоко засело во мне, что в Техасе я уговорил одного местного жителя, чтобы он показал мне не экранного, а настоящего ковбоя. Мой знакомый поколебался, но потом согласился отвезти меня на ранчо своего друга.

Профессия ковбоя возникла в Америке в середине

прошлого века вместе с пастбищным скотоводством на малонаселенных просторах Запада и Юга. Правильно слово «ковбой» произносится как «кау-бой». По-английски «кау» — «корова», «бой» — «парень». Получается просто «коровий парень», или, по-нашему, пастух, вернее, конный пастух. Потому что ковбой без коня — это все равно что путник без ног.

В те времена «коровьего бизнеса» молодые парни-наездники перегоняли стада численностью в две-три тысячи голов.

Коровы принадлежали крупным скотопромышленникам, а ковбои были у них батраками. Ловкие парни объезжали диких мустангов. Именно тогда родилась ковбойская поговорка: «Нет такого коня, на которого нельзя было бы вскочить, и нет такого человека, которого конь не мог бы сбросить».

По три-четыре месяца перегоняли пастухи огромные стада животных. Путь их был нелегок: под жгучим солнцем, с коротким отдыхом и кошмарной ночью, среди роя слепней.

Выдержать такое могли немногие. Вот картина, нарисованная одним из них.

«Ни крошки хлеба уже третьи сутки... Болит голова. Еле держусь в седле...» «Вчера переправлялись через реку, двое парней утонуло». «Наткнулись на человеческий скелет...»

Теперь все, конечно, изменилось. Теперь земля баснословно дорога. На бывших пастбищах построены заводы, проложены рельсы, автострады протянулись до самых дальних ранчо. Теперь скот возят на продажу или на бойню в вагонах или грузовиках. А коровы пасутся в тесных загонах.

Ковбой, к которому мы приехали, был уже немолод. На ранчо он ездил на «джипе». Мы увидели, как он чинил мотор. Вытерев испачканную маслом руку, назвал себя:

— Фред.

Поправив клетчатую рубаху-ковбойку, он предложил нам осмотреть его хозяйство. На пригорке, за проволокой, в загоне паслись коровы и телята. В низине, под навесом, взбивая землю копытом, стоял огненно-рыжий мустанг. У седла висело лассо. Фред рукой поправил шляпу и легко вспрыгнул на коня.

Он натянул повод, и мустанг, весь освещенный солнцем, резко рванул с места. Стремительным аллюром он пронесся вблизи нас. Мгновение — и наездник с помощью лассо опрокинул на землю пятнистого бычка. Усмирив животное, Фред спрыгнул с коня и крикнул, чтобы мы засекли время. С молодецкой удалью он схватил за рога мускулистого бычка и буквально положил его на лопатки за пятнадцать секунд.

— Прекрасно! — восхищаясь мастерством ковбоя, воскликнули мы в один голос, а Фред, подойдя к нам, посетовал:

— Бывало, на родео я делал это вдвое быстрее...

Родео — отгон скота. Это традиционный праздник техасцев, на котором ковбои демонстрируют свое мастерство.

Участвовать в соревнованиях может каждый, только нужно заранее записаться и внести пятидесятидолларовый взнос. Побеждает тот, кто успевает повалить быка за восемь секунд. Но порой такие упражнения кончаются трагично. Фред рассказал, что на местное родео часто приходит седая женщина с двумя детьми. Ее муж несколько лет назад погиб на арене, поднятый на рога разъяренным быком.

Под бамбуковым навесом сушились орехи пекен — любимое лакомство ковбоев. Фред предложил отведать сладких продолговатых плодов с блестящей, тонкой скорлупой и дал нам флягу с прохладной водой.

История Техаса отчасти история воды: то ее было слишком много, то слишком мало. У техасцев много шуток относительно погоды. Один поселенец сказал: «Дождь — это ветер, а ветер — это песок». Другого спросили: «Всегда ли ветер дует в ту сторону?» И получили ответ: «Нет, иногда в обратную».

Фред рассказал, что владельцы ранчо здесь наблюдают за улитками в надежде, что по их поведению узнают, будет ли дождь. А фермеры привязывают мертвую рыбу к заборам, прося богов дать воду. Однажды из Техаса уехал богатый владелец ранчо. На заборе он написал: «Вернусь, когда пойдет дождь...»

— В Техасе вы можете увидеть все, — говорил белокурый молодой человек, работавший в бюро путешествий.

— Если вы государственный служащий, — советовал он, — то вам следует отправиться в Остин — столицу штата. Если вы бизнесмен, то можете встретиться с бизнесменами Далласа и Хьюстона. Если вы просто турист, то садитесь в автомобиль, берите дорожную карту и начинайте свой путь с живописного курорта Эль-Пасо. Вы увидите много, очень много интересного.

Верно, в Техасе можно увидеть такое, чего нет в других штатах. Здесь расположен знаменитый госпиталь Далласа, куда был доставлен смертельно раненый президент Джон Кеннеди. Чей-то злой язык окрестил это заведение «Далласским обществом ножа и винтовки»... В это заведение и по сей день ежегодно поступают десятки людей с пулевыми ранениями.

В любом магазине Техаса вам предложат ножи всевозможных видов, револьверы с кобурой, ремни из искусственной и настоящей кожи, ковбойские костюмы и индейские боевые уборы из перьев. Прямо на улице Галвестона толстый мужчина с густой гривой волос, выбивающихся из-под широкополой шляпы, торговал детскими игрушками. Он кричал в микрофон, чтобы мамы и папы не забыли купить своим отпрыскам модель ружья фирмы «Стен», игрушечную зенитную пушку фирмы «Босфор», пулемет Томпсона, легкий автомат с магазином, скрытым в ложе.

На техасском стадионе вы можете посмотреть настоящие побоища — матчи регби с душераздирающими криками игроков, со случаями перелома и другими тяжелыми травмами. Вы можете посетить «чемпионат» по разбиванию автомобилей, где десятка три машин летят друг на друга, таранят, сплющиваются, взрываются...

Особой привилегией пользуются в этом штате коллекционеры. Одни собирают мельничные жернова весом в тонну, другие — живых змей, третьи — куски рельсов, старинные колеса экипажей... Но среди них, в среде техасских нефтяных королей, есть особо

одержимые — собиратели колючей проволоки. Для них даже издается специальный журнал «Времена колючей проволоки».

На перекрестке двух оживленных техасских улиц, у антиквара, выставлены мотки ржавой колючей проволоки. Я зашел внутрь магазина и был шокирован, увидев, что низенький человек, постриженный ежиком, заплатил за метровый кусок ржавой проволоки 250 долларов.

Сверток с покупкой мужчина положил на заднее сиденье сверхмодной машины, где уже лежал свежий номер журнала о колючей проволоке.

> **Я целое утро не сходил с юта. Мне хотелось познакомиться с океаном. Я уже от поэтов знал, что он «безбрежен, мрачен, угрюм, беспределен, неизмерим и неукротим», а учитель географии сказал некогда, что он просто — Атлантический.**
>
> **И. ГОНЧАРОВ. Фрегат «Паллада»**

НА РАЗНЫХ МЕРИДИАНАХ

СЕУТА СМОТРИТ В МОРЕ

Исколотое звездами небо отражалось в тихой, почти зеркальной воде Средиземного моря. Стоя вблизи капитанского мостика, я любовался этим зрелищем и не заметил, как приблизился рассвет. Он обнажил скалистую гряду и мыс Санта-Каталина, вырисовал восточный берег Сеутской бухты.

В розоватом небе пронесся реактивный самолет, оставляя за собой длинный след.

— Американец, — пояснил находящийся на нашем судне лоцман-испанец и, показав рукой в сторону Марокко, добавил: — Там, в порту Лноте, — крупнейшая военно-воздушная база Соединенных Штатов.

Наш теплоход, обогнув мелководную банку Исабель и мол Эспанья, пришвартовался в порту Сеута. Этот порт принимает океанские лайнеры. Транзитные суда, идущие по Гибралтарскому проливу, заправляются здесь топливом перед дальней дорогой. Сеута, как и Гибралтар, занимает выгодное стратегическое положение. Отсюда можно наблюдать за движением всех судов, следующих в направлении Ближнего Востока, Южной Европы, к берегам Северной Африки. А знойная Африка совсем рядом: восемнадцать миль, и вы окажетесь в экзотическом Танжере — марокканском городе. Кстати, город Сеута находится тоже в Марокко. И все-таки это владения Испании. Точнее, Испанского Марокко. Порядки и деньги (песеты) здесь испанские, военно-морская база тоже испанская. К большому, выступающему в бухту бетонному прямоугольнику пирса примкнули военные корабли с неустанно вращающимися антеннами мощных локаторов...

История Сеуты — это история многовекового колониального господства. Еще в VII веке до нашей эры на месте нынешнего города возникло первое поселение. В начале VI века арабы и коренные обитатели Марокко — берберы — превратили Сеуту в свою крепость.

В 1415 году Сеута, как и Танжер, попала во владение Португалии. В 1580 году территория перешла к Испании. Сеута была базой испанских фашистов, служила плацдармом для их колониальной экспансии в Марокко. Марокканцы неоднократно делали попытки освободить город от захватчиков. Спор о Сеуте продолжается и сегодня. В этом споре народ Марокко поддерживают все прогрессивные силы мира.

...Сеута смотрит в море множеством окон своих домов. Я видел многоэтажные небоскребы из стекла и бетона, утопающие в зелени роскошные виллы с фонтанами и бассейнами, наполненными водой небесной голубизны. Но мне запомнилась и другая Сеута — тесные узенькие улочки, где среди бела дня шмыгали крысы. Деревянные подпорки, словно костыли инвалида, поддерживали прогнившие стены домов.

Мне встречались молодые нагловатые европейцы. Запомнились джинсы в фабричных заплатах, разноцветные майки с рисунками и широкие кожаные ремни с медными бляхами. На моих глазах двое парней бесцеремонно опрокинули лоток с лечебными травами старика марокканца и как ни в чем не бывало, смеясь, направились дальше. Старик же еле поднялся с низкого топчана и стал наводить порядок в своем нехитром хозяйстве.

Заинтересовавшись травами, я приблизился к лоточнику. Старик немного говорил по-английски. Когда он узнал, что я врач, он рассказал мне, что эти пожелтевшие пучки придорожной травы помогают людям от депрессии и бессонницы. Хотя, добавил старик, больному человеку полезнее были бы современные лекарства...

Уже темнело. Старик, наверное, знал, что в такой час вряд ли кто забредет на эту тихую улочку, поэтому он убрал лоток с травами и пригласил меня в гости. По каменистым ступеням мы спустились в полуподвальное жилище. Пахло сыростью. Через треугольное окошко проникал слабый свет, слегка освещая циновку, на которой лежала старуха.

— У моей жены чахотка, — пожаловался лоточиик. — Оиа слишком слаба, чтобы везти её в больницу.

Через полчаса, провожая меия, марокканец грустио признался:

— Жеиу не вылечишь ни заклинаниями, ии травами. Нужны антибиотики, а значит, очень миого денег...

В Сеуте, по даииым местной печати, туберкулезом болеет каждый второй марокканец. За медицинской помощью же обращаются единицы, потому что за визит и лечеиие врачи требуют басиословные гоиорары.

Влекомый людской рекой, я оказался в центре. Прямо на тротуаре продавались фигурки из черного дерева, бумажники и сумочки из кожи питона, пузатые с узким горлышком кувшииы для хранения воды и плоские медные блюда с чеканкой. Смуглые мужчины в фесках потягивали мятный чай и громко стучали костяшками домиио. У перекрестка — реклама очередной корриды.

Пронзительно сигналя, двигались новенькие «ягуары», «мерседесы», «фиаты», пугая робких марокканских жеищин в цветастых одеждах и с татуировкой на лицах.

Я брел вдоль берега. Мимо башен портовых кранов, мимо великолепиых пляжей с миоготоииыми камиями-валунами.

Сеута смотрела в море...

НА КАНАРАХ

Как-то, работая во фрахте от шведской фирмы «Сален», мы завериули на Канарские острова. Стоянка в порту была чересчур короткой, и я тогда не успел разглядеть ии города, ни его жителей.

Позже я попал иа фруктовоз, который перевозил с Канар бананы. Порой в ожидании груза мы задерживались подолгу, и я никогда не упускал случая побродить по улочкам вблизи естественных навесов из виноградных лоз, затеияющих средневековые дома со сводчатыми стенами. Заходил в старинные паттио — дворы с аккуратными дорожками, выложеиными зелеными изразцовыми плитами.

Накануне шторм с сатанинской яростью набрасывался на теплоход, но потом злой ветер утих, успокоился, и перед нами предстали силуэты Канарских гор, Лас-Пальмас в ворохе разиоцветиых огией.

Казалось, в ушах еще звучал рев атлантнческнх волн, ио это гудел нзнутри Лас-Пальмас, словно готовый взорваться. И он «взорвался»... Закаичивался последннй день нспаиской фнесты.

Грохочущне оркестры сотрясалн древнне стены. У дверей старннных домов блестелн начнщениые до блеска медные подставкн для масляиых ламп. За чугуниымн решетками очень почтеиного возраста горелн лимонным светом фонарнкн. В таверие, куда я заглянул, мужчнны потягнвалн нз стаканчнков херес. Нежные тихне перелнвы аккордеона заполняли всю таверну, н через колышущнеся разиоцветные ленты у входа потокн звуков проннкалн иа улицу.

Город был наполнен туристамн: скандниавы, фраицузы, нтальяицы... Толпа любопытных окружнла двух немолодых англнчан с крупнымн одутловатымн лицами. Куда девалась их чопориость, когда онн лихо пустнлнсь в пляс вслед за чериоокой сеньорнтой с длнными серьгамн н красной леитой в волосах?! На глазах собравшейся публнкн в этом неожнданиом улнчном состязаннн терпелн фнаско даже вндавшне внды кабальеро в начнщенных до антрацнтового блеска ботннках.

На Канарах все работает для туристов. Турист здесь — властелнн. Перед ним распахиваются двери бесчнсленных отелей, его обслужнвают быстрые лакеи, для него организуются выставкн старнннных безделушек, новенькнх «древностей». К его услугам н выложениые густо-снннм кафелем бассейны, и квадратные башин «мнрадорес» с оборудоваиимн площадками, где можно прннннмать воздушные ваины.

Многие столетия Канарскне острова казалнсь человеку краем света. О инх Геродот писал: «Мир кончается там, где по морю нельзя больше ехать, в месте, где находнтся сад Геспернд, где Атлас поддержнвает иебо, стоя на скале, имеющей форму коиусообразного цилнндра».

Первыми на острова высаднлнсь каднсские рыбаки. Историки утверждают: не позднее II века до нашей эры. Может быть, рыбакн сбилнсь с курса, когда заметнлн безмолвные таннствеиные горы, над которыми навнсло бездонное небо. Может быть, онн долго искали эту чудесную землю н, найдя ее, заслушалнсь необычайным пеннем канарейкн. Может быть...

Древнеримский ученый Плиний Старший утверждал, что название острова получили благодаря царю Джуба. По его словам, царь Джуба привез с острова больших собак, по-латыни «канис». Отсюда и пошло название: Собачьи острова, или Канарские.

...Древние жители Канар, гуанчи, высокие блондины с белой кожей и голубыми глазами, жили в горных пещерах, разводили скот, занимались земледелием. Гуанчи не имели лодок, но они мастерски ловили рыбу. Рыбу они пекли особым способом на углях, варили уху, вялили. Питались гуанчи моллюсками-мидиями, мясом, маслом, сыром, медом, различными травами и ягодами. Они не ведали нужды, не знали войны, были независимы и свободны, как ветер. «Клянусь сделать каждого счастливым» — так начиналась клятва вождя, который принимал власть на Канарах.

Гуанчи были зажиточным и счастливым народом. Именно тогда Канары стали называть Счастливыми островами. Шел к концу XV век — начало жестокой испанской колонизации. Тысячи гуанчи были истреблены, часть увезена в рабство, часть пошла в услужение к испанским колонизаторам. Лишь горстка храбрецов успела убежать и скрыться в замаскированных пещерах. Сегодня на Канарах очень редко можно встретить настоящего гуанчи. Говорят, что истинных потомков гуанчи увидишь только в отдаленных уголках Канар, вдали от людных мест.

Мой спутник Эрнандес, служащий «пуэрто» — порта, узнав, что я интересуюсь историей Канар, показал мне заброшенное кладбище гуанчи, расположенное вблизи лас-пальмасских доков.

— Оно было разорено.

— Почему?

Эрнандес не торопился с ответом. Он пригласил меня в местный музей и попросил внимательно осмотреть светловолосые мумии. Оказывается, гуанчи, как и египтяне, своих покойников мумифицировали. Для бальзамирования они применяли кроваво-красный сок драконова дерева, растущего в горах. Этот сок известен сейчас под названием «драконова кровь». Там, в музее, Эрнандес произнес с негодованием:

— Бизнес на мумиях делали моряки. Они вытаскивали бальзамированных покойников из пещер и загружали ими трюмы.

Мы молча вышли нз музея. На иабережной мой собеседннк закурнл и уже спокойным тоном пояснил:

— Понимаете, иа мировом рынке мумии гуанчи высоко ценнлись. Помнмо всего прочего, нх охотно покупалн знахарн многих стран для магнческих заклинаний.

Эрнандес предложнл мне совершнть небольшое путешествне. Мы селн в его серебрнсто-белый «додж» и поехалн по ввннченной в горы дороге. По склонам ползли зарослн кустарника хара, нсточая запахн меда н терпкнх смол. Эрнандес включнл прнемннк. Игралн болеро. В такт музыке Эрнандес прищелкнвал языком н покачнвал головой.

Солнце уже скрылось за облакамн. Но оно угадывалось н в блнках на воде, н в высвете белых, голубых, красных, желтых парусов яхт, н в яростной зеленн банановых джунглей. Тем временем болеро сменилось грустной мелодней.

Вместе с музыкой нзменнлось н настроенне моего спутннка. Он слегка прнглушнл прнемннк. Его лнцо сделалось сосредоточенным, задумчивым.

— Это песня о нелегкой доле крестьян, — сказал он. — Ее поют на банановых плантацнях. Ее пела в днн сбора урожая н моя мать. Она работала по десять часов в суткн. Сердце не выдержало такой нагрузкн. Однажды матери стало плохо. Ее даже не удалось довезтн до больницы.

На всем побережье Канарскнх островов растут бананы. Выращивать нх намного выгодней, чем продавать землю под застройкн. А началн выращивать бананы в восьмидесятые годы минувшего столетия, когда сюда прнбыл предпрннмчнвый Альфредо Джонсон нз Лнверпуля. Стекляннымн безделушкамн он одарил доверчивых канарскнх правнтелей н на присвоенных землях стал разводнть банановые плантацнн, где за грошн работалн местные жнтелн. Связкн вкусных ароматных плодов экспортнровалн во все страны Европы. Канарскне бананы оказалнсь той «золотоносной жилой», которая прннесла сэру Джонсону миллнонные барышн...

Мы поставили машину в стороне от дорогн и решнлн пройтнсь пешком до горного крестьянского селення. Утоптанная тропннка прнвела нас к лепнвшнмся на холме домишкам. Все строення однnаковы: нз необожженного кирпича, прнземнстые, с плоскимн крышами. Под открытым небом — жестяные умывальннки, сто-

лы из неструганых досок. Дети играют осколками бутылок. Завидев незнакомцев, оторвалась от корыта с бельем худая женщина. За подол ее неопределенного цвета юбки держится босоногая девочка лет пяти. Она испуганно смотрит из-под челки желтых, как древняя смола, волос.

Через раскрытую дверь просматривается убогое жилище: два ряда коек с узким проходом. В проеме двери — дряхлый старик со слезящимися глазами, покрытыми густой сеткой кровяных жилок. Притаившиеся за невысоким забором оборванный мальчишка и грязный котенок обгладывали рыбьи кости. Чуть дальше ужинала семья из восьми человек. Они молча из общей посуды хлебали гофио — жиденькую кукурузную кашицу. В конце деревни в окружении тощих, облепленных болячками мулов сидели крестьяне, одетые в лохмотья, терпеливые, внешне безучастные ко всему. Один жевал табак, другой что-то рассказывал, почти не шевеля губами, третий дремал, прикрыв лицо ветхой шляпой.

Невероятно бедны Канары. Бедны, несмотря на солнце, бананы, виноградники, море. Бедны потому, что, помимо синей голубизны неба и фешенебельных отелей, существует еще каторжный труд на банановых плантациях, за который крестьяне получают жалкие гроши.

Эрнандеса ждали дела в порту, и я, распростившись с ним, двинулся по главной улице города — Триане. Улица, где выстроились тысячи лотков и лавочек, напоминала ярмарку. Подростки в желто-полосатых рубашках нараспашку предлагали ананасы, персики, бананы, яблоки, груши. На некоторых из них висели, словно африканские ожерелья, крупные связки чеснока. Искали клиентов юркие чистильщики со своими щетками и кремами. Добродушные гиганты с длинными волосами и оливковой кожей зазывали прохожих купить диковинные ракушки, белоснежные кораллы, рубашки немыслимых расцветок, кружевные мантильи, кукол, изображающих тореодоров и танцующих испанок. Шумела Триана, зазывая прохожих что-то купить, выпить красного вина или попробовать испанское виски «Дик». В любой лавчонке, таверне вы можете расплатиться и песетами, и долларами, и кронами, и фунтами, и марками... Все для туристов!

Жизнь на островах дешева лишь для иностранцев.

Они скупают беспошлинные товары, напитки, сигареты... Обслуживающий же их персонал вынужден бороться за жизнь. На Канарах официально признан минимум заработной платы: три тысячи песет в месяц, то есть около тридцати рублей. Но для многих тружеников этот минимум недостижим.

Мне удалось посетить две центральные провинции: Лас-Пальмас и Санта-Крус-де-Тенерифе, расположенные на двух главных Канарских островах: Гран-Канария и Тенерифе. Хотя Гран-Канария вдвое меньше Тенерифе, но этот остров называют Гран-Великий потому, что здесь гуанчи оказали самое большое сопротивление испанским завоевателям. Тенерифе же славится огнедышащим вулканом Тейде.

В любом мало-мальски оживленном месте вы найдете туристскую контору. Услужливые клерки закажут вам билет на путешествие «вокруг света», и вся процедура оформления займет несколько минут. Вам обязательно предложат подробнейшую карту Канар и объяснят маршрут до ближайшей пристани. Располагайтесь в маленьком испанском пакетботе, и он довезет вас до других островов, куда из риска упасть в океан не садятся самолеты.

Кроме Тенерифе и Гран-Канария, в архипелаг входят еще пять неповторимых, полных загадок островов. Красив остров Пальма с громадным вулканическим кратером Ла-Кальдера глубиной почти в две с половиной тысячи метров. Экзотичен остров Иерро с обширными плантациями фиговых деревьев. Незабываемы острова Фуэртевентура и Лансароте с участками пустыни. Говорят, на Лансароте и поныне сохранилась яма для экзекуций. Осужденному на смерть там предлагали на выбор только пить или только есть. Один хитроумный преступник выбрал молоко и остался жив. Поистине уникален с отвесными скалами и грохочущими ущельями западный остров Гомера, жители которого, потомки гуанчи, владеют уникальным языком свиста.

Но самая главная достопримечательность Канар — это порт, без которого, как мне представляется, нельзя узнать и понять Канары. Порт — лицо Канар, где, словно в зеркале, отражается жизнь архипелага.

Подтянутые к пирсу стояли рыбачьи лодки. Мы подошли к крайней из них. Рыбак, угрюмо посасывая трубку, перебирал сети. Лицо коричневое и иссохшее.

Сквозь соломенную шляпу без верха солнце жгло его седую голову.

Мы поздоровались. Рыбак кнвнул головой.

— Готовитесь к лову?

— А что делать? Жнть-то надо...

Около Канар местные жителн ловят всякую рыбу: от сардин до тунцов. Их жены продают улов прямо на улнце, зазывая покупателей громкими пронзнтельными криками. На набережной приготовляют кальдо де пескадо — тнпичное канарское блюдо в остром соусе, подкрашенное шафраном. Оно по вкусу н нспанцам, и многочисленным туристам.

В лас-пальмасском порту всегда много разноликого люда. Прнходят сюда и голодные безработные в надежде поднестн пассажиру чемодан нли оказать другую услугу. Порт немыслнм без туристов, как немыслим без высокого маяка, поднимающегося над бухтой. Туда, к маяку, вечерами подкатывают вереннцы машин с праздными пестро одетыми иностранцамн. Здесь я встретил элегантного сухопарого англичанина. Он важно прогуливался с большой в корнчневых пятнах собакой — «бардино», далекнм потомком тех собак, из-за которых дали когда-то островам их нынешнее нмя.

У БЕРМУД

Мы возвращались с грузом бананов из Колумбии, когда произошла эта вынужденная задержка в открытой Атлантике, в пятнстах милях от ближайшей земли — коралловых Бермудских островов.

После обеда я играл с капитаном в шахматы, но партию прншлось отложнть: по телефону его срочно вызвалн на мостнк, а следом приглаcнли и меня.

Едва раскрыв дверь штурманской рубки, я услышал голос капитана:

— Готовьтесь к операции, доктор...

Судовой хронометр показывал трннадцать часов десять минут. Заглянул наш «маркони» н подал мне знак зайти в радиорубку.

— В чем дело, Володя?

— Несчастье на лнберийском танкере «Юниверс дафне», — ответнл радист. — Они сообщили о пациенте, у которого обширная рана длиной в восемь дюймов и глубиной в два с половиной. Группа крови больного

неизвестна. Мы передали им свои координаты и идем навстречу...

До встречи с либерийским судном оставалось совсем мало времени, я поторопился в амбулаторию, чтобы успеть подготовиться к операции. И вот уже шлюпка на воде. Я вместе с Раей, нашей буфетчицей, в прошлом медицинской сестрой, отправляюсь на «либериец». Перед нами громадная махина танкера 150-тысячника, заполненного сырой нефтью. Великан даже не шелохнется, а шлюпку океанская волна бросает из стороны в сторону.

На «Юниверс дафие» нас ждут. Спущен штормтрап, и мы поднимаемся на просторную палубу. Успеваю заметить угрюмые лица негров-моряков и идущего из средней надстройки навстречу мне сухопарого человека лет сорока, в белых брюках, теннисCке и тропической шапочке с пластмассовым козырьком.

Он любезно здоровается и представляется:

— Капитан Антоинос Сфакиотис.

На ходу он объясняет, что пострадал его ближайший помощник, старпом. Входим в каюту, в которой собралось человек десять. В углу на койке стонет больной. Его правая рука, перетянутая полотенцами, лежит на двух окровавленных подушках. Сверху — смотанная жгутом простыня с запекшейся кровью и повязка с расплывшимися алыми пятнами.

— Как вас зовут?

— Ренато, Конч Ренато, — повернув заросшее бледное лицо, ответил он слабым голосом.

В каюте душно, накурено. Я попросил посторонних выйти и включил большой настенный вентилятор.

— Когда это случилось?

— Ночью...

Я осторожно убрал простыню и обнаружил зияющую рану на груди. Потом, наложив жгут, снял повязку с руки и увидел обнаженный и слегка надорванный правый бицепс. Пока я осматривал пациента, Рая успела сделать ему инъекции наркотика и сердечного средства. Вынула градусник и показала температуру — 37,5.

Местную анестезию пришлось начинать с руки. Вскоре Ренато сказал, что плечо одеревенело и он совсем не чувствует боли, затем улыбнулся краешками губ и спросил:

— Можно, я буду читать?

— Конечио.

Сндевший в каюте стармех подал ему какой-то криминальиый роман, н Реиато увлекся книгой.

«Штопать» пришлось его изрядно. Когда я иаложил последнне восемь швов н пронзиес: «Фиииш!» — пацнент иа какое-то мгновение растерялся, а потом поиял смысл сказаииого н радостно воскликнул:

— О, святая мадонна!

Сняв халат, я вышел иа палубу. Ко мне подошел капитаи Аитониос Сфакнотис. Ои стал благодарнть за бескорыстиую меднцннскую помощь. Сфакнотнс говорнл, с какнм трудом оии отыскали в океаие судио с доктором, н еще в пылу откровеииости призиался, что оии хотели вызвать саинтариый самолет с Бермуд, но когда те, как их иазвал Сфакиотис, «коммерсаиты в белых халатах», запросилн двадцать тысяч долларов, ои был выиужден отказаться. Сфакиотис ие сумасшедший платить такую сумму.

А как же жизиь человека? Ведь в океаие можно идти четверо-пятеро суток, а то и иеделю, и не встретнть ни едниого судиа. Как?..

Задать этот вопрос я не успел. К капитану, извииившись, подошел радист н протяиул депешу. Наверное, было что-то очеиь важиое. Быстро пробежав глазами текст, Сфакиотис самодовольио улыбнулся и, ие сдерживая своих восторжеииых чувств, раболепио произиес:

— Божествеиный Аидреаднс!

Так я узиал, что поржавевший и видавший виды «Юииверс дафне» прииадлежит крупиейшему греческому судовладельцу Аидреадису.

— Я тоже грек, — как бы между прочим сообщил Сфакиотнс, делая удареиие иа слове «грек». Затем пригласил меня в каюту. Достал нз зеркальиого бара бутылку «Блэк эид уайт» и, налнв в хрустальиые бокалы виски с содовой, начал рассказывать о том, какую выгодиую иефтяиую сделку он «провериул» в Ннгерии, н теперь сам Аидреаднс доволен им. Ои предложил выпить, но я отказался, сославшнсь на жару.

На палубе меия ожидал иаш старпом, который о чем-то разговарнвал с моряками «Юииверс дафие».

— Доктор, оии просят посмотреть еще одиого человека.

В сопровождеиии капитана Сфакиотиса мы ндем по

трехсотметровому переходному мостику. Не доходя до бака, спускаемся вниз, где за тяжелой металлической дверью мне открылось то, что сегодня можно увидеть лишь в историческом фильме об эпохе рабовладения. А здесь все наяву. Жутко, неправдоподобно. Не верится, что все это в наши дни. На железной койке полулежал молодой негр, закованный в массивные тяжелые цепи, стянутые висячим замком. Это был двадцатилетний матрос по имени Освальд. Как и подавляющее большинство членов команды «Юниверс дафне», он родом из Вест-Индии. Им платили почти в десять раз меньше, чем, к примеру, американскому моряку. На танкере они находились на положении полурабов. Ютились в тесных полутемных кубриках, где в два ряда едва помещались узкие койки в виде нар. Им не разрешалось появляться в средней надстройке, где жили белые офицеры. Однажды Освальд осмелился спросить старпома Ренато, почему им платят такие гроши, «чиф» рассвирепел и вышвырнул матроса вон из каюты.

В этом рейсе из Западной Африки в Филадельфию танкер вез нефть на очень выгодных фрахтовых условиях. Освальд подумал, что, может быть, им теперь увеличат заработок. С такими мыслями он и отправился к старшему помощнику, чтобы поговорить с ним перед вахтой. Но тот не захотел слушать его и со словами «черный ублюдок» выставил за дверь. И тогда блеснул нож...

Я внимательно обследовал Освальда. Отвечая на вопросы, он смотрел на меня большими влажными глазами, а грудь его то поднималась, то опускалась. И весь он был в напряжении, словно готовясь к отчаянному прыжку, который ему предстоит совершить.

— Виновник конфликта, — пояснил капитан и хладнокровно добавил: — В Филадельфии я сдам его в полицию.

Услышав слово «полиция», Освальд сжался. Он долго молчал, и, когда уже казалось, что он так ничего и не скажет, раздался его душераздирающий крик:

— Ноу, ноу полиция! Спишите меня на берег, сеньор капитан. Я умоляю...

— Нечего меня умолять!

Шлюпка отходила. Проводить нас вышли сомкнутой шеренгой матросы, капитан же стоял один на крыле мостика.

...Приняв душ, я поднялся в рулевую рубку. Там только что вахтенный штурман закончил запись в судовом журнале: «Семнадцать часов десять минут. Шлюпка поставлена на штатное расписание, закреплена по-походному. За время посещения танкера судовым врачом оказана хирургическая помощь пострадавшему члену экипажа... Дали ход».

Ровно на четыре часа мы задержались в Атлантике, в пятистах милях от Бермудских островов.

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ТРОПИКИ

ЗНАКОМСТВО С АККРОЙ

Серебристый воздушный лайнер резко пошел на снижение и побежал по бетонной дорожке, затормозив у международного аэровокзала «Котока». Из «Боинга-727», прибывшего рейсом из Рима, шумно выходили туристы. Они держали в руках путеводители, в которых рекламировались комфортабельные отели «Гранд», «Мажестик», «Астория», лучшие кинотеатры «Вог», «Палас», универсальные многоэтажные магазины, известный всем ресторан «Метрополь», где на обед можно заказать спагетти и итальянский вермут «Чинзано». Реклама манила туристов на песчаный пляж Атлантики с пенящимся прибоем и высокими взлохмаченными пальмами.

Ганская столица — Аккра — привлекательнейший город Западной Африки. Вблизи столицы я обратил внимание на броский указатель: «Четыре мили до атомного центра». На пустыре, когда-то поросшем колючим сухим кустарником, сооружался атомный реактор — первая ядерная установка во всей Западной Африке. За долиной, опоясанной прохладным ручьем, простирались владения крупнейшего университета Ганы.

Живописное место, где расположен студенческий городок, называется Легон. У входа, будто часовые, выстроились деревья-богатыри, покрытые, точно чешуей, красно-коричневой корой. За зеленой аркой — тихий пруд с атласными лентами плавающих растений и нависающими над водой веерными пальмами. Асфальтированные дорожки ведут к спортивным площадкам, нарядным корпусам.

Раскидистые ветви с пышной тропнческой листвой прикрыли от знойного солнца факультетские здания с полукруглыми аудиторнями, кабинетамн, лабораториямн, оборудованными новейшими прнборами, аппаратами, системамн.

Когда мы выехали из Легона, иаша машина обогиала местных жителей, мужчин в набедренных повязках с волосяиыми кистями в руках. Они торопились иа площадь, где проводнлся местный фестиваль, «разгонять духов». Им отчаянно сигналилн сидевшие в автомобилях, но машнны были вынуждены замедлить свой ход — ничто ие могло остановить это древнее традициоиное шествие гаицев...

К XV веку, до появления европейцев, народы Ганы достнгли сравнительно высокого уровня развития. Шел процесс образования раннефеодального государства. Но португальские мореплаватели, пришедшие сюда в конце XV века, превратили Аккру в крупный центр работорговли и вывоза золота — тогда на территории Гаиы получали около 35 процентов мировой добычн драгоценного металла. Недаром европейцы назвалн страиу Золотым Берегом. В 1850 году Аккру захватилн англичане и сделали ее административным центром своей колонин. Даже в наше время во многих зарубежных географических справочниках можно прочитать «Золотой Берег — британская колония в Западной Африке на берегу Гвинейского залива».

Так было. Более ста лет племена ашанти, фантн, акаи, народы га и адангме вели кровопролитные войны с англичанами. И победили. Шестого марта 1957 года состоялось провозглашение первого иезависимого государства в Западной Африке. Новая республнка взяла иазвание средневекового государства, существовавшего иа территории Западного Судана, — Гана.

Здесь очень тепло вспомнняют неутомимого борца за свободу Африки, бывшего президента Ганы, лауреата Лениискои премии мира доктора Кваме Нкрума. Благодаря ему в нижнем течении реки Вольты была построена самая большая в Африке гидроэлектростаиция. Зажглись лампочки в джунглях Ганы, дешевый ток получили также и соседние государства.

Кваме Нкрума вошел в историю как активный борец за едиество африканскнх стран и полное освобождение континента от колониализма.

Мы побывали в горах Аккры. Там сохранилась бывшая резиденция Кваме Нкрума. Мимо нас по крутым склонам поднимались простые ганцы. Они шли поклониться тем местам, где жил и работал их любимый президент.

КРОКОДИЛИЙ ПАСТУХ

Виктор — шофер посольского автобуса — широкой ладонью то и дело смахивал капельки пота со лба и, беспомощно разводя руками, сокрушался:

— Перегревается мотор... перегревается, бестия...

Уже в который раз он поднимал капот машины и заливал из канистры теплую, как парное молоко, воду. В ответ мотор рычал, словно разъяренный зверь, и автобус нехотя тащился в гору.

Автобус нам предоставили работники советского посольства в Аккре. Они-то и посоветовали посмотреть красочный ботанический сад, который привольно разросся рядом с ганской столицей, почти на самой вершине горы. Виктор впервые отправился в горы и еще не знал, выдержит ли автобус, совсем недавно полученный из Нигерии, тропическую жару и испытания на крутых склонах.

Мы поняли, что, пока мотор не заглох, надо съехать с дороги. Но куда свернуть? Что все-таки посмотреть? Не каждый же день посольство может давать нам автобус...

Вдруг в глазах Виктора я заметил лукавые искорки. Он подмигнул и заговорщически шепнул мне на ухо:

— А не махнуть ли нам к крокодилам?

О существовании необычных ганских крокодилов первый раз я услышал на западном побережье Африки, в небольшом порту Тема. Как-то у маяка я встретил молодого греческого моряка в окружении местных жителей. Они говорили так громко, что я невольно слышал их голоса. В том, что говорил грек, я разобрал слово «ньонго», произнесенное с вопросительной интонацией. Я знал, что «ньонго» значит «крокодил».

— Ньонго иоу... ньонго иоу, — громче всех твердил пожилой ганец и отрицательно качал головой.

Разговор на том и кончился. Грек удалился, а ганцы, возбужденно жестикулируя, о чем-то спорили. Что

произошло? Почему оии так разволиовались? Что-то непонятиое было в этой встрече у маяка. Но что? Ответ иа мои вопросы я получил в тот же вечер у гаица, изучавшего русский язык.

Мы сидели иа диких валуиах, и Басуро рассказал нам о иеобычных местиых крокодилах.

— На севере Гаиы, вблизи граиицы с Верхией Вольтой, издавиа живут в большой дружбе крокодилы и люди. Дети плавают на их спинах, кормят их и загорают вместе иа зеленой траве. Связывает их какая-то магическая сила...

Басуро рассказал о затерявшемся в глубиие страиы селеиин Ва. В цеитре селеиия иаходнтся пруд, где живет с полсотнн крокодилов. И люди совсем не боятся этих чудовищ. Оии считают, что крокодилы священны и бог покарает каждого, кто убьет хоть одиого.

Обо всем этом я вспомнил по дороге, когда Виктор предложил «махиуть к крокодилам». Мы въехали в пригород Аккры. На иевысоких холмах приютились стройиые, аккуратные коттеджи, у белых стен которых вздымались розово-малиновые кусты, пышные белые цветы с какнм-то незнакомым лиловым оттеиком и живые изгороди у окои с желто-красными гребешками. За широкой улицей показалась оживлеииая часть города с бесчнслеииымн улочками и поворотами, у одного из которых висел указатель: «Крокодилиа».

Виктор затормозил у иевысокой бетоииой стеики, за которой находился пруд с крокодилами. Из-за ограды выглянул длиниорукий голеиастый подросток, который вызвался нас сопровождать.

Крокодилы лежали неподвижио, точно застывшие. Лишь по глазам было вндио, что оии живые: веки чуть-чуть приподняты, и на иас устремлеи безразличиый, почти стекляниый взгляд. Крокодилов от посетителей отделял полутораметровый барьер и больше иичего. Прямо передо миой возникла массивиая голова. Мощиая пасть, словио для обозреиия, открывалась все шире, шире... и осталась в таком положеини. Прошло десять, пятиадцать минут... а крокодил и ие думал менять позы. Внутри пастн видиелся большой желто-розовый блестящий язык. На грозиых зубах преспокойно устроилась какая-то храбрая маленькая птичка. Оиа иеторопливо выклевывала остатки пищи, зубастый же гигаит грелся на солиышке, и, казалось, ничто ие мешало

ему: ни звуки музыки, доносившейся нз бара, ни гул проезжавшнх автомобнлей, нн нудное пыхтенне трактора, вытягнвавшего на блнзлежащей обугленной поляне вековые корнн деревьев.

На наших глазах голенастый гид бесстрашно прыгнул за барьер, похлопал крокоднла по спнне и принялся вбивать в землю деревянные колышки. От каждого колышка тянулнсь веревки, к которым была привязана какая-то жнвность, находившаяся за железной перегородкой. Сразу же все пространство вокруг крокодильей заводн наполнилось страннымн звуками, похожими на попискивание перепуганных цыплят.

В ответ на жалобное верещанне пруд заколыхался. Из непроницаемой воды однн за другнм ползлн крокодилы. Шлепая короткимн лапамн, на которых виселн клубни донных водорослей, онн взбнрались на песчаные бугры, активно подруливая устрашающнми веслообразными хвостами.

В этот момент мальчншка поднял железную перегородку, и навстречу появившнмся чудовнщам действительно выпорхнулн цыплята. Распахнулись зубастые пасти. Зрелище было малоприятным.

После лакомого обеда крокоднлы плюхнулись в пруд переварнвать пищу. Только однн так и остался на суше, впав в безмятежный сон. Маленькнй «пастух», погладив его, вернулся за барьер.

Я прошел вдоль пруда с живыми крокодилами. Чуть в стороне, у хижнны, горел огонь. Под деревом лежала сплетенная из листьев пандануса цнновка, на которой резвилось четверо малышей.

И крокодилы и люди жили совсем рядом. Всего в нескольких метрах друг от друга...

В ПОРТУ ТЕМА

О ганском порте Тема, что раскннулся на берегу Гвинейского залнва, рассказывали и нашн рыбаки, которые помогают ганцам осваивать советскне промысловые суда, и морякн с вентспилсских танкеров-двадцатнтысячников, что возят в Тему сырую нефть. На танкере прнбыл сюда н я.

Тема — современный порт. Его строительство завершилось в 1962 году, н с тех пор это главный порт Ганы. Тема связана морскими линиями с Лондо-

ном, Фритауном, Лагосом и со многими гаванями социалистических стран.

...Было время отлива. Из воды торчали скользкие позеленевшие камни, обтянутые длинными нитями морских водорослей, кокосовые орехи, изрядно напутешествовавшиеся по кипящим волнам и выброшенные на берег. На мокром песке бесконечное множество таинственных, еле приметных глазу ходов, куда спешно ковыляли маленькие безобидные рачки. За рачками, собственно, никто не гнался, а боялись они жгучих тропических лучей, которые моментально обезвоживали их хрупкие тела. Совсем крошечные существа, инстинктивно чувствуя это, мигом убирались в тень, за камни, в спасительные норки.

Но вот жара начала спадать. Приятный морской ветерок вместе с приближающимся вечером дарил прохладу. За молом виднелась рыбацкая гавань. К выходу в океан готовился большой морозильный траулер. В лучах заходящего солнца сверкали его белые мачты, надстройка и большие стекла иллюминаторов. На палубе мускулистые темнокожие матросы разбирали сети. Около борта пыхтели два буксира. Раскатисто и торжественно прозвучала сирена с траулера, и тут же задорно отозвался юркий лоцманский катер. Распахнулась дверь штурманской рубки, и на крыле мостика появился капитан в белоснежном форменном костюме.

Махина-траулер отвалил от причала. Его провожали темнокожие женщины, туго запеленатые от груди до пят в яркие ткани. Стайка полуголых ребятишек шумно бежала по берегу. Что-то кричали и махали руками мужчины, столпившиеся на бетонном выступе.

Один из провожающих, коренастый, лет пятидесяти рыбак, с узловатыми, мозолистыми руками, с гордостью сказал:

— Я знаю, траулер повел в рейс русский капитан. Корабль вернется с полными трюмами...

Рыбака звали Каму. Он всю жизнь прожил на берегу океана. Каму на разных судах исходил Гвинейский залив вдоль и поперек и лучше чем кто-либо знал цену рыбацкой удаче.

Ганцы — потомственные рыбаки. Они хорошо разбираются во всем, что касается рыбацкого ремесла, и потому особенно приятны их хорошие отзывы о траулерах, построенных на Украине и плавающих под ган-

ским флагом; приятно и то, какой популярностью пользуются советские «рыбники», передающие ганцам опыт плавания на этих современных судах.

Новые траулеры, чтобы возвратиться с богатым уловом, выходят в открытый океан. В прибрежных водах промысел ведется на дедовских лодках. Те, кто ловит на них, издавна отмечают «день первой сети». По тому, что приносит эта сеть, старики определяют, как будет проходить рыболовный сезон.

...Из-за скалистого мыса выплывает одновесельная длинноносая лодка. Она скользит довольно быстро. В лодке, загруженной сетями и трепещущей серебристой рыбой, спиной к гребцу сидит молодая африканка. Рыбак уверенно и размашисто работает веслом. Едва лодка причаливает к берегу, как к ней тянется множество рук, которые мгновенно вытаскивают ее на сушу.

Лодку кладут рядом с такими же суденышками. Их около десятка. Все они устроены по древнему образцу. Каждая выдолблена из цельного ствола с узким остовом. Когда-то на подобных пирогах, обтянутых корой деревьев или шкурами, плавали индейцы-карибы и папуасы. На длинноносых пирогах бесстрашно выходили в Атлантику деды, прадеды и прапрадеды ганцев. Хотя давно уже появились быстроходные лайнеры, первобытный водный транспорт не изменили никакие веяния времени. Правда, теперь эти лодки стали еще и предметом рекламы. Узконосая лодка с отважным мускулистым гребцом красуется ныне даже на ярких спичечных этикетках.

Невдалеке от вытащенных на берег пирог можно видеть группу оживленных людей. Из глубины прозрачной воды всплывает мужчина в маске и ластах. Встав на камни, он снимает маску. Необыкновенно выразительное лицо с «отелловской» бородкой клинышком, которая выделяется на кофейного цвета коже. На наших глазах вытаскивает он из нейлоновой сетки свои охотничьи трофеи: это круглые, с широкими черными полосами королевские сарги, похожие на оловянные диски, морские караси, поблескивающие голубыми пятнами на темно-бордовой чешуе, уйма незнакомых большеглазых рыб феерической окраски, ворох прозрачных улиток, ракушек...

Город Тему справедливо называют «рыбацким». В любой хижине, в любом доме или ловят рыбу, или

продают ее. И едят, конечно, все. Здесь и готовят рыбу особо — «по-гански».

В порт возвращаются морские суда. Грохочут лебедки, поднимая ящики с мороженым окунем. Матросы работают в телогрейках, несмотря на тридцатиградусную жару. Поодаль приткнулись к песчаной полосе лодки с подвесными моторами. На широких банановых листьях бьется еще живая рыба, и женщины соскабливают ножами чешую. В сторонке на толстой палке висит закопченный котел с ароматной ухой.

За гаванью начинается базар. Почти у самой дороги лежат опорожненные бамбуковые ловушки для рыбы; плетеные корзины, наполненные доверху скумбрией, ставридой, акулятами, креветками, крабами, выставлены на обозрение покупателей. Во всей красе и разнообразии рыбные богатства тропиков — только смотри, нюхай, щупай, покупай. Немолодая женщина в соломенной шляпе зазывает прохожих купить каких-то черных, с медным отливом рыб, другая разложила на клеенке кровавые куски тунца, третья продает зубастого морского угря и великолепную рыбину-капитана весом примерно в двадцать килограммов. Под пальмовым навесом жарят рыбу, готовят филе, развешивают связки вяленых окуней...

РИО ДОС КАМАРОЕС

Автомагистраль, шумная и оживленная в Дуале, становится спокойной и малолюдной на берегах древней реки Вури.

Дорогу преградило сваленное ураганом тяжелое тропическое дерево, и нам пришлось выйти из «джипа». Подошедший старик африканец показал кратчайшую тропинку к реке.

Сюда, к древней реке Вури, нас привез наш добровольный гид Валерий, представитель советского торгпредства в Камеруне. Он нам рассказал о необыкновенных креветках величиной с мужскую ладонь, которых ловят только здесь, в Вури.

Прожив несколько лет в Камеруне, Валерий узнал многое из истории страны, о ее фауне, флоре. К тому же Валерий обладал редким даром рассказчика, и слушать его было одно удовольствие.

...С незапамятных времен на камерунской земле поселились люди. В просторном музее Дуалы, которая еще полвека назад считалась столицей Камеруна, хранятся каменные орудия, которыми издревле пользовались поселенцы здешних мест. Сохранилось свидетельство, что в V веке до нашей эры эскадра пятидесятивесельных судов, возглавляемая карфагенским вождем Ганноном, заблудившись после бури, очутилась в Гвинейском заливе. Карфагеняне увидели извергавшую массы огненной лавы гору, которую назвали «Колесницей богов». Это и был вулкан Камерун.

Мы плыли морем и любовались четырехкилометровым вулканом, который величественно возвышается над прибрежной долиной. За два дня до нашего приезда здесь лили тропические ливни — настоящие штормовые бури, какие, быть может, встретились на пути карфагенян. Разъяренный ураган разрушает дома, целые селения, вырывает с корнями деревья. Однажды, когда ураган стих, в одной прибрежной деревне, под старым глинобитным сооружением, разрушенным им, камерунцы обнаружили гробницу и разную утварь племени сао — коренных жителей этих мест...

Уже надвигались сумерки, и мы стали прощаться с древней рекой Вури. Вдали мы видели рыбаков, которые ловили креветок. Этот редкостный вид креветок на языке народностей дуала называют «мбеатое».

— Мбеатое — большие любительницы путешествий, — рассказывал нам Валерий уже на обратном пути, — один раз в три-пять лет они врываются сплошным потоком в русло Вури и буквально заполняют его. Так было, вероятно, и в 1472 году, когда сюда зашел корабль португальца Фернао де По. Обнаружив невероятное скопление креветок, моряки окрестили реку «Рио дос Камароес» — «Река креветок». Позже «Камароес» превратилось в более легко произносимое слово «Камерун», которым стали называть поначалу прибрежный район, а затем и всю страну.

В ТИКО

Небольшой причал упирался в берег из сплошного лабиринта корней. Они напоминали густую сеть ограждения перед входом в дикие джунгли. Это было похоже на яркое красочное полотно, где на фоне различных зе-

леных оттеиков проступали мазкн — бледио-снреиевые, лимониые, пурпуриые. С трех сторон иас окружали джунгли, и только прямо, в сотне шагов от причала, за веерными пальмами н манговымн деревьями с золотымн полумесяцами плодов скрывалась единствеииая дорога — узкоколейка.

До ближайшего селеиия Тико в три часа дня отправлялся зеленый вагончик. Мы пришли чуть раньше и заиялн места позади машиниста иа скамейке красиого дерева. Машиннст перевел стрелку, и вагончик, звоико просигналнв, покатнл по узкоколейке.

За поворотом вагоичик иырнул в джуигли. Он бежал по прорубленному зелеиому корндору. Но вот машинист сбавил ход, н взору представнлась типичиая картнна из повседиевной африкаиской жизни. Почти у самых рельсов молодой пареиь долбнл каиоэ из иеобыкиовенно толстого ствола дерева. Вытерев пот с лица, ои улыбиулся зиакомому машиинсту и сиова прииялся за работу. У крайией хижнны женщиив чистила баиаиы, у ее иог резвились дети. Меж висевшнх сетей разгулнвали козы и черные поросята. Промелькнула полоска залива с каиоэ и одииоким рыбаком.

Юркнй вагоичик, выйдя из-за поворота, резко затормозил у малеиькой станцин с красиой крышей.

— Тико! — объявил машиинст.

От стаицин веером расходились горбатые улицы с побелеиными хижинамн, крышн которых, сделаииые из пальмового волокиа, походилн на капюшоны.

Солице давило иа иаши плечи как раскалеииая свиицовая плнта. Сорок градусов в теии. В такую жару даже иебо почти белое, будто выгоревшее от палящего зноя. Люди прячутся от зиоя под деревьями у оврага, где тоикими змейками ползут коричиево-зеленые ручейкн. Под густой листвой сидели полукругом женщиины.

Появнлась молодая женщиив с подиосом иа голове. Лицо у нее под тонким слоем пудры, в носу серьга, иа щиколотках — браслеты. Оиа принесла еду: вяленую рыбу, печеиый сладкнй картофель — батат, прохладиое кокосовое молоко. Жеищнны молча приступили к трапезе, ие нарушая покоя младеицев, которые сладко дремали у них за спиианми.

Чуть поодаль трудился молодой резчик, вырезая из дерева фигурку юиой иегрнтяики. Он иаиосил уже

последние штрихи, когда заметил подошедшую с подносом молодую женщину. Чувствовалось, что он ждал ее давно, и поэтому тотчас, вытирая на ходу руки, заспешил навстречу.

Жара спала, и сразу все оживилось. Озорные мальчишки погнали на водопой зебу — горбатых африканских коров с острыми, вытянутыми в дугу рогами. В воздухе парили бананоеды — большие зеленые птицы с лопатообразными хвостами и изогнутыми хохолками. Старики же приступили к своему излюбленному занятию — плетению высоких корзин из тростника, который в изобилии растет в окрестностях Тико.

По немного остывшей дороге двигались гуськом старики, женщины, ребятишки. Они в кувшинах несли воду на головах. Все вокруг зашевелилось, задвигалось. Каждый был занят своим делом: кто нес связку хвороста, кто грозди бананов, кто спешил на рынок.

Замелькали лотки мелких торговцев, и загудел, как улей, пестрый базар, напоминающий восточный, где больше предлагают, нежели покупают. Африканцы под черными зонтиками расположились у корзин, доверху наполненных оранжевыми апельсинами, бледно-зелеными огурцами, ананасами, лимонами и еще какими-то неведомыми тропическими плодами. Здесь продавались ритуальные маски из красного и черного дерева, массивные бивни слонов с искусной резьбой, дешевые медные кольца, лакированные медно-охристые сундуки, пластмассовые бидоны, журналы мод с новейшими фасонами, японские приемники, магнитофоны, кинокамеры...

К селению Тико, где живет чуть больше десяти тысяч человек, проложена добротная асфальтовая дорога. Недалеко от дороги, под сейбом, столпились африканцы, слушая рижский ВЭФ-204. Я поинтересовался, как работает транзистор. Камерунцы заулыбались и хором ответили:

— Прима!

ЖЕМБА С «ПУПА ЗЕМЛИ»

Портной работал на перекрестке двух оживленных улиц Дуалы. Картонный тент защищал его от жгучих лучей солнца, и он, склонившись над ручной швейной машиной, старательно шил мужские тенниски. Уже го-

товые висели на железных прутьях слева и справа от него, напоминая цветные флаги.

Уличный портной так увлекся своим делом, что, казалось, вокруг никого не замечал. Но стоило мне задержаться у его убогой мастерской, как он мгновенно вытянулся с заискивающим выражением лица.

— Пардон, мосье.

Он снял тенниску, которую я рассматривал и стал ее демонстрировать. Она была сшита из ткани, покрытой легким сетчатым рисунком на зеленом фоне, где по центру был нарисован футбольный кубок с контурами Африканского континента.

— Специальная партия к восьмому футбольному чемпионату Африки, — с гордостью пояснил портной и, обнажая ряд белых зубов, добавил: — Чемпионат будет проходить в Яунде...

На шее портного змейкой блеснула ленточка метра.

Он виртуозно измерил меня вдоль и поперек. Моментально сделал выкройку, и... застрочила его швейная машина.

Я расположился на низком стульчике из полосок шкуры питона и отчетливо видел каждое движение рук портного. Его крупные, развитые кисти с длинными сильными пальцами, как у музыканта, исполняли несложные, но быстрые и четкие движения. Постепенно в руках мастера кусок материи обретал задуманную форму.

Закончив шить, портной вложил мою обновку в бумажный пакет, на котором размашисто написал по-английски: «Жемба из Нгаундере». Вручая пакет, он напыщенно и важно напомнил о себе: «Жемба из Нгаундере».

Так мы познакомились. Жемба немного объяснялся по-английски. Он рассказал мне, что Нгаундере — древний город в Камеруне, окруженный тысячеметровой каменной грядой. На местном языке «Нгаундере» означает «каменный пупок». И камерунцы, родившиеся в Нгаундере, называют себя людьми с «пупа Земли».

Новый знакомый с гордостью сообщил мне об этом. Рассказывая, Жемба преобразился. В нем уже невозможно было узнать того самого портного, который еще полчаса назад ловко строчил на машинке. Он говорил о средневековом городе, о богатом дворце всемогущего ламидо, о его конной страже. Сам Жемба ни разу не побывал в роскошном дворце. Много лет он прожил на ок-

ранне старого города в низкой хижине, слепленной из утрамбованной земли. Бедный из бедных, Жемба, гонимый нуждой и лишениями, покинул родные места. Он добрался до шумной Дуалы. Здесь, в крупнейшем морском порту Западной Африки и самом населенном городе страны, уличным портным мог работать каждый, кто имел хотя бы крохотный кусочек земли и швейную машинку. Ее Жемба привез из Нгаундере, а место на улице Дуалы ему уступил один чудак. Он же посоветовал Жембе пойти на эту маленькую рекламную хитрость.

Трудно сказать, сыграла ли какую-нибудь роль в его швейных делах размашистая надпись на пакете. Скорее всего нет. Мало кто, в особенности из приезжих, знал, что «Нгаундере» переводится как «каменный пупок». В ее магический смысл, вероятно, больше всех веровал сам Жемба. Но ему-то всегда казалось, что покупали у него товар, потому что он «Жемба из Нгаундере», то есть человек с «пупа Земли».

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ

И снова Африка, с мощными тропическими деревьями, неприступными, как древние крепости. Жаркая Африка, с воздушными мостами из лиан, похожими на толстый кабель, где порой в тени ртутный столбик термометра переваливает за сороковую отметку по Цельсию. Африка с безжалостной мимозой[?], растопырившей острые, как иглы, пальцы-крючки; с жесткой и вяжущей сердцевиной плодов манго, с зарослями густой четырехметровой травы, скрывающей даже стадо слонов, и цветами невиданной раскраски... И на фоне этой экзотики совсем не экзотическая картина жизни простого люда.

...В порту Абиджан я приметил худощавого докера с болезненным лицом. Он находился на нашей палубе, позади трюма. Его лоб покрылся каплями пота, и он, подняв покрасневшие глаза, собирался уйти, но я задержал его. Со мной был помощник капитана, говоривший по-французски. Он спросил у докера:

— Вам плохо?

—Нет, — машинально ответил тот, но, заметив на мне белый халат, решил сказать правду: — Меня лихорадит, доктор, ноет спина.

Мы помогли больному дойти до судовой амбулато-

рии, где я осмотрел его и дал лекарство. На спине я заметил грубые шрамы. Когда Мванги — так звали докера — стало легче, он поведал нам свою историю.

Крепкий, здоровый Мванги трудился на плантации Аби. Условия были адские. По колено в грязи, вечно опухшая от укусов комаров кожа. Однажды он прекратил работу раньше срока, за что его швырнули в карцер. Когда Мванги попытался протестовать, перед ним выросла долговязая фигура охранника с бичом. Плетка из гиппопотамовой кожи жгла сильнее огня. От побоев Мванги потерял сознание. Потом его еще неделю продержали в сыром карцере. Выпустили лишь потому, что на плантации не хватало рабочих рук. На спине от жестоких ударов появились язвы, которые почти год гноились. Позже он подхватил тропическую лихорадку и работать на плантации больше не мог. Друзья Мванги — докеры — помогли ему устроиться в порту. На свежем морском воздухе трудиться было легче, но силы были уже не те. А когда начинался приступ лихорадки и Мванги становилось совсем невмоготу, он прятался где-нибудь на пароходе от зорких глаз надсмотрщиков.

...Берег Слоновой Кости. В XV веке лиссабонский купец Фернандо Гомиш дал стране такое название, потому что здесь в изобилии водились слоны. Смекалистый делец повел торговлю с местным населением, выменивал у них слоновую кость на джин, гвозди, стеклянные бусы и другие безделушки. Слоновая кость сделала Гомиша богатым.

Толпы искателей наживы устремились в здешние места. Ведь африканские слоны отличаются от индийских более крупными размерами бивней, и их кость ценится выше. Вооруженные охотники подкарауливали слонов у водоемов или в часы кормежки в зарослях мимозы. Листья этого дерева — любимое слоновье лакомство. Варварское истребление животных привело к почти полному их исчезновению. Сейчас отстрел слонов запрещен.

С севера лагуны Эбрие подковой смотрится полуостров Абиджан, на котором вырос того же названия красивейший в Африке город. Центр его — Плато, поднявшееся над припортовыми низинами. На Плато поселились европейцы и местная зажиточная верхушка. Здесь современные белокаменные здания с кондиционированным воздухом, бассейны с легкими вышками. Ве-

чером неоновая реклама зазывает имеющих деньги в рестораны и бары, где подаются деликатесы и напитки, доставленные самолетом из «прекрасной Франции» — это название осталось еще с колониальных времен.

От порта кружным путем идет ухабистая дорога в Аджаме — район бедноты. Тесно жмутся друг к другу лачуги, слепленные из травы и глины. Все здесь уныло и безрадостно. Гибнут редкие деревья, чьи корни иссохли без живительной влаги. В пыли, прямо на проезжей части дороги, играют дети. У покосившейся хижины шепчутся пожилые африканцы. Печали и тяготы оставили неизгладимые борозды на их лицах. Задумавшись о своей нелегкой жизни, сидят, понурясь, старики.

С наступлением темноты Аджаме как бы вымирает. Освещения никакого: ни электрического, ни керосинового. Чуть свет за водой тянутся дети и женщины с колебасами — сосудами, сделанными из тыкв. Выстраивается длинная очередь у водопроводной колонки — единственной на весь квартал. Люди берут воду из грязной речонки и, конечно, поголовно болеют.

Буржуазная пресса нередко пишет о Береге Слоновой Кости как о стране «экономического чуда» и приводит цифры, которые подтверждают эти восторги. И вроде правда: за десять лет валовой национальный продукт почти удвоился, а средний доход на душу населения превысил 200 долларов в год. Средний доход — это, с одной стороны, Плато, а с другой — Аджаме, с одной — бассейны с проточной водой, а с другой — единственная колонка на весь квартал... Более трети национального дохода оседает в карманах европейских бизнесменов.

Берег Слоновой Кости богат ценнейшими породами деревьев: черного, розового, красного. Особенно много красного дерева сорта акажу, идущего на изготовление дорогостоящей мебели. Именно акажу вывозит отсюда «король дерева» — богатый лесопромышленник Готье, получивший в концессию 210 тысяч гектаров леса в районе Сасандры...

На каждом перекрестке Абиджана вас преследуют четыре рекламные буквы — КФАО. Так сокращенно называется крупнейшая французская компания «Компани франсез дел, Африк Оксиданталь», за спиной которой

стоят финансовые тузы Марселя, директора парижских банков. КФАО — спрут, распустивший щупальца по всей стране и наживающий миллионные барыши.

Берег Слоновой Кости — аграрная страна: восемьдесят процентов ее населения занимается сельским хозяйством. Но львиная доля доходов от урожая какао-бобов, ананасов, бананов принадлежит плантаторам. Крестьяне же еле сводят концы с концами. Они бегут в столицу в надежде получить хоть какую-нибудь поденную работу.

Так я своими глазами увидел «фасад» и «изнанку» плодороднейшего западного африканского края — Республику Берег Слоновой Кости.

ХИРОСИМСКИЕ АКВАРЕЛИ

ЦВЕТОК САКУРЫ

Каждая история имеет свое начало. Эта тоже. Я ее услышал... Не буду забегать вперед, расскажу все по порядку.

В тот вечер мы были в громадном вокзале в Осаке. Этот город — второй по величине после Токио, крупнейший узел путей сообщения.

Вокзал шумел. По узким проходам пассажиры выходили на тесные прямоугольные перроны. Мелькали разные лица. Высокий американец вел на цепочке мордастого бульдога. Старый японец нес два массивных чемодана. О чем-то шумно говорили индусы в длинных белых одеждах. Школьницы в разноцветных кимоно с узелками-фуросики, в которых были книжки и тетрадки, бежали к стоящей у платформы электричке.

Подошел экспресс. Он идет из Токио через Осаку, Хиросиму и дальше на запад — на сотни миль по самому большому в Японии острову Хонсю. Из вагона выглянул невысокого роста проводник и сказал:

— Чётто маттэ кудасай.

— Подождите минуточку, — перевел японец, сопровождавший в этой поездке нас, группу советских моряков.

Проводник скрылся и вскоре появился снова. Широко улыбаясь, он пригласил:

— Пойдемте, пожалуйста.

Экспресс был переполнен. Но энергичные контролеры, узнав, что идут русские, сумели отыскать свободные места в вагоне первого класса. Сняв туфли и положив ноги на откидную бархатную подставку, мы удобно разместились в мягких креслах. Рядом спали японцы, прикрывшись газетами. Я обратил внимание на девушку в темном строгом костюме. Она читала. Вдруг вагон резко качнуло, и книга упала с колен. Я поднял.

— Спасибо, — мило улыбнувшись, сказала девушка по-русски.

— Вы знаете русский язык?

— Немножко.

Так я познакомился с Акико. Искренняя и простодушная, она рассказала, что ее отец умер в Хиросиме от лучевой болезни. Девушка раскрыла небольшую сумочку и бережно вынула из шелкового платка засохший цветок.

— Смотрите, это цветок сакуры. — Девушка осторожно, кончиками пальцев дотронулась до него. — Его подарил мне отец перед смертью...

Я уже знал, что цветок вишни-сакуры у японцев — символ мужественной души.

Акико неторопливо рассказывала о себе. Время летело незаметно, и вот мы услышали громкий голос проводника:

— Хиросима.

Девушка встала. Только тут я заметил, что ее левая рука короче правой. Она поправила серебристые паутинки на висках:

— Я ездила в Токио за новым лекарством. В хиросимском госпитале лежит моя мать. У нее выпали волосы на голове, выпали брови, пропал аппетит и уже нет сил подняться с постели...

Пусть не удивляет читателя столь неожиданное начало «хиросимских акварелей». Оно не придумано. Так было!

«ПИКАДОНА»

Хиросима. Много сказано о ней, много написано. Первое впечатление — большой современный город. Проезжаем центральные кварталы с белыми фасадами многоэтажных зданий, с широкими проспектами, где разбиты аккуратные цветники меж стройных пальм и

тихо покачивающихся ив. Машина сворачивает к высокому железобетонному мосту, перекинутому через один из шести рукавов реки Ота. Наш переводчик, пожилой скуластый японец, говорит:

— После «пикадона» по реке плыли мертвые тела...

Атомный взрыв переводится на японский одним словом: «пикадона». Японцы жили много веков, не зная этого слова. Оно родилось мгновенно, в восемь часов пятнадцать минут шестого августа 1945 года, и с быстротой молнии облетело всю страну. Оно будет передаваться из поколения в поколение, ибо нельзя забыть Тот День, а значит, и «пикадона» — страшное слово ужаса, жестокости, несчастий...

Пригород Эба. Узенькие улочки, куда ни глянь, всюду лавчонки, где торгуют рыбой, овощами, бумажными фонариками, миниатюрными игрушками. Тарахтят двухколесные телеги, груженные устрицами, цветной капустой, сушеными каракатицами. Возчики в шляпах из рисовой соломки. Чумазые мальчишки играют вдоль дороги.

А вот хижины на берегу реки — из дерева и бумаги. Переводчик поясняет:

— Их выстроили после «пикадона». Обещали снести через год-другой. Но, как видите, не снесли. До сих пор не хватает жилых домов...

Позже, спустя несколько дней, когда мы жили в отеле «Эба хаус», переводчик Суговара-сан познакомил меня со служителем отеля по имени Тосихико. Я узнал историю одного из многих жителей Хиросимы.

...В то утро совсем юный Тосихико отправился на рыбалку. На узкой лодчонке он спустился вниз по течению реки Ота. До него донеслось гудение самолета. Тосихико поглядел на небо. Багровый шар солнца слепил глаза. Он натянул на лоб плоскую с широкими полями шляпу и стал пристальней всматриваться в небесную синеву. Гул нарастал, но самолета не было видно. Наверное, он шел на большой высоте.

Тосихико хотел сменить наживку на крючке, но в это мгновение яркая молния ослепила его. Последовал оглушительный гром, и поднялся невероятной силы ураган. Река превратилась в каскады водяной пыли, которые перевернули лодку и вышвырнули Тосихико на берег. С трудом поднялся он на ноги. Широко раскрытыми от ужаса глазами Тосихико смотрел на вырванные с кор-

нем вековые деревья. Он поднял попавшуюся под руку бамбуковую палку и, опираясь на нее, побрел в пригород Эба.

Пригорода не было. Были трупы, лужи крови, пепел, развалины. Стонали и кричали калеки, в которых еще были признаки жизни. Они разводили руками в надежде, что кто-то подойдет к ним и окажет помощь. Но кругом были только мертвые или умирающие...

Каким-то чудом к вечеру Тосихико отыскал сестру Отакэ. Она лежала на почерневшей простыне, вдали от разрушенного дома. Сквозь порванную одежду виднелись ожоги — лиловые пятна на шее, руках, груди. Отакэ тихо стонала. Она была жива.

Ее поместили в госпиталь. Сестра долго болела. У нее выпали на голове волосы, но она все-таки выжила. Правая рука изуродована огромным атомным рубцом-келоидом.

Я всматриваюсь в старческое лицо Тосихико. Глубокие морщины, потухшие, словно присыпанные пеплом, глаза, редкие седые волосы на голове. А ведь Тосихико чуть больше сорока...

Так своими глазами я увидел реальные «приметы» «пикадона».

САЁНАРА, ТОРА!

Его звали Тора, что значит «тигр». Но во всем его облике было что-то нежное, доброе. И говорил он тихо, с мягкими певучими нотками.

Ему было за пятьдесят. В щетине коротко остриженных волос проступала седина, но ходил он прямо, и только бледное лицо, похожее на выскобленное дерево с тонкими прожилками, выдавало в нем больного человека. Но о болезни он никогда не говорил. Он говорил о цветах. Они были его страстью, его жизнью.

Все началось с вьюнка. Его посадили в отравленную почву Хиросимы на перекрестке двух улиц. Однажды солнечным утром среди развалин и черной пыли гибкий вьюнок распустился. Паломники, как в Мекку, шли посмотреть на яркий благоухающий цветок, выросший из пепла. Его назвали «асагао» — «утренний лик».

Мертвая пустыня улиц и живой цветок. Люди плакали и улыбались, увидев «лик утра». «Значит, не все умерло...» — лихорадочно подумал Тора. Он прибежал

домой. Он нашел во дворе маленький росток. В подвале каким-то чудом сохранился круглый темно-зеленый лист лотоса, и Тора бережно обернул им находку. Днями и ночами в этом горшочке он выхаживал слабый зеленый росток хризантемы. К весне единственная веточка окрепла, налилась соком, и появились игольчатые лепестки. Когда наступил праздник, праздник изящества и нежности, то первый цветок хризантемы Тора подарил самой веселой девочке квартала Миё.

Хризантемы Тора любил. У него была заветная мечта вырастить цветы колоритные: белые с золотой сердцевиной, медно-бронзовые и кроваво-красные. Он еще не знал всех секретов, но где-то в глубине души верил, что придет день, когда на его аккуратной, прямоугольной делянке зацветут красные хризантемы. Он изучал многовековой опыт садоводов, выдерживал молодые ростки в кадках, где лучше сохранялась влага, и наконец к приходу осени появились его новые питомцы — красные хризантемы с крупными бутонами.

Было солнечное воскресенье. У братской могилы погибших сгорбленная женщина упала на колени. Ее волосы напоминали пепел, тот самый пепел, которым покрывалась после взрыва земля. Держась за блестящий посох, молился старый жрец. В сторонке, у гранитных полочек с приношениями, стоял Тора. Может быть, его никто бы не заметил, но когда он положил к подножию пригорка яркую хризантему цвета крови, то молящиеся невольно обернулись. Не сказав ни слова, он ушел.

Тора, как большинство хиросимцев, умел скрывать свои чувства. Соседи по кварталу, где жил Тора, знали, что он вывел чудесные красные хризантемы, которые никогда не продавал, а относил к памятнику. Знали, что на плите памятника в списке умерших начертано имя матери Тора. Но никто никогда не вспоминал «атомный день», чтобы не ранить чуткую душу Тора. И японец, познакомивший меня с Тора, просил беседовать только о цветах.

Мы сидели на стеклянной веранде, и Тора, не умолкая, рассказывал о цветах. Он был влюблен в цветы, как бывает влюблен художник в свою задуманную, но еще не дописанную картину. Он взял три блеклых цветка и поставил в яркую вазу. Невзрачные лепестки ожили, появилась какая-то естественная красота с мерцанием нежных оттенков. Затем он показал лето... В плос-

Камерун. Резчик по дереву.

Советский корабль в одном из портов Южной Америки.

Остров Ямайка.

Буэнос-Айрес. Гвардейцы.

В штате Южная Каролина.

Солнца почти не видно из-за небоскребов и выхлопных газов.

Американский призывной пункт.

Малайзия.

Базар в Камеруне.

Тико (Камерун). Мальчик с бананами.

Гана. На таких пирогах плавали многие поколения ганцев.

Южно-американские кактусы.

Аргентина. Плавучая деревня.

Советский корабль у берегов Кюрасао.

Ганский пейзаж.

Коста-Рика. Сборщик кофе.

Хиросима. Памятник жертвам атомной бомбы.

Стоянка рикш в Малайзии.

кую темную вазу поставил фиолетовые ирисы, белые калы, листья камыша. Узловатыми короткими пальцами он согнул несколько листьев и пояснил, что летом часто бывают сильные ветры — тайфуны и изогнутые листья напоминают об этих суровых явлениях природы.

От переводчика я услышал японское выражение «саби-ваби» — «красота простоты» и подумал, что оно как нельзя лучше подходит к Тора. Он, словно уловив мои мысли, начал говорить о красоте старых замшелых камней, тишине заросших прудов, засохших плодах, птичьих перьях. Он наслаждался лилиями, розами, камелиями — цветами торжественными, светлых тонов. Цветы передавали его чувства, переживания. Пожалуй, меньше всего он рассказывал о красных хризантемах. Это было его самое дорогое и самое святое чувство.

...К калитке вела аккуратная дорожка, с обеих сторон обсаженная живой изгородью из красных кустов. Золотистый свет едва пробивался сквозь их густую листву, пламенем играя на крупных бутонах. Тора протянул теплую шершавую ладонь и сказал:

— Саёнара — до свидания.

Я ответил по-японски:

— Саёнара, Тора!

ХИРОСИМСКИЕ АКВАРЕЛИ

Дул свежий ветер. Чуть слышно шелестели сосновые и бамбуковые ветви. Они украшали ажурные ворота дома, в который я попал по воле случая. Сбоку от парадного входа на натянутой веревке покачивались полоски нарезанной белой бумаги.

Я и мой неизменный спутник по Хиросиме, переводчик Суговара-сан сняли туфли и по тростниковому мату — татами прошли внутрь дома. Первое, что мне бросилось в глаза, — акварели на стене. Через раздвижные окна на них падали лучи солнца. Это были обычные японские пейзажи: сосны в тревожно-красном зареве, синеватые островки, выступающие из воды, священная гора Фудзи. В маленьком алькове стояли со вкусом подобранные цветы. Казалось, лето не уходило из этого дома.

А в действительности заканчивался «омисока» — последний день года. В этот день все посылали поздравительные открытки и письма. Встретивший нас хозяин дома, щуплый, совсем седой старичок Охаси-сан, тоже

написал новогоднее пожелание своему товарищу. Письмо заканчивалось утешительными словами: «Терпи, брат!» Охаси-сан бережно перевязал письмо белой лентой и что-то сказал моему спутнику.

— Завтра он отнесет поздравление своему другу в госпиталь, — перевел Суговара-сан. — Врачи говорят, что друг тяжело болен, а старик не верит.

Суговара-сан переводил слова старика тихо, чтобы не мешать ему, а Охаси-сан тем временем показал на стену и хриплым голосом продолжал:

— Он писал солнечные акварели. Чудесные акварели жизни. Более тридцати лет прошло с «атомного дня». Не может...

Старик не договорил. Он тяжело закашлялся, все его тело задрожало. Отдышавшись, Охаси-сан сощурил и без того узкие глаза и с надеждой произнес:

— Если он увидит ночью первого января сокола или гору Фудзи, он выздоровеет.

Глаза старика оживились. Он достал новогодние кушанья. Угостил нас рыбками «кохада», мелко нашинкованной белой редькой с морковью в маринаде. Мы выпили немножко сакэ за здоровье его товарища-художника, и Охаси-сан проводил нас в отель, где уже накрывали праздничный стол.

Я встречал Новый год на Кубе, в Соединенных Штатах Америки, в Африке, в разных странах Европы. Каждая встреча была интересна, по-своему незабываема. Но тут, в Японии, меня поразила особенная новогодняя торжественность. Она чувствовалась в убранстве домов, и в нарядных кимоно женщин, и в прекрасной церемонии поздравлений с бесконечными поклонами и добрыми пожеланиями. Не зря говорят, что японцы самый вежливый народ.

И вот часы пробили двенадцать. Мы сидели в зале. На какое-то мгновение в новогодней шумной компании наступила тишина.

— Тс-с! — сказал мой сосед-японец и приложил руку к уху. Из далекого храма донесся последний — сто восьмой! — удар колокола. Он известил, что старый год ушел и начался новый. Суговара-сан, другой мой сосед, привстал и с низким традиционным поклоном произнес:

— Поздравляю с Новым годом!..

Мы подняли бокалы.

Наступило общее веселье. Сидевший невдалеке от

нас молодой японец стал тихо напевать «Подмосковные вечера». К нему присоединились другие. Песня зазвучала по-японски и по-русски. Кто-то растянул баян, и трое девушек в цветных кимоно поплыли в красивом танце.

Время летело незаметно. Мы распахнули дверь, прохладный бодрящий воздух ударил в лицо. Я вышел на улицу. Светало. Тихо хлопали двери. Люди спешили на окраину Хиросимы, к остроконечному холму, чтобы оттуда приветствовать восход солнца.

...Это было седьмого января. Завершилась японская новогодняя неделя. С ворот снимали праздничные украшения. У дома Охаси-сан по-прежнему шелестели сосновые ветки. Сугавара-сан предложил зайти к старику. В углу, сжавшись, одиноко сидел Охаси-сан. Его глаза словно застыли на солнечных акварелях. Старик дрожащими губами шептал:

— Он умер... умер... вчера.

НА УЛИЦЕ НАКАМОТИ

Улица Накамоти ничем не примечательная хиросимская улица. Без респектабельных многоэтажных зданий, без шумных увеселительных заведений. По обе стороны — ряды домов с загнутыми крышами. Между ними серая полоса дороги, по которой изредка проезжают велосипедисты. Здесь мало бывает прохожих и еще меньше покупателей.

На углу, около зеркальной витрины, толпятся девочки с аккуратными ранцами за плечами. Расширенными от удивления глазами школьницы смотрят на забавные миниатюрные фигурки, наряженные в старинные театральные костюмы — коротенькое кимоно с широкими рукавами, длинные, в складку, шаровары, вычурные плащи и накидки. Бутафорские мальчики, оседлав серебристую ракету, крутятся в витрине по кругу. Ярко горят их красные нейлоновые накидки. Школьницы смеются, хлопают в ладоши. Но вот с противоположной стороны улицы раздается певучий звонок колокольчика, и девочки стайкой вбегают в подъезд невысокого здания школы.

Средняя школа на улице Накамоти — обычная школа. В ее коридорах, так же как у нас, звонкие голоса и веселый смех ребят. Бегают наперегонки девочки. Одна из них споткнулась, но не упала и быстро скры-

лась за дверью класса. Я успел заметить ее лукавое лицо.

Переводчик знакомит меня с учителем, который жестом предлагает пройти в класс. Я уже знаю, что это за класс, и с нетерпением жду рассказа учителя.

— Вот за этой партой сидела Садако Сасаки, — начинает он, показывает парту и большую любительскую фотографию на стене: счастливая девочка с распущенными волосами на гоночном велосипеде разрывает финишную ленту.

Садако Сасаки. Весь мир знает об этой школьнице. Она была отличной спортсменкой. Но заболела. Кто-то сказал ей, что надо вырезать из бумаги тысячу журавликов, и тогда болезнь отступит. С утра до позднего вечера девочка вырезала маленьких птичек — пуру. Но чуда не случилось. Когда появился шестьсот сорок третий бумажный журавлик, она умерла. Тогда все школьники с улицы Накамоти, где училась Садако, поклялись всегда помнить о Садако Сасаки и вырезать журавликов в память о ней.

Кончаются уроки. Мы стоим на улице Накамоти. Из школы выходят ребята. Бережно, очень бережно несут они перед собой красных, зеленых, белых, голубых журавликов. Среди стайки бумажных птиц на тонких бамбуковых палочках трепещут флажки, на которых крупными иероглифами выведено слово «хэйва» — «мир». Ко мне приближается девочка. У нее такое же, как у Садако, открытое лицо с покатым лбом и густые, с изгибом, черные брови. В корзине из ивовых прутьев, похожие на розу, цветки хаманаси с алыми лепестками. Говорят, Садако, которой в день атомного взрыва было всего четыре года, больше всех остальных запомнила красный цвет — цвет огненной бури в Хиросиме.

Сегодняшняя детская манифестация не случайна. Сегодня день памяти Садако Сасаки. К ребятам присоединились взрослые. Впереди успевшей образоваться колонны, опираясь на костыль, идет пожилой мужчина. Рядом с ним шагает еще один. Высоко над головой он держит квадратный щит с надписью: «Долой атомную бомбу!» На перекрестке в колонну вливаются студенты. В руках у них плакаты: «Долой войну!»

Твердой поступью, локоть к локтю, шагают взрослые и дети. И как знамена колышутся на ветру гирлянды, связанные из легких бумажных журавликов.

Как-то на окраине Хиросимы переводчик предложил мне зайти в рыбную лавку. В глубине ее пахло морскими водорослями и рыбой. На чистом покатом прилавке были разложены куски отборного темно-красного тунца, длинные японские устрицы, неприятные на вид осьминоги. Деревянные бадьи наполнены разнообразной рыбой, моллюсками, раками, омарами. Сидя за низким сосновым столиком, хозяин лавки, маленький, неопределенного возраста, ловкими движениями раскрывал створки свежевыловленных раковин. Увидев нас, он начал любезно предлагать морские деликатесы. Мы выбрали две устрицы и несколько кусочков тунца, который в Японии считается большим лакомством. Хозяин тщательно завернул покупку в сушеные морские водоросли, с поклоном протянул нам.

Мы уже собрались уходить, когда к лавке подъехал зеленый автобус. Прихрамывая, японец сбросил на ходу резиновый фартук и стал быстро подниматься по лестнице, ведущей в жилое помещение.

Мы вышли из лавки. Зеленая машина показалась нам необычной. Женщина в зеленой пилотке, сидевшая за рулем, нажала кнопку гудка.

Владелец лавки появился не сразу. Внешне он был спокоен.

— Где твоя сестра? — спросила женщина, не выходя из машины.

— Сестра? — переспросил торговец рыбой с деланным недоумением. — Уехала. Еще вчера.

— Куда?

— Не знаю.

— Мы ее предупреждали, чтобы сидела дома. Понимаешь, дома!

Торговец рыбой молчал. Только черты его лица стали резче, скулы заострились. Женщина в зеленой пилотке резко хлопнула дверцей, и автобус рванулся с места.

В эту минуту из лавки донесся слабый женский голос.

— Юмиэ! — вырвалось из груди человека, и он быстро скрылся за дверью.

Став невольными свидетелями неожиданной сцены, мы почувствовали, что за всем этим кроется какая-то

драма. И действительно, вернувшись в лавку, мы услыхали горькую исповедь одной из жертв хиросимской трагедии.

...В тот день он поехал к рыбакам за товаром. И, уже находясь в нескольких километрах от своего города, вдруг услышал, как позади с невероятным грохотом содрогнулась земля. Обратно он мчался. Город пылал. Он отыскал свой дом и вытащил из развалин потерявшую сознание сестру Юмиэ. Вместе они искали спасения у реки. С неба падали железные обломки. Один из них сильно повредил ему бедро. Позже ногу отрезали и поставили протез.

А когда выписывался из больницы, получил в подарок от врача талисман — «дарума» — изящную, покрытую красным лаком куклу, нечто вроде нашего ваньки-встаньки. О «дарума» в Японии существует поговорка: «Даже если ты упадешь семь раз, то и на восьмой поднимешься». И он поднялся. Вместе с Юмиэ он продал все, что у них было, влез в долги и на маленькой улочке открыл рыбную лавку. Брату и сестре повезло — они не заболели, как многие другие.

Но однажды, когда на голых ветвях вишни-сакуры появились цветы, сестре выдали новенькую регистрационную книжку. Четким почерком в ней было написано, что Юмиэ при взрыве атомной бомбы в Хиросиме находилась в опасной четырехкилометровой радиоактивной зоне и теперь будет взята под контроль медиков. Потом к их лавке подкатил зеленый автобус. Юмиэ увезли для обследования в американскую лабораторию «Эй-би-си-си». Весь день ее, будто подопытного кролика, исследовали, проверяли, кололи. Домой она вернулась обессилевшая и уставшая. Со временем Юмиэ почувствовала, что атомное облучение не прошло бесследно и страшная болезнь исподволь подтачивает ее организм.

Стоя у прилавка, мы с переводчиком слушали этот рассказ.

— Посмотрите, — вдруг прервал себя торговец рыбой и достал из ящика портрет в серебряной рамке. — Такой была моя сестра Юмиэ.

Она действительно была очень красива, эта юная японка с изысканной прической «фудзи», устремившая радостные глаза на молодого человека в форме солдата японской армии.

— Здесь Юмиэ сфотографирована с женихом, который так и не стал ее мужем. Он погиб при взрыве... Я не могу допустить, чтобы мою Юмиэ снова увез зеленый автобус. Ведь сестра уже на пороге смерти...

ЗАПИСЫВАТЬ И ФОТОГРАФИРОВАТЬ ЗАПРЕЩЕНО!

Три недели я дожидался разрешения посетить ABCC — «Эй-би-си-си» — американский исследовательский институт-лабораторию на холме Хидзи-яма. Наконец в отеле раздался телефонный звонок:

— Сегодня поедете в ABCC...

Небольшая пауза, а потом категоричное:

— Только никаких магнитофонов, блокнотов, фотоаппаратов!

Ровно в два часа к отелю, где я жил, подкатил черный «шевроле» с двумя японскими переводчиками. Шофер дал газ, и мы поехали.

Живописный холм Хидзи-яма. Когда-то здесь находилась резиденция императора Мэйдзи. В красивом парке на холме японцы любили проводить свои национальные праздиества. На южном склоне — тихое старое кладбище. Квадратный клочок земли. Он считался священным. Мэр Хиросимы настойчиво просил американцев выбрать другое место для строительства ABCC, но они поставили на своем.

«Шевроле» тяжело одолевает крутой подъем. Отвесные склоны огорожены толстыми трубами с массивными столбами. Дорога, выложенная серыми бетонными плитами, переходит в асфальт. «Шевроле» тормозит у полукруглой площадки с резной аркой и плоскими скамейками по сторонам. Мы выходим из машины. Туристы с крошечного пятачка любуются «самым современным городом Японии».

О Хиросиме написано много книг. Сняты фильмы. Я читал эти книги, смотрел фильмы. И все-таки это надо видеть собственными глазами. Переводчик показал плакучую иву. Она устояла против напора воздушной волны. Дерево болело. Его ствол покрылся черными наростами. В марте, когда дули теплые ветры с юга, тоненькие веточки одевались нежными листьями. Гибкая плакучая ива оживала.

— До катастрофы вид Хиросимы определяли кривые узенькие улочки, маленькие домишки с садика-

ми, — рассказывает мне переводчик. — Ныне города не узнать. Вы видите дымящиеся трубы заводов, большие железобетоиные мосты, поднявшиеся к облакам здаиия. Как и полагается иовому городу, улицы стали шире, дома красивее. Около ста тысяч домов! На каждого жителя Хиросимы приходится в пять раз больше земли и пространства площадей, чем в Токио. Семьсот такси едва успевают перевозить пассажиров. Появились бейсбольиые стадионы, открыто более пятидесяти кииотеатров. Построены иовые больницы и детские клубы...

Мы снова садимся в «шевроле». Еще метров пятьсот пути, крутой поворот, и перед нами главный корпус ABCC.

Следуя за переводчиком, я вхожу в просторный холл. Невысокие потолки, прямоугольные окна, разиоцветные стены. На гладких столиках — японские и английские журналы, плоские пепельницы. Хоть это и медицинское учреждение, здесь нет привычного запаха лекарств. В приемной — ии одного пациента, лишь обслуживающий персонал. У всех очень деловой вид. Женщииа средних лет перебирает картотеку. Другая что-то записывает в журнал. Невысокая девушка направляется ко мне. Заученно улыбаясь, просит заполнить несколько граф в специальиой книге: откуда приехал, кем работаю и, конечно, разборчиво фамилию и имя.

Следом за девушкой подходит стройная молодая женщина. Представляется, протягивая нам поочередно руку:

— Джен Ошима. Наш директор срочно вылетел в Токио, его заместитель ушел обедать, поэтому приинять вас поручено мне.

Мы располагаемся в мягких креслах, и Джен Ошима начииает рассказ:

— Спустя несколько недель после окончания второй мировой войны была создана специальная комиссия, составленная из американских военных терапевтов и ученых. Эти специалисты сделали много важных наблюдений иад ранними эффектами радиации. Позже, в 1947 году, частная исследовательская организация США создала ABCC, что означает «Комиссия жертв атомной бомбы». Своей целью иовая комиссия ставила изучение последствий радиации в Хиросиме и Нагасаки.

Ошима замолчала. Ее рассказ был прерваи криком

ребенка. Я обернулся. В приемную вошла женщина с мальчиком на руках. Она пришла на исследование. Ее малыш, продолжая плакать, размахивал какими-то недоразвитыми ручонками и качал странно большой, с выпуклым лбом головой. К ребенку подбежали две «заботливые няни» (такие тоже есть в штате института), дали ему разноцветные кубики, шарики. Ребенок успокоился. Мать направилась с ним по длинному коридору и скрылась за тяжелой дверью кабинета.

— Наша лаборатория, вернее комиссия, — продолжила свой рассказ Джен Осима, — разделила больных на три группы. Первая — все находившиеся во время взрыва в двухкилометровом радиусе, вторая — за двухкилометровым радиусом, третья — прибывшие в Хиросиму после атомного взрыва. В каждой группе по 100 тысяч человек. На всех заведены специальные карточки. Обследованию подвергаются раз в два года по двадцать тысяч из группы.

Я прошу через переводчика повторить последние слова: правильно ли я их понял?

— Да, правильно, — подтверждает Осима и продолжает: — За две недели до вызова к больному посылают специального курьера с предупреждением. В назначенный срок зеленый автобус привозит пациента. Процедура обследования занимает обычно один день. А теперь вы можете ознакомиться с работой нашего института.

Осматриваем приемное отделение. В небольшую кабину входит больной. Раздевается. Кладет одежду в прямоугольный ящик, имеющий номер. Таких ящиков 24. Сестра провожает больного в один из десяти кабинетов, там укладывает на кушетку с рефлектором. Начинается «программное обследование». Включаются сложные приборы и аппараты, изучаются физиологические и биохимические реакции организма, делаются рентгенограмма «подозрительных» органов, различные анализы, подсчет клеток костного мозга.

Проходит семь-восемь часов, и больной «обсосан». Институту он больше не нужен и может убираться на все четыре стороны. Если умрет — родственники должны обязательно сообщить о смерти — труп вскроют.

Людей, переживших в Хиросиме атомный взрыв, называют «хибакуся». Им выданы номерные регистрационные книжки с указанием расстояния от эпицентра до

места, где находился владелец книжки. Жители Хиросимы с грустью говорят, что их жизнь измеряется не числом прожитых лет, а метрами. В АВСС в числе прочих есть 50 особых карточек. Пятьдесят человеческих трагедий. Эти люди в день атомного нападения находились в радиусе 1000 метров от эпицентра взрыва. Все пятьдесят подверглись интенсивному облучению и заболели лейкемией. Не прожив и года, они погибли. Об этой группе напоминают архивные листки.

За несколько дней до посещения АВСС я познакомился с жительницей Хиросимы Ояно Хирамити. Она показала мне регистрационную книжку. Бесстрастные записи на потрепанных страницах. Возраст при взрыве — 24 года. Расстояние от эпицентра — 3000 метров.

— В последнее время, — рассказала Хирамити, — я с ужасом обнаружила, что мои волосы выпадают целыми прядями. К тому же у меня постоянное ощущение, будто под кожей находятся раскаленные иглы.

Я вспомнил эту женщину, когда мы перешли в отделение «В». Две палаты, восемь коек: четыре мужских, четыре женских. Семь свободных, на одной лежит тяжелобольная тучная женщина. Ей лет сорок. Она с трудом переводит дыхание. На вопросы отвечает односложно и безразлично. Больную доставили из Нагасаки. Лечить? Нет. «Американское обследование» займет немногим более суток. Женщина здесь только переночует.

Кто-то приоткрыл железную дверь, и в просвете показались аккуратные ящики секретной картотеки, стеллажи с папками — истории больных, которых исследовал АВСС. Исследовал, но ни одного не вылечил. Чудовищный факт! Специальное медицинское учреждение расходует сотни тысяч долларов на обследования и ни одного цента на лечение.

Владения АВСС — восемь двухэтажных корпусов. Целый городок с многочисленными переходами, асфальтированными дорожками, зеленью. На белом фронтоне каждого корпуса — большой красный крест. Символ добра и милосердия.

Сопровождающая нас Ошима не говорит о результатах исследований. Но кое-что японской общественности уже известно. Например, каждый год более 93 процентов всех беременных женщин из числа больных берется на учет в АВСС. В американской лаборатории уже

зарегистрировано 70 000 детей, родившихся в Хиросиме и Нагасаки. Известно также, что семь тысяч родителей подверглись воздействию радиации на расстоянии 2000 метров. Однако тщательно скрываются даиные об умствеиной иеполиоцениости малышей, об уродствах, замедленном росте, патологических изменениях в детских оргаиизмах. А сколько детей родилось слепыми! Сколько облучеиных родителей погибло вскоре после рождения первенца!

Опять-таки, еще до посещения АВСС, я узиал, что в одиой из больниц Хиросимы умер восьмилетний мальчик из тех самых семидесяти тысяч детей, зарегистрироваиных в АВСС. Звали его Ясуси. Ои скончался от белокровия. Его мать еще в детстве пережила атомиую бомбардировку. Рожденный через много лет после налета авиации США, Ясуси стал его жертвой.

Бывает и по-другому. На учете в АВСС иаходилась молодая женщина Нанако Сето. Ее обследовали, проверяли и каждый раз в заключении писали: «Здорова». Нанако выучилась иа парикмахера, пошла работать. Вышла замуж. Родила здоровую девочку. Но неожиданно заболела сама. Ее поместили в госпиталь. Там оиа вела дневиик. В нем Наиако иаписала такие строки: «Скоро погасят огни. Холодом веет от госпитальных коридоров. Одиночество. Слезы подступают к горлу. Сегодня скончался еще один день. Я ие хочу умирать. Мими-тян! Доченька...» Мать ие закончила фразу. Она умерла с карандашом в руке.

Этот случай описан в книге «Хиросима». Ее автор, очевидец трагедии Киеши Киккава, приводит также таблицу главных заболеваний жертв атомиой бомбы. Из 600 обследованиых 282 страдают анемией, 57 — опухолями, 34 — лейкемией, у 45 атрофируется печень. Наша провожатая обо всем этом молчит. Оиа показывает иам механизированиую прачечиую с последними моделями стиральных машии, гладильиый пресс, ведет в мастерскую... по ремонту пишущих машинок.

Но вот на нашем пути плотно закрытая дверь с иадписью: «Вход воспрещен!» Маленькое, не больше тетрадного листа, окошечко. В ием я вижу потное лицо американца. Под белым халатом — плохо скрытый военный мундир. За этим окошком — мозг лаборатории. Отдел статистики. Сюда из всех отделов и служб АВСС поступают даиные исследований, медициских осмотров,

наблюдений, выводов, докладов. Наша провожатая любезно показывает нам одну из статистических карточек.

Карточка чуть больше визитной. Группа цифр: 1, 2, 3, 4, 5... Числами зашифровано определенное заболевание, вызванное радиацией. Можно не поднимать громоздких архивов, а по десятисантиметровой открытке определить: больной такой-то, страдал тем-то, умер тогда-то. Ничего не скажешь: система отработана четко.

Переходим в отдел патологии. Здесь заспиртованные органы, ткани, парафиновые препараты. «Материал» жертв атомной бомбы. По длинному блестящему столу — ряд микроскопов. Прильнувшие к окулярам люди в белоснежных халатах приготовляют гистологические срезы. Работа тонкая, ювелирная. Лица сосредоточенные, внимательные. Справа — новейший электронный микроскоп. Возле него американец.

В начале беседы с нами Ошима много говорила о совместной работе американских и японских специалистов. Да, «содружество» можно заметить на каждом шагу. Все кабинеты, коридоры, подсобные помещения убирают японцы — они ведь так любят чистоту. Зато в строго секретных отделах радиологии и лаборатории их не встретишь.

Мне довелось в АВСС побеседовать с одним из членов руководства, Кеннетом Джонсоном из Йельского университета. Среднего роста, в очках и халате, доктор Джонсон поначалу произвел на меня приятное впечатление.

— Россия — замечательная страна, — с восхищением сказал Кеннет и начал рассказывать о созданном в американском университете русском хоре. — Наш хор ездил в Москву, имел большой успех.

Тут, к моему легкому удивлению, лицо доктора Джонсона преобразилось, и он стал выводить басом: «Эй, дубинушка, ухнем...»

Нечасто услышишь русскую песню в исполнении американского врача!

— Может быть, доктор Джонсон будет столь любезен и ответит на вопросы?

Кеннет вежливо согласился.

— Попадаются ли среди обследованных люди, у которых лучевая болезнь проявилась в третьем десятилетии? — спрашиваю я.

— Да, изредка.

— Сколько, по вашему мнению, еще может выявиться таких больных?

— Неизвестно.

— Скажите откровенно, доктор Джонсон, можно ли спасти пострадавшего, если ввести ему костный мозг здорового человека?

— Можно. Такие работы проводятся у нас в Америке.

— А в АВСС?

— Здесь мы больных не лечим.

— Но ведь не могут же больные японцы ездить в Америку?

— Не могут, — с любезной улыбкой согласился доктор.

СВЯЩЕННЫЙ ОСТРОВ

Змеевидной лентой тянется дорога длиною в пятнадцать миль. В конце ее, на подковообразной площади, люди оставляют машины, автобусы, мотоциклы, велосипеды. Дальше море, а в море — Миядзима, красивейший остров Японии.

...Достигнув острова, наш старый пароход медленно швартуется к маленькой пристани. Спускаются дубовые сходни, пассажиры выходят на берег и неторопливо направляются по живописному побережью Микаса-но-хама вдоль рядов стройных, высоких сосен и древних каменных фонарей, мимо полукруглых ворот — торий. Перед нами открываются узкие тенистые улочки. Они переходят в отвесные каменные лестницы, которые замысловатыми ходами ведут в замок самураев, к старинным вырубленным в скалах крошечным скамейкам. Тишина. Лишь в кронах сосен слышно нежное щебетание птиц. Миядзима священна. На острове запрещено обрабатывать землю, убивать животных и птиц, а также вступать в брак и рожать детей.

Из длинного деревянного ковша можно напиться прохладной «священной воды», потом, надев плетеные из рисовой соломы сандалии, войти в синтоистский храм. Он построен восемьсот лет назад. Существует легенда, что бревна для храма доставляли с гор женщины на канатах из собственных волос. Из храма доносятся скорбные слова монотонной молитвы.

Бесконечная галерея окружает храмовые здания, каменные площадки, где устраиваются ритуальные танцы и представления знаменитого театра масок «Но». За извилистой аркадой — открытая сцена. Таинственные звуки барабана перекликаются с певучим голосом флейт. На сцене четверо мужчин в старинных национальных костюмах с копьями в руках исполняют древний танец. Сцена уносит зрителя на 900 лет назад.

Мы возвращаемся в городок. Почти на каждом углу продаются вырезанные из дерева большие ложки для раздачи риса. Такой ложкой хозяйка щедро накладывает гостям сваренный на пару рис. Этим ложкам японцы приписывают еще и некую «чудодейственную» силу, с помощью которой женщина может приворожить своего возлюбленного.

Священный остров. Музеи, храмы, гробницы, замки. Редкие произведения искусства, ритуальные костюмы, десятивековой давности мебель. Народное сокровище — буддийский храм «Сингон секты», в котором хранятся роскошные украшения. Кажется, остров колышется от людского потока. Даже в самом дальнем конце Миядзимы вытянулась очередь. Там, в огромном бетонном аквариуме, уникальное собрание рыб.

Хиросимцы приезжают на остров утром. Именно утром произошла атомная трагедия, и японцы, потерявшие близких, хотят побыть здесь в тиши, наедине со своим горем. Где-то в затерянной молельне, положив рядом амулет — крохотную дощечку с печатью храма, чтимого всей семьей, они, согнувшись, часами поминают усопших.

Именно здесь, на острове Миядзима, услышал я одну печальную историю. Два облученных хиросимца, Фудзи и Сабогава, приехали на остров с последней надеждой: в святом месте излечить атомный недуг — лучевую болезнь. Ежедневно поутру они направлялись в храм и до самого заката солнца просили Будду карающего и Будду благословляющего помочь им. Но болезнь прогрессировала. Отчаявшись, Фудзи утопился, а Сабогаву нашли повесившимся.

Но и сегодня вера в силу святых мест велика. На одной из улочек я видел, как худенькая женщина подошла к гадальщику — предсказателю будущего. Двадцать иен — и маленькая птичка достала пакетик «судьбы». За женщиной подошли и другие. Как с конвейера,

птичка доставала из корзины тоненькие бумажные трубочки. Их покупали, покупали и вешали на священное дерево. Ветки, увешанные человеческими надеждами. Какие из них сбудутся?

* * *

Трижды я побывал в Японии. В общей сложности более двух месяцев. Я видел самые крупные города Страны восходящего солнца: Токио, Осаку, Хиросиму. Ровно половину времени прожил в Хиросиме.

В отеле «Нью-Хиросима» видел молодоженов. Они специально приехали из другого города справить здесь свадьбу. Назло смерти! Невеста — в белоснежном платье с фатой, жених — во фраке с лотосом в петлице. Они особенно четко запечатлелись в моей памяти. Может быть, тем, что были очень молоды и жизнерадостны. А возможно, потому, что, сидя с друзьями в холле, пели по-японски русскую песню о мальчике, который хочет, чтобы всегда были мама и солнце.

Хиросима! Она, видно, врезалась в мою память надолго. Может быть, именно поэтому я и написал о ней больше, чем о многих других городах. Наверняка не все в моих рассказах явится откровением для читателя, я к этому готов. Да, я не первый, кто пишет о трагедии Хиросимы. Но пусть никогда не будет последнего, кто об этом напишет.

НА ГОРИЗОНТЕ — ЮЖНАЯ АМЕРИКА

ТАМОЖЕННЫЕ ФОРМАЛЬНОСТИ

Если вы побываете в Аргентине, то надолго запомните слово «адуана» — «таможня». Говорят, аргентинцы очень вежливы. Что верно, то верно. Таможенники же — образец воспитания. «Совьетико?» — переспрашивает чиновник в защитной форме, и его лицо расплывается в улыбке. Потом, как бы между прочим, просит предъявить «лист хранения».

Два дня старпом корпел над этим розоватым листом-простыней. Он перечислил 150 всевозможных наименований, отмечая по пунктам: все краски, набивки, количество минеральной воды, стирального порошка, соли,

молока, не забывая упомянуть о медицинских термометрах, а также о существовании двухсот пачек перца, корицы, чайной соды. Каждый из нас заполнил специальный табако-лист, где черным по белому записал, что не везет с собой граммофонов, пластинок, птиц в клетке, прессованного табака для жевания. Нельзя было не указать провозимые спички в коробках, радиоприемники, сигареты, бинокли, алкоголь, мыло, музыкальные инструменты, даже подержанные, а также надо было перечислить всю новую личную одежду.

Таможенники в судовой продовольственной кладовой прощупали мешки с крупой, сахаром и, пожелав нам всего хорошего, ушли. Но это совсем не значит, что все будет хорошо. Они могут вернуться в любой момент, и не просто вернуться, а с отрядом дюжих молодцов, превосходно знающих свое дело по части досмотров, с громоздкими сумками на боку — наборами для вскрытия всего подозрительного. Если вы что-то купили, то обязательно берите два чека — один для таможни. Иначе не оберетесь потом хлопот.

Вы думаете, что теперь можете спокойно погулять по городу? Ни в коем случае. В кают-компании расположился шустрый фотограф. Вежливо говорит: «Пэрдонэмэ, устэд» — «Извините, пожайлуста», и щелкает вас в анфас. Ваша фотокарточка должна украшать индивидуальный сертификат. Что это такое? Внешне он напоминает двойной тетрадный лист. В сертификате указана фамилия, имя, национальность, год и дата вашего рождения, имя матери, ваш рост, цвет волос и глаз, форма носа, комплекция и в десяти аккуратных квадратиках отпечатки всех десяти пальцев.

На следующий день капитан отправился в полицейское управление заверить наши сертификаты и там стал свидетелем довольно любопытной истории. Его коллега со старого бразильского парохода «Свободная Америка», который стоял рядом с нами, давал объяснение властям по поводу того, что таможенники обнаружили на их пароходе 33 обезьяны, не указанные в декларации, и на бразильца наложили солидный штраф.

После обеда вернулся капитан. Власти дали «добро». Мы имели право сойти на берег Баия-Бланки — крупного порта Аргентины, предъявив стоящему у трапа военному моряку с кортиком у пояса и кольтом в кобуре свой «сертификатэ-индивидуаль».

Этот человек с морщинистым лицом представился мне на русском языке: «Доктор Лютэк» — и попросил разрешения посмотреть лазарет. Я подумал: «Откуда он знает наш язык?» Он, словно уловив мои мысли, сказал: «Говорить по-русски я научился в Югославии. Там же окончил медицинский институт. Обстоятельства сложились так, что я оказался в Аргентине».

Я не стал спрашивать об «обстоятельствах». Он сам рассказал, правда, не сразу. Сначала вынул из кармана визитную карточку и объяснил, что работает санитарным врачом по карантинному надзору за портом. «На советские суда я прихожу и по долгу службы, и просто так, поговорить. Все-таки мы славяне», — сказал он.

В каюте я угостил его конфетами «Регина». Гость попробовал и со смаком произнес: «Прима!»

Лютэк не без любопытства осмотрел коробку и, прочитав: «Фабрика «Лайма», Рига», с интересом спросил:

— Вы из Риги?

— Да, — ответил я.

— О, Рига известный город! — оживился Лютэк.

Вдруг он совершенно неожиданно задал вопрос:

— Вы, конечно, знаете, что по-латыни «аргентум» — «серебро»?

Я кивнул. Лютэк отпил кофе и продолжил:

— По молодости лет я решил, что поеду в Аргентину и непременно разбогатею. Еще бы, я отправлялся в «страну серебра»! Казалось, на вещи смотрел серьезно, а все выглядело до смешного наивно. Название «Аргентина», оказывается, дали по ошибке. Красивый белый металл тут ни при чем.

Лютэк закурил. Его морщинистое лицо собралось в складки, он близоруко сощурил глаза и глухо повторил:

— Да-да, по ошибке...

Мне вдруг вспомнилось, как в Риге один мой знакомый шутя сказал: «Поинтересуйся, велики ли там залежи серебра».

Я решил спросить об этом своего собеседника. Вот что он мне рассказал. Хотя начало этого рассказа мне уже было известно из различных литературных источников, я слушал не перебивая. И не то чтоб из вежли-

вости — у этого Лютэка оказалась неожиданная способность окрашивать загадочной интонацией любую фразу, чего бы она ни касалась, и тем заинтересовать собеседника.

Итак, издавна территорию современной Аргентины населяли индейские племена. Они жили мирно. Растили детей, занимались охотой и рыбной ловлей. В начале XVI века первый белый человек по имени Хуан-Диас-де-Солис вступил на землю индейцев. Он чем-то не понравился местным жителям и был убит.

Прошло еще десять лет. В 1526 году другой испанец, Себастьян Кабот, с целой экспедицией на пирогах отправился по быстроходной реке. Индейцев как будто подменили. При виде белых они улыбались, а под конец путешествия вождь племени задарил экспедицию серебряными украшениями. Кабот ошибочно заключил, что дно мутной реки богато благородным металлом и назвал реку Ла-Плата, что по-испански означает «Серебряная». Позже дно реки перекопали сотни испанцев, но нигде дорогого металла не нашли. А серебро, подаренное экспедиции Кабота, индейцы, как потом выяснилось, привезли из Боливии.

Спустя три века, когда национальный герой освободительной войны генерал Хосе-де-Сан-Мартин провозгласил независимость объединенных провинций Ла-Платы от испанской метрополии, нужно было придумать название всей стране. Сан-Мартин в 1825 году предложил просто латинизировать Ла-Плату, то есть перевести испанское название на латынь. Вот короткая история названия «Аргентина». Волей случая ошибка Кабота была узаконена.

Доктор Лютэк не нашел здесь своего счастья. Он потерял родину и вкусил горький хлеб чужбины, который давался нелегким трудом и долгими годами лишений и невзгод. Злой мачехой оказалась для него вторая родина. Ведь тут абсолютно все: и уважение, и достоинство, и счастье — оценивалось по толщине кошелька.

Через час мой гость поднялся с дивана. Прощаясь, он показал мне фотографию взрослой дочери — единственного сокровища, которым обзавелся за четверть века на чужой земле. Сутулясь, этот человек шел по палубе мелкими неверными шажками, как ходят очень старые люди.

Старые и одинокие.

Аргентинское танго под аккомпанемент гитар. Оно стало очень модным после войны. В студенческие годы мы вечерами напролет готовы были танцевать этот завораживающий танец под заигранную пластинку. Я вспомнил те далекие годы, когда в Баия-Бланке зашел в фирменный магазин пластинок, что расположен на перекрестке авениды Сан-Мартин и галереи Пласа.

За открытыми стеклянными дверями смуглая креолка раскладывала новую партию записей в исполнении известного трио «Лос-Панчос». Второй продавец, парень с несколько театральной внешностью, занимался с покупателем, который, очевидно, забыв название нужной ему пластинки, пытался ее напеть.

Пока все это происходило, я обратил внимание на полку с табличкой «Класикос» и увидел целый ряд долгоиграющих пластинок с записями произведений П. И. Чайковского.

Профессионально внимательный продавец перехватил мой взгляд.

— Русо мусика прима! — восторженно воскликнул он и тут же начал расхваливать пластинки с записями произведений Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина...

Но приобретать эти «дискос» в Южной Америке, естественно, не имело никакого смысла. Поэтому я вежливо прервал продавца, попросив показать записи с аргентинской музыкой.

— Мусика популяр? — переспросил он и стал перечислять: — Румба, болеро, самба, ча-ча-ча... ...«Танго Аргентино»! — воскликнул он. Ловко вытянул большой диск из пачки и поставил на проигрыватель. При первых же звуках парень преобразился. Передо мной был уже не подобострастный продавец, а стройный, гибкий участник танца, всеми своими мускулами чувствующий ритм.

— Грандэ танго! — с гордостью в голосе произнес продавец.

И я стал обладателем Большого танго. Укладывая пластинку в пакет, продавец приложил к нему и «генеральный каталог» фирмы. Каталог познакомил меня с целой плеядой исполнителей этого танца, вызывающего удивление своей многолетней неувядающей популярностью. В каталоге были портреты победителей конкурсов,

фестивалей, карнавалов. Мне улыбались признанные мастера танго, кумиры публики, четверо веселых парней — известный квартет «Империал». Сверкая белизной зубов, с красочных страниц каталога смотрели певица Мария Елена Валье, солисты Петер Неро, Эдди Вильямс, Юлио Соса и гитаристы Чино Мартинес, Эдуардо Абель. На развороте над фортепиано склонился «король танго», «король» Буэнос-Айреса знаменитый маэстро Освальдо Пугльесе, о котором я слышал раньше. Он талантливый композитор и руководитель одного из популярных оркестров Аргентины.

Может показаться удивительным, что в Аргентине относятся к танго как к чему-то такому, без чего нельзя жить. Включив приемник, вы обязательно услышите звуки танго. Мелодию этого танца поют рабочие на строительных лесах, молодые матери, играющие с детьми в тени уличных деревьев, танго танцуют на любой вечеринке, по любому веселому поводу, его одинаково любят и молодежь и старики. С колыбели и до преклонных лет везде и всюду аргентинца сопровождают звуки танго. Детей учат танцевать парами, взрослые поражают мастерством и богатством импровизаций. Аргентина — родина танго. Истоки этого чудо-танца лежат в старинных народных плясках, стремительных и бурных. Аргентинское танго — это зеркало народного характера, душа народа.

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

...Двое стояли со смиренной покорностью, вперив взгляд в землю и скрестив на груди руки. Сухой чиновник полиции деревянным голосом сказал им: «Аста маньяна» — «До завтра». «Завтра» тянулось мучительно долго. До вечера следующего дня чиновник промурыжил их в тесной приемной и, в который раз проверив потрепанные удостоверения личности с отпечатками пальцев, нехотя выдал им разрешение на посещение «русо барко» — «русского судна».

Они поднялись на палубу теплохода «Арагви». Вокруг них собрались наши моряки, тепло здоровались с ними.

Голубоглазый морячок величал старшего дедушкой, остальные обращались к нему уважительно, по имени и отчеству — Николай Иванович. А он за полвека житья на чужбине привык, что знакомые называли его Колей

или Николаем, а все другие не иначе как «зеленый», презрительным прозвищем, приставшим к иммигрантам.

Николай Иванович откинул со лба жидкие седые волосы, и мы увидели его изможденное, бесконечно усталое лицо с угасшими глазами, полными слез. Темными заскорузлыми руками он прижал голубоглазого парнишку к груди и, нежно погладив по курчавым волосам, чуть шевеля губами, промолвил: «Такой соколенок мог быть моим внуком». Он вынул платок и отвернулся.

— Ну, будя, Коля, будя, — успокаивал его Марко Нестерович, с которым Николай Иванович пришел к нам в гости.

— Господи, сколько лет уже прошло, — тяжело вздохнул Николай Иванович.

Наверное, есть в людях нечто, что не подвластно ни годам, ни страданиям, ни трудностям. За столом перед нами сидели два совершенно разных старых человека. Николаю Ивановичу Чижевичу исполнилось семьдесят лет, а Марко Нестеровичу Берченко перевалило за шестьдесят. Старший был родом из-под Бреста, второй — с Киевщины. В двадцатые годы они в погоне за призрачным богатством распрощались с Родиной. Ровно полвека минуло с того дня, когда любимец всей округи рослый Колька, косая сажень в плечах, забил досками окна своей избы и, погрузив на скрипучую телегу громадный деревянный сундук, двинулся в Гданьск. Там он сел на старый пароход и отправился за океан в погоне за счастьем. Где-то на другом пароходе плыл и Марко. Но в отличие от Кольки тот полтора месяца нелегкого морского перехода не ютился на палубе, а жил вместе с дядей в отдельной каюте, с комфортом.

Оба встретились позже, спустя пять лет, в аргентинском порту Баия-Бланка. К тому времени дядя отдал богу душу, и Марко пришлось самому зарабатывать на хлеб насущный. С утра до ночи они вместе грузили океанские пароходы. И не сказать чтобы подружились соотечественники, а просто сошлись. На чужбине каждый человек смотрит волком на другого, а тут в голодную годину Марко угостил Николая куском сахара.

— Тогда мы ели что попало: горькое, соленое, а порой ложились спать на пустой желудок, — вспоминает Николай Иванович.

Долгими бессонными ночами он лежал неподвижно на узкой железной кровати и все вспоминал, как в последний раз хлебнул пригоршню холодной бугской воды, по которой ударил малиновый луч солнца. В его памяти до мельчайших деталей всплывали откуда-то из глубин давно, казалось бы, ушедшие картины. До сих пор он не может забыть тревожный голос чижа на карнизе дома и печальный запах родного осеннего леса, запах разлуки. Еще почему-то не выходило нз головы: шумная детская сутолока на обледенелых горках, катание на санях, узорчатые от мороза окна и белые шапки сугробов за палисадником, у амбара. Тяжелым камнем все это осело на самом дне души, но никуда не денешься: что было, то ушло.

— Вы представляете наше состояние, — после молчания с трудом проговорил Николай Иванович, — когда однажды в Баия-Бланке все запорошило снегом. Кругом белым-бело. В то утро мы с Марко играли в снежки и резвились как дети. А к полудню снег растаял. Будто это был сон, наваждение. Вы не поверите: увидев снова серую землю, мы заплакали. Видно, кровь заговорила.

Они переменилн веру, друзей, убеждения и, как сказал поначалу Марко Нестерович, «не вешали носа». «Я чувствовал себя хорошо, если не считать ломоты в костях», — говорил он. Они не роптали на судьбу, потому что когда их силы иссякли и они не выдержали сумасшедшего темпа работы докеров, то довольно быстро подыскали себе новое место. Марко Нестерович устроился рассыльным в небольшой конторе, а Николай Иванович Чижевич — сторожем в английской нефтегавани. По тридцати лет верой и правдой отработали на заморского «дядю». Слава богу, дослужились до пенсии.

Какое-то время Чижевич и Берченко сидели молча. Вдруг лицо Марко Нестеровича покрылось красными пятнами, и он, дергаясь всем телом, надрывно закашлял. Судовая амбулатория находилась рядом. Я положил его на койку. У него оказался порок сердца с явными признаками декомпенсации. Приняв лекарство, он стал дышать ровнее и, подняв опухшее, с посиневшими губами лицо, сказал:

— Сгубил я свое сердце, когда на побегушках работал рассыльным. На прошлой неделе выписался из госпиталя, где провалялся три месяца. Толку никакого. Сердце и сведет меня в могилу...

Два старых человека. Крепкими и здоровыми они покинули свою Родину в поисках лучшей жизни, но так и не увидели простого человеческого счастья, ласки любимой женщины, ни шумного веселья родных детей, ни уютного домашнего очага. Ничего. На старости лет они остались без Родины, без семьи. Остались два одиноких больных бобыля.

ГОРОД ХОРОШЕГО ВОЗДУХА

Из Баия-Бланки мы взяли курс на Буэнос-Айрес. За первые сутки прошли 425 миль. Вахтенный штурман отметил наши координаты. Он сказал, что по курсу виден маяк Практикос-Интерсексьон. Его свет охраняет жизнь мореходов до начала нового дня. Маяк не горел: день был солнечный и штормовой.

От маяка рукой подать до Буэнос-Айреса, всего восемнадцать миль. Но часа три-четыре придется ждать, на рейде чрезмерное скопление пароходов. По судовому радио объявили: «Боцмана на бак!» Загромыхала массивная цепь, трехтонный якорь тяжело плюхнулся в воду и своими крепкими лапами уцепился за грунт.

В заливе Рио-де-ла-Плата, где мы стоим, неспокойно. Ветер — семь баллов. Вода будто жидко размешанная глина, со взлохмаченными гребнями-кочками. Сюда впадают аргентинская быстрая Парана и крупная река Уругвай. Бурлят мутные воды рек, словно хотят показать чужестранцам свой крутой нрав.

Но вот наконец на палубе голоса: прибыл лоцман. Через широченные бетонные ворота мы входим в Буэнос-Айрес.

Издали город светится яркими огнями, как гигантский циферблат. На сто восемьдесят градусов повернулись раздвижные мосты, чтобы пропустить теплоход из Страны Советов. Под мощным прожектором у перил моста видны янтарные лица аргентинских военных моряков. Около старой деревянной будки веселый аккордеонист играет марш. Аргентинец приветствует гостей в Буэнос-Айресе — чудесной столице Южной Америки.

Буэнос-Айрес... На другое утро я поднялся чуть свет. Никак не мог надышаться свежим, бодрящим воздухом. В чистом, лучезарном небе ни облачка.

После завтрака мы отправились в путешествие по

городу. Миновали прохладную зеленую набережную и очутились на главной площади. На этом месте в 1536 году первый испанский правитель территории, Педро де Мендоса, основал крепость. В 1541 году испанцы под натиском индейцев покинули крепость и сожгли ее.

В 1580 году губернатор территории Ла-Платы Хуан де Гарай заново отстроил город. За городом сохранялось прежнее название — Вилья Санта Мария де лос Буэнос-Айрес.

От этого длинного названия в конце концов осталось лишь «Буэнос-Айрес» — «Хороший Воздух». Правда, это сочетание слов латиноамериканцы переводят и как «попутный», или «свежий ветер».

В самом центре Буэнос-Айреса, на высоком постаменте, стоит во весь рост основатель нынешнего города Хуан де Гарай. Одна рука на шпаге, другая вытянута вперед. Все мы немного романтики и потому смотрим на окружающее глазами первооткрывателей. Гарай не был архитектором, но заложенный им город по планировке, масштабности может соперничать с лучшими столицами земного шара.

Если смотреть на Буэнос-Айрес сверху, то он чем-то напоминает громадный нежно-розовый торт с переливающимися лазурными, молочными и огненными точками. Город чудесного южного солнца, пальм, газонов, цветников, ярко-зеленых скверов, благоухающих парков и бесчисленного количества бронзовых монументов. Древняя столица, которая не боится контрастов. Рядом с пышностью средних веков мирно уживаются легкие и прозрачные кубы домов, современные магазины, и на этой же улице вы встретите дворцы с нимфами и мавританскими фонтанами, высокие ажурные башни, стрельчатые арки и порталы, круглые окна-розы, резные фиалы.

Длинен и размашист Буэнос-Айрес. Каждая улица не бессмысленная копия соседней, она имеет свой неповторимый облик. Одни — шире, другие — уже. На первых — меняльные конторы, швейцары в ливреях перед распахнутыми зеркальными дверями отелей, на вторых — сплошь ведомственные учреждения с учтивыми чиновниками. Встречаются богатые улицы, отделанные керамической плиткой, с четкими квадратами и прямоугольниками современных зданий среди тенистых пальм и мраморных скамеек, улицы, по которым непрерывно снуют неуклюжие черные «кадиллаки», «форды», «шев-

роле». Есть уютные улочки-малютки, полностью отданные пешеходу. Каждая улица с причудливой игрой красок, каждая имеет свое неповторимое лицо и даже свой, если хотите, характер.

Но есть в Буэнос-Айресе особая улица, единственная в своем роде. Улица, о которой ходят легенды, улица-история.

АВЕНИДА РИВАДАВИЯ

Авенида Ривадавия — это «становой хребет» Буэнос-Айреса. Она, словно нескончаемая пограничная полоса, разделяет город на две части: северную и южную. Идите по ней не спеша, оглянитесь. Там, где она началась, отчетливо просматривается панорама порта с затейливой графикой молов, гаваней, пирсов, пароходов. Над ними стоит белокаменный Христофор Колумб, который как бы встречает отважных мореходов.

Авенида Ривадавия — это толстая книга истории Аргентины, ее летопись. Именно на Ривадавии установлен монумент второму основателю столицы, города Хорошего Воздуха, Хуану де Гараю. Его большое бронзовое лицо смотрит на розовый президентский дворец «Каса Росада». В нескольких шагах от президентского дворца — кафедральный собор с дюжиной стройных колонн. Собор построен в начале XIX века и является самым священным местом на авениде Ривадавии. На потемневших стенах — бледные пятна выцветшей крови: кровь мучеников, кровь героев. В подвешенной чаше горит вечный огонь.

Перед тем как пригласить нас в собор, экскурсовод рассказал о том, как на карте мира появилось сегодняшнее государство — Аргентинская республика. 25 мая 1810 года жители испанской колонии Ла-Плата восстали против колонизаторов. Лишь в 1826 году их вооруженная борьба увенчалась успехом. По сей день аргентинцы отмечают 25 мая как свой национальный праздник.

Был ликующий май. Внутри собора пахло ладаном, звучал старинный орган: шла торжественная месса памяти национального героя борьбы за независимость Сан-Мартина. Люди стояли вплотную друг к другу и за священником повторяли имя генерала Сан-Мартина.

После мессы прихожане бесшумной лентой потяну-

лись туда, где открылись ажурные двери усыпальницы. Горели лампады, бросая яркие блики на лица молодцеватых гвардейцев. Обнажив сверкающие шпаги, они замерли в почетном карауле у мраморной плиты, под которой захоронено тело Сан-Мартина. В золоте выбиты даты: «Родился 25 февраля 1778 года, умер 16 августа 1850 года».

Перпендикулярно собору идет прямая улица. Та ее часть, что расположена слева, носит имя Боливара, а справа — Сан-Мартина. Они сходятся на Ривадавии.

Говорят, авенида Ривадавия — самая длинная улица в мире. Не знаю, верно ли это, но нелегко преодолеть Ривадавию пешком — в ней двадцать километров с лишним. У самых разных людей я спрашивал, сколько на Ривадавии домов. Все, как сговорившись, отвечали: «Свыше восемнадцати тысяч». Что и говорить, цифра внушительная!

Кстати говоря, в Буэнос-Айресе, как и во многих латиноамериканских столицах, узаконено строгое и четкое деление улиц на кварталы. Любой квартал начинается с единицы или двойки и завершается двумя девятками или сотней. Ни больше ни меньше. Нет безымянных домов, нет домов под дробью, буквами, никаких скидок на давность строений, никакого хаоса в нумерации.

На авениде сконцентрировано все для приезжих. Но избави вас бог сесть в такси или ехать в машине. Вы только потеряете время и ничего не увидите. По авениде, как по залам музея, надо идти не торопясь, от здания к зданию, все внимательно разглядывая.

Авенида Ривадавия как бы стрелой пронизывает очень широкую улицу Буэнос-Айреса — авениду Нуэве де Хулио. Она просматривается из конца в конец, ее длина всего полкилометра. Зато на ней стоит обелиск, сооруженный в честь 100-летия основания Аргентинской республики. Он сооружен на зеленом холме и похож на огромный отточенный карандаш. Вокруг обелиска лежат отделанные красным кафелем гербы и старинные щиты различных городов страны. Вот герб Атлантиды со схемой разбросанных островов, герб жемчужины — Чако представлен в виде манящих пальм, а местность сплошных пастбищ Ла-Пампа возвеличила верного труженика степей — резвого скакуна. О красочных гербах Сан-Луиса, Санта-Круса, Мендосы, Формосы и других городов можно написать толстую книгу.

На Ривадавии видел я и убогие лавчонки, в которых среди роя мух торговали лишь хлебом да солью, и новые универмаги «супер-маркеты», где все сверкало, блестело и где местный гурман мог выбрать любой деликатес, вплоть до омаров, устриц, лягушачьих лапок.

Авениду назвали в честь выдающегося государственного деятеля Бернардино Ривадавия. Став президентом Аргентины, он столкнулся с серьезной проблемой: кладовые казны были истощены, а земли, составляющие бесценное богатство страны, раздавались направо и налево. Двумя декретами 1822 года Ривадавия запретил отчуждение земель, он ратовал за общественные земли, правда, его мудрым заветам не суждено было сбыться.

Я стою на углу авениды Ривадавии. Бурлят автомобильные реки, машины идут сплошным потоком, дверца к дверце. Водители, смахивая холодный пот со лба, читают на ходу бесконечные «дорожные кроссворды», стараясь их разгадать. Люди, спасаясь от автомобилей, торопятся спуститься под землю — в сырые анфилады метрополитена. Между машинами и пешеходами мечется босоногий мальчишка и выкрикивает: «Читайте «Буэнос-Айрес геральд», американская компания «Кинг Ранч де Техас» закупила новые земли».

Мне не видно лица мальчишки, он ни минуты не стоит на месте, но я отчетливо разглядел другое лицо — лицо солидного босса этой компании. Он в прекрасном настроении, он доволен удачной сделкой. Босс сидит в комфортабельном черном вращающемся кресле и позирует перед камерой. Его крупное надменное лицо я увидел сразу на нескольких экранах, когда зашел в магазин телевизоров, который тоже расположен на авениде Ривадавии.

В БАНАНОВОМ «РАЮ»

Стоянка в эквадорском порту Гуаякиль была рассчитана всего на несколько дней.

Улицы накалены зноем. Идешь по тротуару, а тебе кажется, будто под ногами корка хлеба, вынутого только что из духовки. Чтобы укрыться от палящего солнца, мы зашли в уютный ресторанчик с каменным полом. Под потолком приглушенно жужжали широколапые тропические вентиляторы. Веяло приятной прохладой.

У нашего столика тут же появилась смуглая девушка в цветном сарафане и быстро расставила фужеры с лимонным соком, битым льдом и сахаром. Из холодильника она достала сочные красные ломтики арбузов, порезанные кружками ананасы, очищенные плоды манго и поставила все это на подносе перед нами.

Потом мы отведали вкусное индейское национальное блюдо «чукчукара де латакунга», приготовленное из свинины, кукурузы, картофеля и обильно приправленное перцем. После этого есть уже больше не хотелось, но девушка, мило улыбнувшись, принесла целую корзину спелых бананов и попросила попробовать их. Мы очистили плоды, и душистый запах раздразнил аппетит. Я откусил нежную мякоть, и она наполнила рот приятной сладостью.

Долгое время мне пришлось работать на теплоходах-фруктовозах, которые из разных стран мира перевозили бананы. Но, признаться откровенно, таких ароматных и сочных плодов я не встречал.

Именно в тот момент, когда мы отведали чудесных эквадорских бананов, гид-переводчица предложила съездить на плантацию. И хотя по-прежнему было очень жарко, минут через сорок мы уже бродили среди банановых деревьев, у которых очень широкие листья, похожие на распущенные зеленые зонты. Куда ни глянь — без конца и края сплошные заросли. Ощущение такое, будто ты попал в глухой банановый лес: без дорог, тропинок, людей.

Невозможно оторвать взгляд от огромных свисающих гроздьев, под тяжестью которых прогнулись мощные стволы деревьев. На одном стебле по двадцать-тридцать плодов, и все крупные, налитые. Банан — самое большое по размерам и самое древнее травянистое растение. Его родина — Восток. В Коране говорится, что банан растет в райских садах. Один монах по имени Томас де Берланга бросил в землю Санто-Доминго семена банана, привезенные из Старого Света. Так на заре шестнадцатого века зародилась новая, «банановая» эра.

Если подняться на самолете и взять курс на столицу Эквадора Кито, то на протяжении многих тысяч гектаров можно увидеть необъятное море банановых плантаций. Они тянутся от прибрежного Гуаякиля до джунглей Киведо, от старинных районов Санто-Доминго до плодородных красноземов Лос-Колорадоса и Ла-Мана.

Ныне Эквадор — крупнейший в мире экспортер этих фруктов. Десятки тысяч крестьян заняты на плантациях. В год они собирают почти три с половиной миллиона тонн бананов.

Жизнь сборщика бананов — это тяжелый, скудно оплачиваемый труд. Из уст крестьян вы не услышите добрых слов о жизни, они вспоминают только о «кальварио» — о муках. Лицо того человека, который заговорил с нами, ветер и солнце сушили долгие годы. Звали нашего собеседника Умберто. На вид он был стариком, но когда мы спросили его о возрасте, то оказалось, что ему чуть больше сорока.

— Заработок? — горько усмехнувшись, переспросил он. — Десять сукре в день.

На эти деньги можно купить полкилограмма мяса, но ни один эквадорский бедняк такой роскоши себе не позволит. Болтушка из манноковой каши — вот основная пища сборщиков.

Я посмотрел вправо, туда, где кончалась дорога и чернела полоска выжженной земли, — место будущей плантации. Согнувшись в три погибели, женщины сажали там зеленые ростки бананов. Были видны блестящие от пота спины матерей; некоторые из них, работая, не снимали со спины младенцев. Может быть, они мирно спали, а может быть, молча играли, но я не слышал обычных криков малышей. Тишина эта насторожила меня, а из головы почему-то не выходили слова одного гуаякильского врача, который накануне сказал: «Под небом Эквадора из каждой тысячи детей двести умирает, не дожив до года».

Эквадор — аграрная страна. Здесь свыше трехсот тысяч мелких и средних крестьянских хозяйств. В основном они владеют небольшими клочками земли, которые в тысячу раз меньше помещичьих. Целыми днями люди трудятся на своих крохотных делянках. Во время сбора урожая они вынуждены сдавать бананы американским компаниям, которые контролируют экспорт эквадорских фруктов. Янки безжалостно грабят крестьян. Они платят им по 70 долларов за тонну, а продают плоды в пять раз дороже.

В последние годы Эквадор старается вырваться из хищных лап Уолл-стрита. В стране уже создано национальное управление бананами, которое организует государственную продажу и занимается экспортом фруктов.

Когда было заключено долгосрочное торговое соглашеине между Эквадором и СССР, столичный журнал «Эквадор» в своей редакционной статье писал: «Большой интерес для общественности представляет экспорт баиаиов в Советскнй Союз». В искреииости этнх слов мы убедились в дни стоянки нашего теплохода в Гуаякиле. Пока докеры заполняли трюмы связкамн бананов, обернутыми в целлофаи, на судно поднималнсь многочисленные гости. Познакомиться с моряками из Страны Советов приезжали специалисты национальиого управления экспорта бананов, сотрудники мэрии, представнтели печати, коммунисты, рабочне, студенты. Прощаясь, оии благодарилн за теплый прием и, улыбаясь, говорили:

— Аста пронто! — До скорой встречи!

Как драгоценную память об этой удивительной стране я берегу подаренную мне коренным индейцем серебряную моиету. На ней выбнт профиль генерала Сукре, который на склонах вулкана Пичинча разгромил нспанцев и создал иовый Эквадор. Если перевернуть моиету, она блесиет красочным гербом, на котором в миниатюре представлена страна мечтателей — Эквадор. В цеитре герба расположено солнечное сплетение плаиеты, ее средостение, чуть ниже — кораблик, плывущий по стремнтельной реке Гуаяс; сбоку возвышается могущественный вулкан Чимборасо н жезл бога торговлн Меркурня. Я смотрю иа сверкающую монету, и в ней, как в зеркале, отражается полюбившаяся мне страна.

— Аста проито, Эквадор!

СОДЕРЖАНИЕ

ХИРОСИМСКИЕ АКВАРЕЛИ

НА ГОРИЗОНТЕ — ЮЖНАЯ АМЕРИКА

ИБ № 2433

Иван Иванович Болдырев

У ЧУЖИХ БЕРЕГОВ

Редактор О. Яринова
Художник Н. Коробейников
Художественный редактор А. Степанова
Технический редактор З. Ходос
Корректоры Е. Самолетова, Г. Василёва

Сдано в набор 06.03.80. Подписано в печать 25.09.80. А13822. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 6,72+0,84 с вкл. Учетно-изд. л. 7,9. Тираж 65 000 экз. Цена 30 коп. Заказ 2408.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

30 коп.

ОБ АВТОРЕ

Болдырев Иван Иванович — судовой врач. Родился в Астрахани в 1933 году. Окончил астраханский медицинский институт, работал в Казахстане.

С 1962 года живет в Риге. Работает врачом на латвийских торговых судах. Побывал в 50 странах мира. Печатается с 1953 года. Его зарубежные впечатления публиковались в центральной и республиканской печати, а также в зарубежных газетах. Он выступал на страницах журналов «Огонек», «Век XX и мир», «Морской флот», «Звайгзне» и др.

Иван Болдырев автор книг «Верните человека», «На разных широтах», «Свидание на Серебряной реке», «В стране Бонни и Клайда», вышедших в рижском издательстве «Лиесма».

«У чужих берегов» — первая книга Ивана Болдырева, вышедшая в издательстве «Молодая гвардия».

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ